

ДИАНА ГЭБЛДОН

Дыхание снега и пепла

Книга 1
Накануне войны

История, ставшая
культовым сериалом
«Чужестранка»

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Дыхание снега и пепла.
Книга 1. Накануне войны**

«ЭКСМО»

2005

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Гэблдон Д.

Дыхание снега и пепла. Книга 1. Накануне войны / Д. Гэблдон — «Эксмо», 2005 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-95497-1

Сага о великой любви Клэр Рэндол и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Ради такой любви стоит жить и рисковать жизнью. 1773 год. Улицы Бостона заполнены протестующими, а в лесной глуши Северной Каролины горят хижины одиноких поселенцев — это первые тревожные вестники приближающейся американской революции. В этом хаосе губернатор призывает Джейми Фрэзера объединить людей для защиты английской колонии и сохранения власти короля. От своей жены Клэр Джейми знает, что через два года случится непоправимое и тот, кто останется верен королю, будет либо мертв, либо отправлен в изгнание. Но, несмотря ни на что, Клэр с Джейми вновь надеются, что их семья, которая не знает границ времени, сможет изменить свое будущее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-95497-1

© Гэблдон Д., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Книга 1	6
Пролог	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	53
Часть вторая	60
Глава 8	60
Глава 9	62
Глава 10	76
Глава 11	78
Глава 12	80
Глава 13	83
Глава 14	85
Глава 15	91
Часть третья	99
Глава 16	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Диана Гэблдон
Дыхание снега и пепла
Роман

Diana Gabaldon
A Breath of Snow and Ashes

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2005 by Diana Gabaldon

© Черташ А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“»,
2017

Книга 1

Накануне войны

*Книга посвящается
Чарльзу Диккенсу
Роберту Льюису Стивенсону
Дороти Сэйерс
Джону Даниу Макдональду
И
П. Г. Вудхаусу*

Пролог

Время. Люди говорят о времени множество вещей, которые они говорят о Боге. Здесь всегда есть некое предсуществование и нет конца. В этом слове звучит безграничное могущество – ибо ничто не может противостоять времени. Ни горы, ни армии.

И конечно, время лечит. Дайте чему угодно достаточно времени, и время обо всем позаботится: боль утихнет, невзгоды исчезнут, потери уйдут в прошлое.

Земля к земле, пепел к пеплу, прах к праху. В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не уйдешь в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

И если Время – это Бог, то, полагаю, Память не что иное, как Дьявол.

Часть первая Слухи о войне

Глава 1 Прерванный разговор

Собака почуяла их первой. Было темно, поэтому Йен Мюррей скорее почувствовал, чем увидел, как Ролло внезапно поднял голову возле его бедра и наострил уши. Мужчина положил руку на шею псу и ощутил, как собачья шерсть от напряжения встала дыбом. Они с Ролло хорошо знали друг друга, поэтому Йен, даже не произнося «люди», опустил вторую руку на нож у пояса и остался неподвижно лежать. Он прислушивался.

В лесу было спокойно. До рассвета оставалось несколько часов, и воздух был неподвижен, как в церкви. От земли, будто дым от ладана, медленно поднимался влажный туман. Йен устроился на ночлег на стволе поваленного желтого тополя, предпочтя компанию мокриц просящей повсюду земной сырости. В ожидании он по-прежнему держал собаку за шею.

Ролло зарычал, это был низкий непрекращающийся утробный гул, который Йен почти не слышал, но легко чувствовал – вибрация поднималась вверх по руке, натягивая каждый нерв до предела. До этого Йен не спал – теперь он редко спал по ночам, – он тихо смотрел на купол неба, поглощенный своим всегдашним спором с Богом. Тишина исчезла, когда Ролло зашевелился. Мужчина медленно приподнялся и свесил ноги со сгнившего наполовину ствола, сердце забилось быстрее.

Поведение Ролло не изменилось, но он повернул свою крупную голову, следя за чем-то невидимым. Ночь была безлунной, Йен мог разглядеть только неясные силуэты деревьев и движущиеся ночные тени, но больше не видел ничего. А потом он услышал их, услышал, как они идут. Звук был довольно далеким, но быстро приближался. Йен поднялся и мягко ступил в густую темноту под пихтой. Щелчок языком, и Ролло, прекратив рычать, последовал за хозяином – беззвучно, как его волк-отец.

С места, где Йен остановился на ночлег, была видна звериная тропа, но люди, которые по ней шли, не были охотниками. Белые мужчины. Это было странно и даже чуть более, чем просто странно. Он не видел их, но в этом не было необходимости: звуки, которые они производили, нельзя было ни с чем спутать. Индейцы в пути были беззвучными, а многие шотландские горцы, среди которых он жил, могли передвигаться по лесу подобно призракам, однако он не сомневался в источнике шума. Металл, вот что это было. Он улавливал звон сбруи, звяканье пряжек и пуговиц и, главное, стук пороховых бочек.

Людей было много. И они были близко, так близко, что он почувствовал их запах. Йен наклонился чуть вперед и глубоко вдохнул, чтобы использовать все подсказки.

Они несли с собой шкуры: он разобрал запах засохшей крови и меха, который, по всей вероятности, и насторожил Ролло. Однако эти люди не были теми, кто расставлял силки, – их слишком много. Звероловы же обычно передвигались в одиночку или по двое.

Бедные люди, грязные люди. Не охотники. Найти добычу в это время года было легко, но они пахли голодом. А их пот отдавал плохой выпивкой.

Теперь они шли совсем рядом, может, в десяти футах от того места, где он стоял. Ролло издал тихий ворчащий рык, и Йен снова сжал его загривок, но люди производили слишком много шума, чтобы что-то услышать. Он считал шаги, прислушивался к стуку повозок и коробок с боеприпасами, различал ворчание из-за стоптанных ног и вздохи усталости.

Двадцать три человека, заключил он, и еще мул – нет, два мула: он разобрал скрип нагруженных корзин с припасами и жалобное тяжелое дыхание на грани истощения, какое обычно издает навьюченное животное.

Люди никогда не заметили бы его, но какое-то движение воздуха донесло до мулов запах Ролло. Оглушительный рев сотряс темноту, и лес перед Йеном взорвался треском веток и удивленными криками. Когда позади раздался выстрел, Йен уже бежал.

– О Дхиа! – вскрикнул он на гэльском, когда что-то ударило его сзади по голове, и он во весь рост растянулся на земле. Его убили? Нет, Ролло терся мокрым носом о его ухо. Голова гудела, будто улей, перед глазами плясали белые огоньки.

– Беги! Руит! – задыхаясь, шептал он, толкая собаку. – Убегай! Сейчас!

Пес нерешительно стоял рядом, жалобно и низко скуля. Он то бросался вперед, то возвращался назад, не в силах покинуть хозяина.

– Руит!

Мужчина поднялся на колени и уперся руками в землю, продолжая отталкивать пса. Ролло наконец подчинился и побежал, как его учили. Даже если бы Йен смог встать на ноги, самому ему уже не удалось бы скрыться. Он упал лицом вниз, погрузив ноги и руки как можно глубже в палую листву, и начал бешено извиваться, пытаясь целиком укрыться в ней. Нога преследователя опустилась прямо между его лопаток, но сырые листья заглушили резкий вздох. Это неважно, все равно слишком много шума. Кто бы ни наступил на него, человек этого не заметил. Раздался звук скользящего удара, когда незнакомец в панике споткнулся, очевидно, приняв его за часть сгнившего дерева.

Стрельба стихла, но крики продолжались, однако слов было не разобрать. Йен знал, что лежит ничком в лесу, ощущал холодную влагу на щеках, чувствовал в носу острый запах гнилых листьев. Ему казалось, что он очень пьян, окружающий мир медленно вращался вокруг. После первого сильного удара он почти не чувствовал боли, но почему-то не мог поднять голову. Он смутно подумал, что если умрет здесь, никто об этом не узнает. Его мать расстроится, если не будет знать, что с ним случилось.

Голоса стали тише, спокойнее. Кто-то все еще кричал, но это было больше похоже на команды. Они уходили. Откуда-то издалека пришла мысль о том, что он мог бы позвать на помощь. Если бы они узнали, что он белый, то могли бы помочь. Или нет.

Он остался лежать беззвучно и неподвижно. Либо он умирает, либо нет. Если первое, то его нельзя спасти. Если же второе, то помощь и не требуется.

«Что ж... Ведь я просил, так? – подумал он спокойно, возобновляя свою беседу с Богом, как если бы по-прежнему отдыхал на стволе желтого тополя, глядя в бесконечное небо над головой. – Знак, сказал я. Но я не ожидал, что Ты пошлешь мне его так скоро».

Глава 2

Голландская хижина

Март 1773 года

Никто не знал, что там была хижина, пока Кенни Линдси не заметил огни по пути к Риджу.

– Я ничего не увидел бы, – сказал он, наверное, в шестой раз, – если бы не сумерки. Будь это день, никогда бы не узнал об этом. Никогда. – Парень вытер лицо дрожащей рукой, не в

силах отвести взгляд от ряда тел, что лежали на опушке леса. – Это были дикари, Мас Dubh¹? Скальпы не сняты, но может...

– Нет. – Джейми накрыл посиневшее лицо маленькой девочки измазанным в саже платком. – Никто из них не ранен. Ты уверен, что больше ничего не видел, когда вытаскивал тела наружу?

Прикрыв глаза, Линдси покачал головой, его била заметная дрожь. Это был послеобеденный час прохладного весеннего дня, но пот струился по телу.

– Я не смотрел, – ответил он просто.

Мои руки были холодны как лед – такие же онемевшие и бесчувственные, как резиноподобная плоть мертвой женщины, которую я осматривала. Они были мертвы дольше суток: трупное окоченение уже прошло, сделав плоть холодной и обмякшей. Весной в горах было морозно, и это на время уберегло тела от более неприятных признаков разложения. И все же я дышала часто и неглубоко, в воздухе висел запах пожарища. От почерневшего остова крошечной хижины то и дело поднимались струйки дыма. Краем глаза я заметила, как Роджер пнул лежащее рядом бревно, а потом наклонился и поднял то, что лежало под ним.

Кенни постучался в дверь задолго до рассвета, вынудив нас покинуть теплую постель. Мы добирались в спешке, хотя знали, что уже ничем не сможем помочь этим людям. Некоторые жители с ферм на Ридже Фрэзера присоединились к нам: Юэн, брат Кенни, стоял рядом с Фергусом и Ронни Синклером. Они приглушенно переговаривались на гэльском под деревьями.

– Знаешь, что с ними произошло? – Джейми присел рядом со мной с озабоченным видом. – Я имею в виду всех остальных? Что случилось с этой бедной женщиной, и так ясно. – Он кивнул на лежащий перед ним труп.

Ветер трепал края юбки погибшей, слегка обнажая длинные изящные ноги, обутые в кожаные башмаки. Пара таких же длинных рук неподвижно лежала по бокам. Она была высокой, но не выше Брианны. Подумав об этом, я инстинктивно посмотрела в сторону опушки, где среди ветвей мелькали яркие волосы моей дочери. Я сняла с тела передник и накрыла им голову и торс. Руки погибшей были красными, с огрубевшими от работы костяшками пальцев, с мозолистыми ладонями, однако, судя по упругости бедер и стройности силуэта, ей было не больше тридцати – скорее всего она была даже моложе. Никто не смог бы теперь сказать, была ли она красивой.

Я покачала головой в ответ на замечание Джейми.

– Не думаю, что огонь стал причиной ее смерти. Посмотри, ноги целиком остались нетронутыми. Возможно, она упала в очаг. Волосы загорелись, а потом пламя перекинулось на платье. Она должна была лежать очень близко к дымоходу, чтобы искры попали на нее. Пламя занялось, и через некоторое время горела уже вся эта чертова хижина.

Джейми медленно кивнул, не отводя глаз от мертвой.

– Да, похоже на правду. Но тогда что их убило? Другие чуть опалены, но никто не обгорел, как она. Однако все, видимо, были мертвы еще до того, как хижина загорелась, иначе попытались бы выбраться наружу. Может, это была какая-то смертельная болезнь?

– Не думаю. Дай-ка мне еще раз взглянуть на остальных.

Я медленно прошла вдоль ряда неподвижных тел, останавливаясь возле каждого, чтобы заглянуть под сделанные на скорую руку саваны, что скрывали их лица. Существовало бесконечное число болезней, которые в эти времена могли очень быстро повлечь за собой смертельный исход. Отсутствие антибиотиков и возможности ввести в организм жидкость другими способами, кроме орального и ректального, делали свое дело: обычная диарея могла убить за сутки.

¹ *Mac Dubh* (шотл. гэльск.) – прозвище Джейми, «Сын Черного».

Мне приходилось видеть такие вещи довольно часто, их было легко распознать. Любой доктор справится с диагнозом, а у меня за плечами было более двадцати лет практики. Я то и дело сталкивалась в этом веке со случаями, которых не встречала в свое время, – в особенности это касалось ужасных паразитарных заболеваний, которые в Новый Свет приносили рабы, привезенные из тропиков. Однако не было такого паразита или известных мне инфекций, которые могли бы оставить подобные следы на жертвах.

Все тела – сгоревшая женщина, старуха и трое детей – были найдены внутри пылающей хижины. Кенни вытащил их наружу буквально за секунды до того, как обрушилась крыша, а потом сразу отправился за помощью. Все были мертвы до того, как начался пожар; несчастные, по-видимому, скончались примерно в одно и то же время, поскольку, надо полагать, огонь перекинулся на дом вскоре после того, как женщина замертво упала в очаг.

Погибших аккуратно уложили рядом друг с другом под ветвями огромной красной ели, мужчины уже начали копать могилу неподалеку. Брианна стояла возле тела девочки, склонив голову. Я подошла и присела на колени возле маленькой жертвы, она опустилась около нее с другой стороны.

– Что это было? – спросила она тихо. – Яд?

Я удивленно посмотрела на нее.

– Думаю, что так. Как ты догадалась?

Брианна кивнула на посиневшее лицо ребенка и попыталась прикрыть ему глаза, но они вылезли из орбит, и веки не опускались, придавая мертвому взгляду выражение ужаса. Приятные детские черты были искажены предсмертной агонией, в уголках рта остались следы рвоты.

– Справочник герлскаута, – ответила Брианна. Она обернулась на мужчин, но все они были слишком далеко, чтобы услышать наш разговор. Уголок ее рта дернулся в горькой усмешке, и она отвела взгляд от тела, вытянув перед собой раскрытую ладонь. – «Никогда не ешьте странных грибов. Существует множество ядовитых видов, распознать которые может только специалист», – процитировала дочь. – Роджер нашел небольшую грибницу рядом с тем бревном.

Влажные, мясистые шляпки, бледно-коричневые с небольшими белесыми наростами, открытые тонкие пластинки со спорами, хрупкие ножки – такие бледные, что в густой еловой тени кажутся почти флуоресцентными. Их уютная, спокойная землистость скрывала затаившуюся внутри смертельную опасность.

– Пантерный мухомор, – сказала я скорее себе, чем ей, и осторожно взяла один гриб с ее ладони. – Или *Agaricus pantherinus*, как он будет называться, когда у кого-нибудь дойдут руки до того, чтобы их классифицировать. «Пантеринус», потому что они убивают быстро, как эта большая кошка.

Я увидела, как мурашки побежали по руке Брианны, поднимая дыбом золотисто-рыжие волоски. Она развернула ладонь вниз и высыпала смертельные грибы на землю.

– Кто в здравом уме станет есть мухоморы? – спросила она, вытирая руку об юбку с легким содроганием.

– Люди, которые не знают, что они ядовиты. Или люди, которые голодают, – ответила я мягко.

Я подняла руку ребенка и провела по тонким костям предплечья. Маленький живот выдавал признаки вздутия, но нельзя было сказать наверняка, чем оно вызвано – недоеданием или посмертными изменениями. Ключицы, однако, выдавались вперед и были заострены, как лезвия серпа. Все тела были худыми, но не до состояния истощенности.

Я посмотрела вверх, на глубокие синие тени гор, возвышающихся над хижинкой. Слишком рано для урожаев, но в лесу полно еды для тех, кто знает, где искать.

Джейми подошел и присел рядом со мной, ласково положив руку мне на спину. Несмотря на холод, струйка пота бежала по его шее, а густые медные волосы потемнели от влаги на висках.

– Могила готова, – сказал он приглушенно, как будто боялся потревожить ребенка. – Это то, что убило девочку? – Джейми кивнул на разбросанные рядом грибы.

– Думаю, что да. Ее и всех остальных. Вы осмотрели окрестности? Кто-нибудь знает, кто они такие?

Он покачал головой.

– Точно не англичане: не та одежда. Немцы наверняка ушли бы в Салем: они любят общины и не склонны оседать поодиночке. Они могли быть голландцами. – Он кивком указал на резные деревянные башмаки, в которые была обута старая женщина, потрескавшиеся и затертые от долгого использования. – Не осталось ни книг, ни записей, если они вообще были. Ничего, что могло бы подсказать нам их имена. Но...

– Они прожили здесь недолго.

Низкий, надтреснутый голос заставил меня посмотреть вверх. Это был Роджер, он присел рядом с Брианной и указывал в сторону обгоревших останков хижины. Рядом был размечен небольшой участок под огород, но несколько растений, которые виднелись там, едва проклюнулись из земли, нежные листочки уже завяли и почернели от поздних морозов. Здесь не было ни хозяйственных построек, ни скота.

– Новые эмигранты, – сказал Роджер мягко. – Они приехали сюда не по контракту, это была семья. Они также не привыкли к тяжелому труду на свежем воздухе, у женщин руки в шрамах и свежих мозолях.

Его собственная широкая ладонь опустилась на колено, и он полубессознательно потер домотканую материю, из которой были сшиты брюки. Руки Роджера были сейчас такими же огрубевшими, как руки Джейми, но когда-то он обладал нежной кожей книжника и школяра. Мужчина знал, с какой болью приходит закалка.

– Интересно, остался ли у них кто-нибудь в Европе, – пробормотала Брианна. Она откинула светлые волосы со лба девочки и снова накрыла ее лицо тканью. Я видела, как дернулось ее горло, когда она сглотнула. – Они никогда не узнают, что с ними случилось.

– Не узнают. – Джейми резко поднялся. – Говорят, Бог любит дураков, но, думаю, даже Всемогущий время от времени теряет терпение. – Он отвернулся и пошел к Линдсею и Синклеру.

– Ищите мужчину, – сказал он Синклеру.

Все головы повернулись в его сторону.

– Мужчину? – переспросил Роджер, а затем вдруг начал внимательно рассматривать обгоревшие останки хижины, лицо его осветилось догадкой. – Конечно – того, кто построил для них жилище.

– Женщины могли сами это сделать, – заметила Брианна, выпятив подбородок.

– Ты могла, это да, – сказал он, бросив косой взгляд на жену, и губы его изогнулись в лукавой усмешке.

Брианна походила на Джейми не только цветом волос, даже без обуви рост девушки достигал шести футов, и она была так же стройно и крепко сложена, как отец.

– Может, они и могли, но не сделали этого, – коротко резюмировал Джейми. Он кивнул на обнажившееся нутро хижины, где несколько предметов мебели все еще удерживали свои хрупкие формы. Пока я смотрела туда, с гор подул вечерний ветер, омывая руины, и черный силуэт стула беззвучно рассыпался в пыль, клубы сажи и пепла призрачно взорвались над самой землей.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я поднялась на ноги и задвигалась рядом с ним, разглядывая дом. Внутри не осталось почти ничего, хотя дымоход по-прежнему удерживал свои

позиции, искореженные огнем остатки стен стояли на месте. Бревна, из которых они были сложены, местами обвалились, напоминая обугленных идолов.

– Здесь нет металла, – сказал Джейми, указывая на почерневший очаг, где лежал изувеченный, расколовшийся надвое от высокой температуры котел, чье содержимое давно испарилось. – Никакой крупной посуды, кроме этого – а эта штука слишком тяжелая, чтобы можно было унести с собой. Ни инструментов, ни ножа, ни топора. Понимаете, у того, кто это построил, не могло не быть этих вещей.

Он был прав: бревна не были обструганы, но отрубы и пазы явно были вырублены при помощи топора.

Нахмурившись, Роджер подобрал длинную еловую ветку и принялся ворошить кучи пепла и обгоревших обломков, чтобы убедиться в правильности предположения Джейми. Кенни Линдси и Синклер не стали беспокоиться на этот счет: Джейми сказал искать мужчину, и они без колебаний отправились исполнять поручение, бесшумно исчезнув в вечернем лесу. Фергус отправился с ними. Юэн Линдсей, его брат Мурдо и Макгилливреи уже начали собирать камни для каирна² – тягостная повинность.

– Если здесь был мужчина, значит, он их бросил? – тихо пробормотала Брианна в мою сторону, переводя взгляд с отца на ряд лежащих тел. – Может, эта женщина решила, что они не выживут в одиночку? И потому лишила жизни себя и остальных – чтобы избежать мучительной и долгой смерти от холода и голода?

– Бросил их и забрал с собой все инструменты? Боже, надеюсь, это не так. – При этой мысли я перекрестилась, однако засомневалась в правдоподобности такой гипотезы. – Тогда они пошли бы искать помощь, разве нет? Даже с детьми... Снег почти сошел.

Только высокие горные перевалы были по-прежнему покрыты снежными шапками, и хотя склоны и тропы пока что оставались грязными и слякотными из-за таяния, ими можно было пользоваться уже по меньшей мере месяц.

– Я нашел мужчину, – сказал Роджер, прерывая цепь моих рассуждений. Он говорил очень спокойно, но остановился, чтобы прочистить горло. – Здесь... Прямо здесь.

Дневной свет уже начал меркнуть, но я увидела, как он побледнел. Ничего удивительного: скрюченная фигура, которую он обнаружил под обугленными останками обрушившейся стены, выглядела достаточно жутко, чтобы запнул любую. Тело обгорело до черноты, руки были подняты, как у боксера, – типичная поза для тех, кто погиб в огне. Было трудно сказать с полной уверенностью, был ли это мужчина, хотя, судя по тому, что я видела, это был именно он. Наши версии по поводу нового тела были прерваны криком с опушки.

– Мы нашли их, милорд!

Все подняли головы от нового трупа и увидели Фергуса, который махал рукой у кромки леса.

«Их», воистину. Двое мужчин на этот раз. Распростертые на земле, в тени деревьев, их нашли не вместе, но недалеко друг от друга, в паре сотен метров от дома. И оба, насколько я могла судить, умерли от отравления грибами.

– Это не голландец, – повторил Синклер уже, наверное, в четвертый раз, мотая головой над одним из тел.

– Может, он из Индии? Non³? – отозвался Фергус с некоторым сомнением в голосе. Он почесал нос кончиком крюка, который заменял ему левую руку.

В самом деле, одно из тел принадлежало чернокожему человеку. Другой был белым. Оба – в рубашках и брюках – поношенная одежда без всяких отличий из простой домотканой материи. Несмотря на холод, они были без курток и босые.

² Искусственное сооружение в виде груды камней, часто конической формы, которым отмечали места захоронений.

³ Нет (*фр.*).

– Нет. – Джейми покачал головой, бессознательно вытирая ладонь о брюки, как будто хотел избавиться от прикосновения смерти. – У голландцев есть рабы с Барбадоса, это так, но эти двое явно лучше ели, чем люди из хижины. – Он приподнял подбородок, указывая в сторону безмолвно лежащих рядом женщин и детей. – Они здесь не жили. К тому же...

Я увидела, как его взгляд застыл на босых ногах мертвецов. Стопы были немного запачканными вокруг щиколоток и сильно огрубевшими, но в целом чистыми. Подошвы чернокожего мужчины светились желтовато-розовым, на них не было следов грязи, между пальцев не застряли кусочки опавшей листвы. Погибшие не бродили по весеннему лесу босыми, это можно было утверждать наверняка.

– Выходит, мужчин было больше? Когда эти люди умерли, их компаньоны сняли с них обувь и забрали все ценное, – прагматично рассуждал Фергус, указывая сначала на сгоревшую хижину, а потом на тела перед собой. – А потом ушли.

– Может, и так. – Джейми сжал губы и внимательно обводил взглядом землю вокруг, однако почва была буквально взбита тяжелыми шагами, повсюду валялись комки вырванной с корнем травы, садик возле хижины был засыпан пеплом и кусками обугленного дерева. Складывалось впечатление, что здесь побывал бешеный гиппопотам.

– Хотел бы я, чтобы с нами был молодой Йен. Он превосходный следопыт и мог бы по крайней мере рассказать, что произошло там. – Мой муж кивнул в сторону леса, где нашли мужчин. – Сколько их там было и, может, в какую сторону они пошли.

Джейми и сам был неплохим следопытом. Но свет убывал быстро: даже к опушке, где стояла хижина, подобно морскому прибою, подбиралась темнота: образовывала глубокие тени вокруг деревьев, маслянисто кралась по разоренной земле.

Он обратил взгляд к горизонту, где по мере того, как солнце опускалось ниже, перистые полотна облаков начинали светиться золотым и розовым. Джейми потряс головой.

– Похороните их. И уходим.

Однако на нашу долю выпало еще одно мрачное открытие. Сгоревший человек, единственный из всех, умер не от огня и не от яда. Когда мужчины подняли обугленный труп, чтобы перенести его в могилу, что-то выпало из его тела и с коротким и резким глухим стуком ударилось о землю. Брианна подобрала этот предмет и потеряла его краем передника.

– Кажется, они проглядели это, – заметила она почти без выражения и вытянула руку вперед.

Это был нож или то, что от него осталось. Деревянная рукоятка сгорела без следа, а само лезвие почернело от жара. Стараясь не замечать густой, едкой вони горелой плоти и жира, я склонилась над трупом, осторожно прощупывая его торс. Пламя способно уничтожить почти все, но иногда сохраняет странные вещи. Рана треугольной формы была хорошо заметна, глубоко выжженная в истлевшей плоти между ребер.

– Его закололи, – сказала я и вытерла вспотевшие руки о передник.

– Они убили его, – продолжила Бри, глядя мне в лицо, – а потом его жену. – Она посмотрела на молодую женщину, лежащую на земле с фартуком, скрывающим ее обезображенное лицо. – Она приготовила суп из грибов, и они все его поели. Вместе с детьми.

На опушке стояла тишина, единственным звуком были далекие крики птиц в горах. Я чувствовала, как болезненно бьется сердце в груди. Мечь или жестокое отчаяние?

– Да, может быть, – сказал Джейми тихо. Он наклонился, чтобы взяться за край парусины, из которой они сделали носилки для сгоревшего. – Будем считать, что это трагическая случайность.

Голландца с семьей положили в одну могилу, двух мужчин – в другую.

Солнце село, подул сильный ветер. Когда они поднимали молодую женщину, фартук под напором холодного воздуха соскользнул с ее лица. Синклер при виде этого зрелища издал сдвленный крик и едва не уронил покойную. Не было ни лица, ни волос, узкая талия резко

переходила в обугленную руину женского тела. Плоть на голове сгорела целиком, оставив после себя на удивление крошечный черный череп, скалившийся в неуместной улыбке.

Они спешно опустили ее в неглубокую могилу, уложив рядом детей и мать, и оставили нас с Брианной сооружать над ними небольшой каирн, какие издревле ставили над могилами в Шотландии, – чтобы отметить место погребения и защитить тела от диких животных. Тем временем мужчины занимались второй ямой, попроще, предназначенной для двух босых мужчин.

Работа наконец была завершена, и все встали вокруг двух свежих насыпей – бледные и безмолвные. Я увидела, как Роджер подошел поближе к Брианне и обнял за талию, как бы защищая. Небольшая дрожь пробежала по ее телу, которая, я знала, не имеет никакого отношения к холоду. Их сын Джемми был, наверное, лишь годом младше самой маленькой девочки.

– Скажешь что-нибудь, Мас Dubh? – Кенни Линдси вопросительно посмотрел на Джейми, одновременно поглубже натягивая берет на голову в попытке защитить уши от ночного холода.

Сумерки уже сгустились, и никто не хотел медлить. Нам придется разбить лагерь довольно далеко, чтобы не чувствовать запах гари, в темноте сделать это будет довольно сложно. Но Кенни был прав: мы не могли уйти, не попрощавшись с этими незнакомцами, не устроив для них хотя бы символические похороны.

Джейми покачал головой.

– Нет, пусть Роджер говорит. Раз они были голландцами, то наверняка были и протестантами.

Хотя было совсем темно, я заметила, как Брианна бросила резкий взгляд на отца. Роджер действительно принадлежал к пресвитерианской церкви, но к ней принадлежал и Том Кристи, мужчина гораздо старше Роджера, чье суровое лицо отразило его мнение о происходящем. Разумеется, вопрос религии был не более чем предлогом, и все об этом знали, включая Роджера.

Роджер прочистил горло и издал звук рвущейся ткани. Этот звук всегда был болезненным, но сейчас к нему примешивалась еще и злость. Он не стал оспаривать принятое решение и открыто встретил взгляд Джейми, вставая в изголовье могилы. Я думала, он просто прочтет Отче наш или какой-нибудь псалом. Однако к нему пришли другие слова.

– Вот, я кричу: обида! И никто не слушает; вопию, и нет суда. Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму⁴.

Голос Роджера когда-то был сильным и очень красивым. Теперь он стал глухим, будто засоренным. Его хрип звучал печальным напоминанием о былой красоте. Но, осязая силу присутствия в той страсти, с которой он говорил, – так что все, кто его слушал, скорбно склонили головы, скрывая лица в тени.

– Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою. – Лицо Роджера было суровым и неподвижным, но на краткий миг его глаза остановились на обугленном пне, который служил голландской семье колодой для рубки дров. – Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня.

Я увидела, как трое братьев Линдси обменялись взглядами и подвинулись ближе друг к другу, защищаясь от ветра.

– Помилуйте меня, помилуйте меня вы, друзья мои, ибо рука Божия коснулась меня. – Теперь он заговорил мягче, и его голос стал едва слышен за стонами деревьев.

Брианна сбоку от него совершила еле заметное движение, и он снова прочистил горло – на этот раз особенно яростно, сильно вытянув шею, так что я заметила на ней уродливый шрам от веревки.

⁴ Здесь и далее: Книга Иова 19:7-29.

– О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!

Роджер медленно оглядел всех вокруг без всякого выражения, останавливаясь на каждом лице по очереди, затем глубоко вздохнул и продолжил, хрипя и каркая:

– А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восстановит из праха распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога. – Брианна судорожно поежилась и отвела взгляд от влажной земли над могилами. – Я узрю Его сам; мои глаза, не глаза другого, увидят Его.

Он замолчал, и послышался короткий дружный вздох – люди бессознательно задерживали дыхание. Однако Роджер еще не закончил. Он несколько рассеянно дотянулся до ладони Бри, взял ее в свою и крепко сжал. Эти последние слова он говорил скорее себе самому, не думая о своих слушателях:

– Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд.

По телу пробежала дрожь, и я почувствовала, как рука Джейми сплелась с моей – холодная, но сильная. Он посмотрел на меня, а я – на него. Я знала, о чем он думал. Он думал, как и я, не о настоящем, а о будущем – о маленькой заметке, которая появится три года спустя на страницах номера «Уилмингтон Газет» от семнадцатого февраля тысяча семьсот семьдесят шестого года.

«С прискорбием сообщаем, что в результате пожара погибли Джеймс Маккензи Фрэзер и его жена, Клэр Фрэзер. Их дом на Ридже Фрэзер целиком сгорел в сильном огне в ночь на двадцать первое января сего года. Мистер Фрэзер, племянник покойного Гектора Кэмерона с плантации Ривер Ран, родился в деревне Брок Туарах, в Шотландии. Он был широко известным и уважаемым человеком в общине. Супруги не оставили после себя детей».

Пока что было легко не думать об этом слишком много. Это событие лежало далеко в будущем, которое, разумеется, был шанс изменить. Предупрежден, значит вооружен, так ведь?

Я бросила взгляд на круглый невысокий каирн, и меня снова пробрала дрожь – на этот раз сильнее. Я прижалась к Джейми и положила вторую ладонь на его предплечье. Он накрыл мою руку своей и крепко сжал.

– Нет, – сказал он очень тихо. – Нет, я не позволю этому случиться.

Когда мы покидали пустынную поляну, я никак не могла избавиться от навязчивой картинки в голове. Это была не сгоревшая хижина, не внушающие ужас тела погибших, не беспомощный мертвый садик возле дома. То, что преследовало меня, я увидела несколько лет назад – это был надгробный камень около руин монастыря в Бьюли, высоко в Хайленде. Под ним покоилась знатная дама, чье имя сопровождалось вырезанным в камне изображением скалящегося черепа – так похожего на тот, который скрывал передник голландки. Под черепом был девиз «*Hodie mihi cras tibi – sic transit gloria mundi*». Сегодня мой черед, завтра твой – так проходит мирская слава.

Глава 3

Держи друзей близко

Мы вернулись на Ридж Фрэзера на следующий день перед закатом и обнаружили гостя. Майор Дональд Макдональд, служивший в армии Его Величества, а с недавнего времени – в личном полку конной гвардии губернатора Триона, сидел на нашем крыльце с моим котом на коленях и кувшином пива в руках.

– Миссис Фрэзер! Ваш покорный слуга, мэм, – сердечно крикнул он, увидев меня. Он попытался встать, но вдруг сдавленно охнул: Адсо, протестуя против потери своего теплого гнездышка, запустил когти в ноги майора.

– Сидите, майор, – сказала я, поспешно махнув ему рукой. Он опустился назад на деревянную ступень с гримасой боли, но благородно удержался от того, чтобы швырнуть Адсо в ближайшие кусты. Я поднялась на крыльцо и со вздохом облегчения присела рядом.

– Мой муж проверяет лошадей, он скоро будет здесь. Вижу, кто-то вас уже встретил? – Я кивнула на пиво, которое он немедленно предложил мне галантным жестом, вытерев краешек кувшина рукавом.

– Ах да, мэм, – заверил он меня. – Миссис Баг была весьма озабочена моим благосостоянием.

Чтобы не показаться невежливой, я приняла пиво, которое, нужно сказать, оказалось очень кстати. Джейми спешил вернуться домой, поэтому мы с самого рассвета были в седлах, сделав лишь короткую передышку в полдень, чтобы перекусить.

– Превосходный напиток, – сказал майор улыбаясь, когда я, утолив жажду, вздохнула, блаженно прикрыв глаза. – Должно быть, вы сами варите?

Я покачала головой и сделала еще глоток перед тем, как вернуть ему пинту.

– Нет, это Лиззи. Лиззи Уэмисс.

– Ваша служанка, ну конечно. Передадите мои похвалы?

– Разве она не здесь? – Я посмотрела в сторону открытой двери за нами, удивленная таким поворотом. В это время дня Лиззи обычно была на кухне и готовила ужин, но наверняка услышала бы, что мы вернулись и вышла нас встретить. Только теперь я заметила, что едой не пахнет. Разумеется, она не знала, когда нас ждать, однако...

– Мм, нет. Она... – Майор сдвинул брови в попытке вспомнить что-то, и я задумалась о том, насколько полон был кувшин, когда он за него принялся. Теперь внутри осталось жидкости только на пару дюймов. – Ах да, кажется, она вместе с отцом отправилась к Макгилливреям – так миссис Баг мне сказала. Должно быть, навестить своего жениха?

– Да, она помолвлена с Манфредом Макгилливреем. Но миссис Баг...

– В кладовой над родником⁵, – сказал он, кивнув в сторону небольшого сарая выше на холме. – Полагаю, все дело в сыре, она его упоминала. На ужин мне был любезно предложен омлет.

– Ах, вот как. – Я немного расслабилась, пыль, поднятая во время длинного путешествия, опускалась во мне вместе с пивом. Как замечательно было вернуться домой! Моя умиротворенность, однако, была шаткой: она то и дело сменялась воспоминаниями о сгоревшей хижине.

Я полагала, что миссис Баг сообщила ему о причине нашей отлучки, но он ничего не сказал об этом, как и о том, что привело его на Ридж. Конечно, нет. Все серьезные разговоры подождут до прихода Джейми. Будучи женщиной, я могла рассчитывать лишь на учтивость с его стороны и немного местных сплетен, пока он ждет. Я могла бы посплетничать с ним, но мне нужно было подготовиться, у меня не было к этому природного таланта.

– О, я вижу ваши отношения с котом теплеют на глазах, – осмелилась я наконец начать. Я невольно посмотрела на его голову, однако парик майора был в идеальном состоянии.

– Таковы общеизвестные законы политики, я полагаю, – ответил он, поглаживая пальцами густую серебристую шерсть на животе Адсо. – Держи друзей близко, а врагов еще ближе⁶.

– Очень разумно, – согласилась я. – Ээ... Надеюсь, вам не пришлось ждать слишком долго?

⁵ Кладовка у родника для хранения скоропортящихся продуктов.

⁶ Высказывание принадлежит Никколо Макиавелли.

Он пожал плечами, показывая, что ожидание не имеет для него большого значения, – в целом такой подход был верным. У гор свое время, и мудрый человек не станет их торопить. Макдональд был опытным солдатом, и ему пришлось много путешествовать, но он родился в Питлохри, близко к вершинам Хайленда⁷ – он знал дух гор.

– Я приехал этим утром, – сказал он. – Из Нью-Берна.

Это был тревожный звоночек. Путешествие из Нью-Берна должно было занять у него не меньше десяти дней, если он ехал напрямик, – и судя по его измятой, в пятнах грязи форме, так оно и было.

Нью-Берн был городом, где устроил свою резиденцию новый губернатор колонии, Джосайя Мартин. Для меня тот факт, что Макдональд сказал о Нью-Берне, не упоминая никаких промежуточных остановок, означал: какое бы дело ни привело его сюда, оно пришло из столицы. Я опасалась губернаторов.

Я посмотрела на тропинку, которая вела к конюшне, но Джейми пока что не было видно. Из кладовой появилась миссис Баг. Я помахала ей, и она в ответ тоже энергично меня поприветствовала, несмотря на то, что в одной руке несла бадью молока, в другой – корзину с яйцами, под мышкой – крынку с маслом, а под подбородком у нее был зажат большой кусок сыра. Она успешно преодолела крутой спуск и скрылась за домом, где располагалась кухня.

– Похоже, мы объединимся омлетом, – заметила я, поворачиваясь к майору. – Вы случайно не проезжали через Кросс-Крик?

– Именно через него, мэм. Тетушка вашего мужа передала вам свои наилучшие пожелания, а также множество книг и газет, которые я привез с собой.

Я с опаской относилась и к газетам в эти дни, хотя к тому моменту, как они попадали к нам в руки, описываемые в них события имели срок давности несколько недель или месяцев. Как бы там ни было, я благодарно и восторженно помычала, желая лишь одного – чтобы Джейми поскорее вернулся и я могла оставить их одних. Мои волосы пахли дымом пожарища, а руки все еще помнили прикосновение холодной плоти – мне очень хотелось от всего этого отмыться.

– Прошу прощения? – Я прослушала что-то из того, что рассказывал Макдональд.

Он учтиво наклонился поближе ко мне, чтобы повторить сказанное, но внезапно дернулся и выпучил глаза.

– Чертов кот!

Адсо, который только что мастерски изображал безвольную тряпку, вдруг с горящими глазами подскочил на коленях у майора, распустил хвост и зашипел, будто кипящий чайник, одновременно глубоко запустив когти в бедного Макдональда. Я не успела понять, что происходит, пока кот с невероятной скоростью не перебрался через плечо мужчины, разодрав манжет и сбив парик, и не юркнул в открытое окно моего хирургического кабинета.

Макдональд без остановки сыпал проклятиями, но я его уже не слышала. По тропинке к дому шел Ролло, зловещий в сумерках, как настоящий волк, но он вел себя так странно, что я была на ногах, прежде чем могла понять или предположить, что произошло.

Пес сделал несколько шагов в сторону дома, покружился на месте, как будто не в силах решить, что делать дальше, побежал назад в лес, а затем снова развернулся к дому. Все это время Ролло беспокойно скулил, помахивая опущенным хвостом.

– Иисус твою Рузвельт Христос, – сказала я. – Чертов Тимми упал в колодец⁸!

Я сбегала по ступенькам и бросилась по тропинке в лес, едва замечая, как за моей спиной чертыхается майор. Я нашла Йена приблизительно в сотне ярдов от дома, в сознании, но как

⁷ Самая большая из областей Шотландии.

⁸ «Тимми упал в колодец» – крылатая цитата из американского сериала «Лесси» о мальчике Тимми и его собаке. С Тимми вечно случаются неприятности, из которых его выручает Лесси. Примечательно, что в колодец он так ни разу и не упал.

будто пьяного. Он сидел на земле с закрытыми глазами и обеими руками держался за голову, как будто пытаясь удержать кости черепа вместе. Когда я упала рядом с ним на колени, он приоткрыл глаза и неуверенно улыбнулся.

– Тетя, – сказал он хрипло. Казалось, он хочет сказать что-то еще, но не может решить, что именно. Его рот приоткрылся и остался в этом положении, язык задумчиво двигался вперед и назад.

– Посмотри на меня, Йен, – попросила я, насколько могла, спокойно.

Он послушно выполнил мою просьбу – хороший знак. Было слишком темно, чтобы разглядеть, расширены ли его зрачки, но даже в сгущающихся сумерках в тени сосен, которые росли вдоль тропы, я заметила его нездоровую бледность и темные следы крови на рубашке. Ниже слышались торопливые шаги – это был Джейми в сопровождении Макдональда.

– Ты как, парень?

Джейми схватил его за руку, и Йен, медленно клонясь в его сторону, опустил руки, закрыл глаза и со вздохом обмяк в объятиях дяди.

– Все плохо? – беспокойно спросил он через плечо Йена, поддерживая его, пока я осматривала парня. Рубашка на спине была залита кровью – но она успела высохнуть. Собранные на затылке волосы тоже были ею пропитаны и потому затвердели. Я быстро нашла рану на голове.

– Не думаю. Что-то ударило его сзади по голове и содрало изрядный кусок скальпа, но...

– Думаете, это был томагавк?

Макдональд склонился над нами, пристально вглядываясь.

– Нет, – вяло отозвался Йен, его голос был приглушен рубашкой Джейми. – Пуля.

– Иди отсюда, пес, – коротко бросил Джейми в сторону Ролло, который сунул нос в ухо Йену, вызвав у пациента громкие вскрики и невольное подергивание плеч.

– Я посмотрю при свете, но ранение не должно быть слишком опасным. Он же как-то смог пройти часть пути. Давайте перенесем его в дом.

Мужчины сумели поднять его вверх по тропе, перекинув руки Йена себе на плечи, и через пару минут он уже лежал на операционном столе. Здесь он несколько отрывисто рассказал нам о своих приключениях, периодически вскрикивая, пока я чистила рану, срезала слипшиеся волосы и накладывала швы на его скальп.

– Я думал, что умер, – сказал Йен и шумно втянул воздух через сжатые зубы: я стягивала ниткой края рваной раны. – Боже, тетя Клэр! Но утром я проснулся и оказалось, что я не мертвый – хотя мне казалось, что в голове у меня дыра и оттуда вытекают мозги прямо на шею.

– Почти так оно и было, – пробормотала я, сосредотачиваясь на работе. – Правда, не думаю, что это была пуля.

Мое утверждение привлекло всеобщее внимание.

– Меня не подстрелили? – Голос Йена звучал несколько возмущенно. Большая рука поднялась, пытаясь нащупать рану на затылке, и я мягко хлопнула по ней.

– Лежи тихо. Нет, тебя не подстрелили, верить тебе нельзя. В ране было много грязи, кусков дерева и коры. Предполагаю, что один из выстрелов сбил сухую ветку с дерева и она, падая, ударила тебя по голове.

– Вы точно уверены, что это был не томагавк, а? – Майор тоже казался обескураженным моей версией.

Я сделала финальный стежок и отрезала нитку, качая головой.

– Не думаю, что когда-нибудь видела раны, причиненные томагавком, но это вряд ли. Видите, какие неровные края? Скальп сильно порван, но кость не задета.

– Парень говорит, вокруг была крошечная тьма, – рассудительно вставил Джейми. – Никто в здравом уме не станет метать томагавк в ночном лесу, не видя цели. Он держал на весу масляную лампу, чтобы я могла работать, Джейми подвинул ее ближе, и мы увидели не

только неровную линию стежков, но и расползающийся вокруг них синяк, до этого скрытый волосами, что я срезала.

– Вот, видите? – Джейми осторожно провел пальцем по ежику оставшихся волос, показывая несколько глубоких царапин, которые пересекали огромный синяк. – Твоя тетя права, Йен: на тебя напало дерево.

Йен едва приоткрыл один глаз.

– Кто-нибудь говорил тебе, дядя Джейми, какой ты отменный шутник?

– Нет.

Йен закрыл глаз.

– Должно быть, потому что шутник из тебя так себе.

Джейми улыбнулся и сжал плечо Йена.

– Значит, уже чувствуешь себя получше, да?

– Нет.

– Что ж, штука в том, – вклинился майор Макдональд, – что парень встретил каких-то бандитов, так? Есть причины думать, что это были индейцы?

– Нет, – снова сказал Йен, на этот раз открыв глаз целиком. Он был абсолютно красный.

– Это были не индейцы.

Макдональд, кажется, не был доволен таким ответом.

– Как ты можешь быть уверен, парень? – спросил он довольно резко. – Ты ведь сказал, там было темно.

Я увидела, как Джейми озадаченно посмотрел на майора, но не стал его перебивать. Йен издал тихий стон, тяжело вздохнул и ответил:

– Я чувствовал их запах, – выдавил он и почти сразу добавил: – Кажется, меня сейчас вырвет.

Он приподнялся на локте и тут же совершил обещанное. Этот факт быстро положил конец всем дальнейшим расспросам. Джейми увел майора Макдональда на кухню, предоставив мне разбираться с беспорядком и укладывать больного.

– Можешь открыть оба глаза? – спросила я, когда он уже лежал на боку в чистой одежде и с подушкой под головой.

Он послушно исполнил, о чем я просила, заморгав от яркого света. Голубоватое пламя масляной лампы дважды отражалось в глубине его глаз, но зрачки сразу сузились – причем синхронно.

– Хорошо, – резюмировала я и поставила лампу на стол. – Не трогай, пес, – сказала я Ролло, который принимался к необычному запаху лампы, – ее топливо представляло собой смесь слабого брэнди и скипидара. – Сожми мои пальцы, Йен.

Я протянула ему большие пальцы обеих рук, и он медленно обхватил их широкими моластыми ладонями. Я провела стандартные тесты на наличие нарушений нервной системы, заставляя его сжимать, тянуть и толкать их, и завершила осмотр, послушав его сердце, которое билось обнадеживающе ровно.

– Небольшое сотрясение, – заключила я, выпрямляясь и улыбаясь ему.

– Ммм, да? – уточнил он, неуверенно косясь на меня.

– Это значит, что у тебя поболит голова и тебя будет мутить. Но через пару дней все пройдет.

– Это я и сам мог тебе сказать, – пробормотал он, укладываясь обратно.

– Ты мог, – согласилась я. – Но ведь «сотрясение» звучит гораздо серьезнее и важнее, чем «раскалывается голова», не так ли?

Он не засмеялся, но все же слабо улыбнулся в ответ.

– Ты покормишь Ролло, тетя? Он меня не оставит одного и скоро проголодается.

Ролло наострил уши при звуке своего имени и ткнулся мордой в ищущую руку Йена, тихонько поскуливая.

– Он в порядке, – заверила я животное. – Не о чем беспокоиться. И да, – сказала я уже Йену, – принесу ему что-нибудь. А ты сам сможешь одолеть хотя бы хлеб с молоком?

– Нет, – отозвался он уверенно. – Может, глоток виски?

– Нет, – ответила я так же уверенно и задула спиртовку.

– Тетя, – позвал Йен, когда я повернулась к двери.

– Да?

Я оставила возле него горящую свечу, и он выглядел очень юным и бледным в ее неверном желтом мерцании.

– Как думаешь, почему майор Макдональд хочет, чтобы те, кого я встретил в лесу, оказались индейцами?

– Не знаю. Но предполагаю, что Джейми знает. Или скоро узнает.

Глава 4

Змей в эдеме

Брианна открыла дверь и напряженно прислушалась – не стучат ли по полу чьи-то коготки, не скользит ли, сухо шелестя, змеиная кожа. Однажды она вошла внутрь в темноте и оказалась в нескольких дюймах от небольшой гремучей змеи. Несмотря на то, что змея оказалась не менее ошарашена встречей, чем девушка, и в испуге поспешила укрыться в камнях очага, Брианна усвоила урок.

На сей раз не было никаких признаков спасающихся бегством мышей, однако нечто большего размера гостило здесь и ушло через промасленную кожу, которая была натянута на окно. Солнце еще только начало садиться, и было достаточно светло, чтобы Брианна могла разглядеть скинутую с полки на пол плетеную корзину, в которой она хранила жареный арахис. Орехи были расколоты и съедены, скорлупки усеивали пол.

До нее внезапно донесся громкий шуршащий звук, и она мгновенно замерла, прислушиваясь. Звук повторился, на сей раз сопровождаемый гулким звоном, – что-то упало на пол с другой стороны стены.

– Ах ты, мелкий ублюдок! – возмутилась женщина. – Ты в моей кладовой!

Пылая праведным гневом, она схватила метлу и ворвалась в кладовку, голося не хуже банши. Огромный енот, до этого невозмутимо грызущий копченого лосося, при виде ее уронил добычу, стремительно пронесся между ног Брианны и, взволнованно фырча, исчез – не хуже банкира, что скрывается, едва заметив кредиторов.

Адреналин все еще бежал по венам, когда она, отставив метлу в сторону и чертыхаясь, присела, чтобы попытаться спасти то, что еще можно было спасти. У енотов были менее разрушительные привычки, чем, например, у белок, которые бездумно жевали и портили все, что попадалось на глаза, однако еноты были крупнее и ели больше.

Одному Богу известно, сколько времени он здесь провел, подумала она. Достаточно долго, чтобы вылизать все масло из масленки и стянуть связку копченой рыбы, висящей на балках. Откуда у настолько толстого создания взялись акробатические навыки, необходимые для такой задачи? К счастью, медовые соты хранились в трех разных горшочках, и лишь один из них был вскрыт. Зато корнеплоды были разбросаны по полу, головка свежего сыра почти целиком съедена, а драгоценная баночка кленового сиропа перевернута – содержимое разлилось по полу липкой лужицей и смешалось с грязью. Вид этой утраты воспламенил утихшую было ярость, и Брианна с такой силой сжала в руке поднятую с пола картофелину, что ногти проткнули толстую кожуру.

– Проклятая чертова, чертова, чертова тварь!

– Кто? – неожиданно спросил голос позади нее. В испуге она крутанулась на месте и швырнула картофелину в незваного гостя, которым оказался Роджер. Овощ попал ему прямо в лоб, он пошатнулся и схватился за дверной косяк.

– Ай! Господи! Ай! Какого черта здесь происходит?

– Енот, – коротко объяснила она и отступила в сторону, чтобы лучи заходящего солнца, падающие из дверного прохода, осветили беспорядок внутри.

– Он добрался до кленового сиропа? Сволочь! Ты поймала ублюдка?

С рукой, прижатой ко лбу, Роджер протиснулся в маленькую пристройку, оглядываясь вокруг в поисках пушистого трупа. Тот факт, что муж разделяет ее приоритеты и гнев, немного утешил Брианну.

– Нет, – ответила она. – Он сбежал. У тебя кровь? И где Джем?

– Вроде бы нет, – сказал Роджер, осторожно отнимая руку ото лба и глядя на нее. – Ух, у тебя тяжелая рука, женщина. Джем у Макгилливреев. Лиззи и мистер Уэмис взяли его с собой на праздник в честь помолвки Сенги.

– Серьезно? Кого же она выбрала?

И гнев, и сожаление мгновенно уступили место любопытству. Уте Макгилливрей, с ее немецкой педантичностью, выбирала супругов для сына и трех дочерей очень скрупулезно – согласно собственным критериям и приоритетам: первыми пунктами значились земля, деньги и респектабельность кандидата; возраст же, внешность и личное обаяние шли в самом конце. У детей, разумеется, на этот счет было свое мнение – и все же авторитет фрау Уте был так силен, что и Инга, и Хильда вышли замуж за мужчин, которые получили ее одобрение.

Сенга, однако, была дочерью своей матери – в том смысле, что она выросла настолько же категоричной во взглядах и ей так же недоставало сдержанности, как и родительнице. Долгие месяцы она не могла выбрать между двумя претендентами на ее сердце: Хайнрихом Штрассе, видным, но бедным парнем (к тому же лютеранином!) из Бетании и Ронни Синклером, бочаром. По меркам Риджа он считался зажиточным человеком, а разница с невестой в тридцать лет для Уте не была камнем преткновения.

Последние несколько месяцев замужество Сенги Макгилливрей было предметом бурных обсуждений, и Брианна знала о нескольких серьезных пари, заключенных по этому поводу.

– Ну так кто же счастливчик? – повторила она свой вопрос.

– Миссис Баг не знает, и это сводит ее с ума, – ответил Роджер, расплываясь в улыбке.

– Манфред Макгилливрей пришел, чтобы забрать их вчера утром, но миссис Баг в это время еще не было в главном доме, поэтому Лиззи оставила записку на двери о том, куда они ушли. Однако не упомянула в ней, кто стал счастливым женихом.

Брианна посмотрела на заходящее солнце: само светило уже укатилось за горизонт, но яркий розоватый свет все еще лился сквозь ветви каштанов, освещая палисадник и делая весеннюю траву, что росла в нем, мягче и гуще – будто превращая ее в изумрудный бархат.

– Видимо, нам придется подождать до завтра, чтобы узнать правду, – сказала она с некоторым сожалением.

До дома Макгилливреев было добрых пять миль. Пока они доберутся, станет совсем темно. А в горах по ночам лучше не блуждать без веского повода, даже если снег уже сошел. По крайней мере, нужно иметь причину получше, чем любопытство.

– Ай. Хочешь пойти поужинать в большом доме? Майор Макдональд приехал.

– Ах, он.

Несколько секунд Брианна раздумывала. Хотелось бы услышать, что за новости привез майор, – а новости, несомненно, были, раз миссис Баг готовила ужин. С другой стороны, после трех мрачных дней, долгой дороги и разорения собственной кладовой она была совершенно не в настроении с кем-то общаться.

Она заметила, что Роджер выразительно молчал, не высказывая своего мнения. Опершись одной рукой о полку, где был разложен значительно уменьшившийся запас зимних яблок, он лениво поглаживал один из плодов, указательным пальцем лаская его круглый желтый бочок. От супруга исходили легкие знакомые вибрации, которые без слов говорили, что у вечера, проведенного дома – без родителей, без друзей и даже без ребенка, – есть свои преимущества.

Она улыбнулась мужу.

– Как твоя несчастная голова?

Он окинул ее быстрым взглядом. Убывающий свет заката высветил силуэт его носа, а в зеленых глазах заиграли солнечные искры. Роджер прочистил горло.

– Думаю, ты можешь ее поцеловать. Если хочешь.

Она послушно привстала на цыпочки, откинула назад непослушные темные волосы и нежно поцеловала его лоб. На месте удара была заметная шишка, но синяк пока не появился.

– Так лучше?

– Пока что нет. Может, попробуешь немного ниже?

Его руки опустились на округлость ее бедер и притянули ближе. Брианна была почти одного роста с Роджером: она и раньше замечала преимущества этого совпадения, но сейчас оно поразило ее, будто она узнала об этом впервые. Она слегка выгнулась, наслаждаясь близостью. Роджер судорожно и хрипло вдохнул в ответ.

– Не так низко, – ответил он. – Во всяком случае, пока.

– Какой ты капризный, – сказала она терпеливо и поцеловала его в губы. Они были мягкими, но все еще хранили, как и ее собственные, привкус горького пепла и влажной земли. Ее охватила легкая дрожь, и она отстранилась.

Роджер, удерживая руку на ее спине, наклонился чуть вперед за ее плечо и провел пальцем по краю полки, на которой лежала перевернутая банка из-под кленового сиропа. Он по очереди провел им по ее, а затем и по своей нижней губе. Следующий поцелуй принес обоим сладость.

* * *

– Не могу вспомнить, когда я в последний раз видел тебя голой.

Она прикрыла один глаз и скептически посмотрела на него.

– Три дня назад. Видимо, он не очень тебе запомнился.

Избавиться от одежды, которая была на ней последние трое суток, стало огромным облегчением. Но даже будучи голой и после водных процедур на скорую руку, она все еще ощущала пепел в волосах и сажу, вьедшуюся между пальцев ног.

– Это не совсем то, что я имел в виду. Я хотел сказать, что мы очень давно не занимались любовью при дневном свете. – Он лежал на боку, лицом к ней и улыбался, водя рукой по изгибу ее талии и аппетитной припухлости ягодиц. – Ты даже не представляешь, как соблазнительно выглядишь, абсолютно голая, освещенная солнцем. Вся сияешь, будто тебя окунули в золото.

Он сощурил один глаз, будто ее вид слепил его. Она чуть подвинулась, и солнце осветило его лицо, заставив открытый глаз на секунду сверкнуть, подобно изумруду, перед тем как он зажмурился.

– Ммм. – Она лениво вытянула руку и притянула к себе его голову, чтобы поцеловать.

Брианна знала, что муж имел в виду. Это казалось странным, почти распутным, – в хорошем смысле. Чаще всего они занимались любовью ночью, когда Джем спал, перешептываясь в отсветах горящего очага, ища друг друга под шуршащими слоями одеял и ночных рубашек. И хотя сын спал как убитый, они всегда помнили о присутствии маленького, ровно дышащего тела под стеганым одеялом в колыбельке рядом.

И сейчас, когда Джема не было рядом, она странным образом ощущала его присутствие. Было непривычно находиться далеко от сына, не знать постоянно, где он, не ощущать его тело, как маленькую, самостоятельную часть ее самой. Свобода опьяняла, но в то же время приносила тревогу, будто что-то очень ценное оказалось не на своем месте по ее вине.

Они оставили дверь открытой, чтобы насладиться прикосновением света и воздуха к обнаженной коже. Солнце уже почти село и, хотя мир еще полнился его мерцанием, подобно тягучему меду, в нем ощущалось обещание ночного холода.

Внезапный порыв ветра хлопнул шкурой, натянутой на окно, и возникший сквозняк резко захлопнул дверь, неожиданно оставив их в полной темноте. Брианна охнула от испуга, Роджер издал удивленный возглас и спрыгнул с кровати, чтобы открыть дверь. Он широко распахнул ее, и девушка благодарно глотнула свежего воздуха и солнечного света, только теперь понимая, что, когда дверь закрылась, она бессознательно задержала дыхание, ощущая себя погребенной заживо.

Роджер, кажется, чувствовал то же самое. Он стоял в проходе, опираясь на дверную раму, и позволял ветру шевелить темную выющую растительность на теле. Его волосы все еще были собраны в хвост, он не озаботился тем, чтобы распустить их, и Брианна ощутила внезапное желание подойти к нему сзади, развязать кожаный ремешок и запустить пальцы в их мягкую и гладкую угольную черноту, наследие какого-то древнего испанского моряка, что потерпел крушение у кельтских берегов. Не успела она обдумать такую перспективу, как обнаружила себя рядом с ним вытаскивающей веточки и крошечные желтые сережки из его локонов. От ветра или от ее прикосновений он задрожал, но его тело оставалось теплым.

– У тебя загар фермера, – сказала она, приподнимая волосы с шеи и целуя там, где начинался затылок.

– Что ж, разве я не фермер?

Кожа под ее губами чуть дернулась, как на спине у лошади. Его лицо, шея и предплечья побледнели за зиму, но были по-прежнему темнее, чем спина и плечи. Возле талии все еще виднелась линия, отделяющая торс цвета мягкой оленьей шкуры от неожиданной бледности ягодиц. Она накрыла их ладонями, наслаждаясь крепостью и полнотой мышц. В ответ он глубоко вдохнул и откинулся назад, так что ее грудь прижалась к его спине, а подбородок опустился к нему на плечо, чуть выдаваясь вперед.

Солнечный свет едва теплился. Последние длинные лучи прорывались между каштановых деревьев, и нежная весенняя зелень их листья вспыхивала холодным огнем над удлиняющимися вечерними тенями. Весна брала свое: птицы сидели в кронах, стрекоха и переговариваясь. Пересмешник заливался в соседнем лесу, это было попури из трелей, плавных переливов и странных завываний, которым, как ей подумалось, он наверняка научился у кота ее матери.

Воздух становился холоднее, и ее руки и ноги покрылись мурашками, но тело Роджера, к которому она прижималась, по-прежнему было теплым. Она обвила руками его талию и стала играть пальцами с густыми завитками, что начинались чуть ниже живота.

– На что ты смотришь? – спросила она мягко. Роджер не отрывал глаз от дальнего края заднего двора, где из леса выбегала тропинка. Ее начало было уже укрыто сумерками и тенями высоких елей, но на ней никого не было.

– Жду, не появится ли змей с яблоками, – ответил он, засмеялся и прочистил горло. – Ты голодна, Ева?

Он опустил руку и их ладони сплелись.

– Немного. А ты?

Он должен был умирать от голода, в последний раз они только немного подкрепились в полдень.

– Да, но... – он оборвал предложение, как будто смутившись, и крепче сжал ее пальцы. – Ты подумаешь, что я сошел с ума, но... Ты не против, если я пойду и заберу маленького Джема сегодня вечером, вместо того чтобы ждать утра? Просто мне спокойнее, когда он с нами.

Она сжала его пальцы в ответ, сердце подпрыгнуло в груди.

– Мы пойдем вместе. Отличная идея.

– Может, и так, но до Макгилливреев целых пять миль ходу. Стемнеет еще до того, как мы туда доберемся. – Говоря это, он улыбался, его тело коснулось ее груди, когда он поворачивался к Брианне лицом.

Что-то шевельнулось прямо у нее перед носом, и она резко отпрянула назад. Крошечная гусеница, зеленая, как листья, которыми она питалась, и заметная на фоне темных волос Роджера, приподнялась и изогнулась у него на голове в поисках убежища.

– Что? – Роджер скосил глаза, пытаясь разглядеть то, на что смотрела жена.

– Нашла твоего змея. Думаю, он тоже в поисках яблок.

Она подцепила маленького червячка на палец, вышла наружу и присела на корточки, чтобы опустить его на травинку, такую же зеленую, как он сам. Но трава уже потемнела. Солнечный свет наконец погас, и лес растерял все краски жизни. Она уловила запах дыма: это разожгли огонь в камине большого дома. Внезапно ее тревога усилилась. День погас, наступала ночь. Пересмешник умолк, и лес казался полным загадки и угрозы. Она поднялась на ноги и нервно провела рукой по волосам.

– Тогда в путь.

– Ты не хочешь сначала поужинать? – Роджер озадаченно смотрел на нее, держа брюки в руках.

Брианна покачала головой и ощутила, как холод пополз по ногам.

– Нет. Пойдем так.

Все казалось неважным, кроме того чтобы забрать Джема и снова стать семьей.

– Ладно, – спокойно согласился Роджер, внимательно глядя на нее. – Правда, мне кажется, что будет разумнее надеть фиговый листок на тот случай, если мы встретим ангела с пылающим мечом.

Глава 5

Тени, отбрасываемые огнем

Я оставила Йена и Ролло на попечение безжалостно заботливой миссис Баг – пусть Йен только попытается сказать, что не хочет молока и хлеба, – и села за собственный поздний ужин. Это был горячий свежий омлет с сыром, сдобренный кусочками соленого бекона, спаржей и лесными грибами и посыпанный сверху зеленым луком.

Джейми и майор уже давно закончили свою трапезу и теперь сидели у огня в облаках табачного дыма, которые извергала глиняная трубка Макдональда. По всей видимости, Джейми только что закончил рассказывать майору об ужасной трагедии, потому что мужчина хмурился и сочувственно качал головой.

– Бедные глупцы! – сказал он. – Думаешь, это были те же самые люди, что напали на твоего племянника?

– Думаю, что так, – ответил Джейми. – Вряд ли по горам бродят сразу две такие банды. – Он бросил взгляд на окна, закрытые на ночь ставнями, и я внезапно заметила, что снял охотничье ружье со стены над камином и теперь рассеянно начищает безупречно гладкий ствол промасленной тряпкой. – Я правильно понимаю, а charaid⁹, что до тебя и прежде доходили слухи о подобных вещах.

⁹ Друг (гэльск.).

– Еще три случая. По меньшей мере три.

Трубка майора грозила потухнуть, и он сделал глубокую затяжку, отчего табак внутри затрещал и вспыхнул красным.

Легкий приступ дурноты заставил меня замереть с кусочком теплого гриба во рту. Мысль о том, что загадочная банда вооруженных мужчин свободно бродит где-то в округе, нападая на случайные поселки, до этого момента не приходила мне в голову. Зато, очевидно, приходила в голову Джейми. Он поднялся и повесил ружье обратно на крюки и на всякий случай провел рукой по винтовке, которая висела над ним. После этого он подошел к буфету, где хранились пистолеты, включая изящную дуэльную пару в специальном футляре. Выдувая облака мягкого голубоватого дыма, Макдональд с одобрением наблюдал, как Джейми методично извлекает на свет оружие, мешочки для пуль, пулелейки, шомпола и прочую амуницию из личного арсенала.

– Ммфм, – промычал Макдональд. – Очень милая вещица, полковник. – Он кивнул на один из пистолетов – элегантный, с длинным стволом, фигурными рожками на рукоятке и серебряными вставками, покрытыми золотом.

Джейми сузил глаза, услышав обращение «полковник», но ответил достаточно спокойно.

– Да, красивая штукавина. Правда, целиться из нее на расстоянии дальше двух шагов бессмысленно. Выиграл на скачках, – добавил он, смущенно кивнув в сторону пистолета, чтобы Макдональд не подумал, будто он выложил приличную сумму за такую вещь.

Тем не менее он проверил кремь, заменил его и отложил пистолет в сторону.

– Где? – как бы невзначай спросил Джейми, потянувшись за пулелейкой.

Я продолжила жевать, вопросительно глядя на майора.

– Имей в виду, это только слухи, – предупредил Макдональд, на секунду вытаскивая трубку изо рта и тут же торопливо вставляя обратно для следующей затяжки. – Ферма недалеко от Салема, сожжена дотла. Люди по фамилии Цинцер, немцы. – Он опять затянулся, втянув щеки. – Это случилось в конце февраля. Через три недели паром на реке Ядкин, к северу от Уорамс-Лэндинг. Дом ограблен, паромщик убит. Третий случай... – Он вдруг умолк, энергично затягиваясь, и покосился сначала на меня, а затем на Джейми.

– Говори, друг, – попросил Джейми на гэльском, смиренно глядя в мою сторону. – Она повидала больше страшных вещей, чем ты сам.

Я кивнула и подцепила вилкой кусок яйца, Майор кашлянул.

– М-да. Так вот, не при вас будет сказано, мэм, мне случилось побывать в одном... эммм... заведении в Эдентоне...

– В борделе? – вставила я. – Да, несомненно. Продолжайте, майор.

Он поспешно исполнил мою просьбу, одновременно густо багровея под париком.

– Ну да, конечно... В общем, видите ли, одна из девушек, которые там... работают, сказала мне, что ее украли из родного дома разбойники, внезапно нагрянувшие в один прекрасный день. У нее никого не было, кроме бабушки, с которой она жила. Девушка сказала, те люди убили старую женщину и сожгли дом вместе с телом.

– И кто же, по ее словам, это сделал?

Джейми развернул стул к огню и плавил в ковшике кусочки свинца для пуль.

– Ммфм. – Румянец на лице Макдональда стал гуще, и он так яростно курил трубку, что за клубами дыма я едва различала его силуэт.

После долгого кашлянья и блужданий вокруг да около выяснилось, что тогда майор не поверил девушке или был слишком увлечен ее прелестями, чтобы уделить этим фактам достаточно внимания. Сочтя историю выдумкой, какие любят рассказывать шлюхи в надежде на сочувствие и лишний стакан джина, он не удосужился выяснить подробности.

– Но когда позже я услышал о других поджогах... Видите ли, я удостоился чести от губернатора, он лично поручил мне держать ухо востро и следить за тем, что происходит на окраи-

нах, докладывать о возможных волнениях. И я начинаю думать, эти происшествия не так случайны, как может показаться поначалу.

Мы с Джейми обменялись взглядами, его глаза светились торжеством, я же смотрела на мужа со смирением. Он поспорил со мной, что Макдональд – кавалерийский офицер на половинном окладе, который долгое время выживал за счет временных заработков, не только переживет отставку губернатора Триона, но займет хорошее положение при новом режиме – ведь теперь Триона получил повышение и стал губернатором Нью-Йорка. «Он джентльмен удачи, наш Дональд», – сказал мне Джейми.

Воинственный запах горячего свинца начал заполнять комнату, соревнуясь с табачным дымом, который производила трубка майора, и перебивая приятные домашние ароматы поднимающегося хлеба, готовки, сушеных трав, хвоща и хозяйственного мыла, которые обычно царствовали на кухне.

Свинец плавится внезапно: еще мгновение назад искореженная пуля или погнутая пуговица лежала нетронутая на дне ковшика, а в следующее ее там уже нет, только тускло мерцает крошечная лужица расплавленного металла. Джейми аккуратно вылил свинец в пулелейку, отвернув лицо чуть в сторону, чтобы избежать паров.

– Почему индейцы?

– Ну, так сказала эта шлюха из Эдентона. Она сказала, что некоторые из тех мужчин, которые убили бабушку и украли ее саму, были индейцами. Но я уже говорил, что в то время я не очень-то ее слушал.

Джейми издал типичный шотландский звук, означающий, что он понял майора, но воспринял его мнение со скепсисом.

– А когда вы встретили эту девушку, Дональд, и слышали ее историю?

– Под Рождество. – Майор потыкал перепачканным пеплом пальцем в чашу своей трубки, не поднимая глаз. – Вы имеете в виду, когда на ее дом напали? Она не говорила, но я думаю... незадолго до нашей встречи. Она была все еще... довольно, так скажем, свежа. – Он кашлянул, поймал мой взгляд, нервно вздохнул, закашлялся сильнее и снова покраснел.

Джейми сжал губы и посмотрел вниз, открывая форму для пуль. Новенький снаряд упал рядом с очагом. Я опустила вилку: остатки аппетита окончательно улетучились.

– Как? – довольно резко спросила я. – Как эта молодая женщина оказалась в борделе?

– Ну, они ее продали, мэм. – Румянец все еще рдел на щеках Макдональда, но он уже вернул себе самообладание и смог посмотреть на меня. – Разбойники. Они продали ее речному торговцу через пару дней после того, как похитили – так она сказала. Некоторое время мужчина держал ее на своей лодке, а потом однажды вечером к нему по делам пришел человек, девушка ему приглянулась, и он купил ее. Он довез несчастную до самого побережья, а потом, сдается мне, он от нее устал и... – Его слова оборвались, он снова сунул трубку в рот и глубоко затянулся.

– Понятно, – сказала я, ощущая, как съеденный омлет встает колом у меня в желудке.

«Все еще довольно свежа». Я задавалась вопросом, сколько же все это длилось? Как долго может протянуть женщина, которая переходит из рук в руки, – с разбитой палубы речной посуды на продавленный матрас съемной комнаты, которой дают ровно столько, чтобы она не умерла от голода? Скорее всего к тому моменту, когда она очутилась в борделе Эдентона, он показался ей раем. Этот факт, однако, не заставил ее почувствовать симпатию по отношению к Макдональду.

– Вы, по меньшей мере, запомнили ее имя, майор? – спросила я с ледяной вежливостью.

Краешком глаза я заметила, как едва заметно ухмыльнулся Джейми, но я не оторвала взгляд от Макдональда.

Он извлек трубку изо рта, выпустил длинный столб дыма и прямо посмотрел мне в лицо своими голубыми глазами.

– Сказать по правде, мэм, – сказал он, – я всех их зову Полли. Так проще, знаете ли.

От ответа – а то и чего похуже – меня спасла вернувшаяся миссис Баг, в руках она несла пустую тарелку.

– Паренек поел и теперь уснет, – объявила женщина. Острый взгляд перескочил от меня к моей наполовину полной тарелке. Нахмурившись, она уже было открыла рот, но затемглянула на Джейми и, уловив какой-то безмолвный приказ, снова его закрыла. Посуду она забрала с неопределенным «мфм».

– Миссис Баг, не могли бы вы сейчас найти Арч и попросить его прийти ко мне? И, если вас это не очень затруднит, сказать то же Роджеру Маку?

Ее маленькие темные глаза округлились, а потом сузились, остановившись на Макдональде. Очевидно, она решила, что если что-то и затевается, то виной тому он.

– Хорошо, – ответила она, сокрушенно покачала головой в мою сторону, порицая меня за отсутствие аппетита, опустила тарелки и вышла, заперев дверь на задвижку.

– Уорамс-Лэндинг, – сказал Джейми Макдональду, возобновляя разговор, как будто их не прерывали. – И Салем. И если это те же самые люди, Йен встретил их в лесу, в дне пути к западу отсюда. Это довольно близко.

– Довольно близко, чтобы они оказались теми же людьми? Ну да, так оно и есть.

– Сейчас ранняя весна. – Джейми бросил взгляд на окно: уже стемнело, и ставни были закрыты, но холодный ветер пробирался внутрь и шевелил нитки, на которые я нанизала сушиться грибы, их темные сморщенные силуэты приплясывали, будто крошечные застывшие танцоры, на фоне бледного дерева.

Я знала, что он имел в виду. Зимой горы были непроходимы, сейчас высокие перевалы все еще занесены снегом, нижние склоны начали зеленеть лишь пару недель назад. Если это была организованная банда мародеров, то они только сейчас начали двигаться вглубь – после зимы, проведенной в предгорье.

– Это так, – согласился Макдональд. – Пожалуй, предупредить людей сейчас будет достаточно своевременно. Но до того, как придут ваши люди, сэр, возможно, нам удастся поговорить о том, что привело меня сюда?

– Да? – сказал Джейми и, сощурившись, вылил в форму мерцающий ручеек свинца. – Конечно, Дональд. Надо думать, какое-то серьезное дело заставило вас отправиться так далеко. Что это?

Макдональд по-акульи улыбнулся. Что ж, вот мы и дошли до дела.

– Вы отлично здесь все устроили, полковник. Сколько семей живут на вашей земле?

– Тридцать четыре, – ответил Джейми. Он не поднял глаз, вытряхивая в угли еще одну пулю.

– Может, найдется место еще для парочки? – Макдональд по-прежнему улыбался.

Мы были окружены дикой природой на мили вокруг. Горстку домов и ферм на Фрэзер-Ридж едва ли можно было назвать цивилизацией, они могли исчезнуть без следа, как дым. Я тут же вспомнила о голландской хижине и поежилась, несмотря на горящий очаг. Я все еще чувствовала навязчивый горький запах сгоревшей плоти, он комом стоял в горле, скрываясь за легким вкусом омлета.

– Может, – в тон ему ответил Джейми, – новые эмигранты из Шотландии, так? Из окрестностей Терсо?

Мы с майором молча уставились на него.

– Откуда, черт подери, вы знаете об этом? – удивленно спросил Макдональд. – Я сам слышал про это только десять дней назад.

– Вчера на мельнице я встретил человека, – ответил Джейми, снова беря в руки ковшик. – Джентльмена из Филадельфии, который пришел в горы, чтобы собирать растения. Он добирался через Кросс-Крик и видел их. – У его рта дернулся мускул. – Судя по всему, они наделали шума в Брунсуике и почувствовали себя не очень желанными гостями, поэтому отправились на плоскодонках вверх по реке.

– Наделали шума? Что они натворили? – спросила я.

– Видите ли, мэм, – начал объяснять майор, – множество людей приплывают сюда в последнее время прямиком из Хайленда¹⁰. Они целыми деревнями набиваются в трюмы, а когда высаживаются на берег, выглядят так, будто их обгадили. На побережье им нечего ловить, к тому же горожане тыкают в них пальцами и подсмеиваются над их нелепыми нарядами. Чаще всего они сразу садятся на баржу или плоскодонку и плывут вверх по реке Кейп-Фир. В Кэмпбелтоне и Кросс-Крике живет народ, который хотя бы говорит с ними на одном языке. – Он улыбнулся мне, отряхивая грязь с полы мундира. – Люди в Брансуике не очень привыкли к таким горцам, они видели только цивилизованных шотландцев, таких, как ваш муж и его тетка. – Он кивнул в сторону Джейми, который отвесил ему шуточный поклон в ответ.

– Ну, относительно цивилизованных, – пробормотала я. Я пока еще не была готова простить майору шлюху из Эдентона. – Но...

– Они едва говорят на английском, как я слышал, – поспешил продолжить майор. Фаркуард Кэмпбелл отправился поговорить с ними и увез их на север – в Кэмпбелтон. Иначе сейчас, я не сомневаюсь, они слонялись бы по берегу, не имея представления о том, куда идти и что делать.

– Что с ними сделал Кэмпбелл? – спросил Джейми.

– Разместил у своих знакомых в Кэмпбелтоне, но, как вы понимаете, это решает проблему только на время. – Макдональд пожал плечами.

Кэмпбелтон был небольшим поселением возле Кросс-Крика, расстроившимся вокруг процветающего предприятия Фаркуарда Кэмпбелла. Земля вокруг была целиком заселена – в основном самими же Кэмпбелами. У Фаркуарда было восемь детей, многие из них уже женились и оказались такими же плодовитыми, как их отец.

– Конечно, – осторожно отозвался Джейми. – Но они с северного побережья. Они рыбаки, Дональд, не фермеры.

– Да, но они ведь хотели перемен, так? – Макдональд махнул рукой в сторону двери и леса за ней. – В Шотландии у них ничего не осталось. Они приехали сюда и теперь должны действовать исходя из ситуации. Человек ведь может научиться вести хозяйство?

Джейми, судя по всему, не был в этом уверен, но Макдональд уже горел энтузиазмом.

– Я видел множество рыбаков и земледельцев, которые становились солдатами, как и вы сам, осмелюсь предположить. Уж фермерство наверняка не сложнее военной службы.

На это замечание Джейми слегка улыбнулся: в возрасте девятнадцати лет он оставил фермерство и отправился во Францию в качестве наемного солдата.

– Может и так, Дональд. Но штука в том, что солдату с утра до ночи говорят, что делать. А кто расскажет этим несчастным дурачкам, с какой стороны доить корову?

– Думаю, это будешь ты, – сказала ему я и потянулась, расслабляя спину, занемевшую от долгой дороги, посмотрев на Макдональда. – Осмелюсь предположить, что именно к этому вы клоните, майор.

– Ваше обаяние уступает лишь вашей сообразительности, мэм, – отозвался Макдональд, галантно кланяясь в мою сторону. – Да, в этом вся соль. Все ваши люди – горцы, сэр, и земле-

¹⁰ Самая большая из 32 областей Шотландии. Располагается на территории Северо-Шотландского нагорья.

дельцы: они говорят с новоприбывшими на одном языке, могут им показать и рассказать все, что нужно – помогут им освоиться.

– В колонии немало других людей, которые говорят по-гэльски, – возразил Джейми. – И большинство из них живут гораздо ближе к Кэмпбелтону.

– Ай, но у вас есть земля, которую надо возделывать, а у них нет.

Чувствуя, что выиграл спор, майор, очень довольный собой, откинулся на кресле и взял в руки забытую кружку с пивом.

Приподняв одну бровь, Джейми взглянул на меня. У нас действительно была свободная земля – больше десяти тысяч акров, из которых возделывалось самое большее двадцать. Правдой было и то, что в колонии не хватало рабочих рук, особенно в горах, где земля не подходила для выращивания риса или табака – культур, неразрывно связанных с рабским трудом. И тем не менее, в то же время...

– Проблема в том, Дональд, как их устроить. – Джейми наклонился, чтобы вытряхнуть очередную пулю в угли, и распрямился, заправляя за ухо непослушную медную прядь. – У меня есть земля, да. Но кроме этого... Почти ничего. Нельзя просто выбросить в дикую природу людей, только что приехавших из Шотландии, и рассчитывать на то, что они с легкостью ко всему приспособятся. У меня нет даже пары ботинок и одежды, какие дают рабам, не говоря уже об инструментах. Да и кормить их всех вместе с женами и детьми всю зиму? Защищать их? – В доказательство он приподнял котелок, покачал головой и кинул в него еще кусок свинца.

– Ах, защита. Что ж, раз уж вы упомянули об этом, позвольте мне перейти к еще одному небольшому дельцу. – Макдональд наклонился вперед и заговорщицки понизил голос, хотя рядом не было никого, кто мог бы его ненароком услышать. – Я ведь сказал, что я человек губернатора, так? Он наказал мне объезжать западную часть колонии и держать ухо востро. Есть еще непомилованные регуляторы, и... – Он воровато огляделся по сторонам, будто ожидая, что один из них вдруг выскочит из камина. – Вы знаете о комитетах безопасности?

– Кое-что.

– Но у вас, на окраинах, такого пока нет, верно?

– По крайней мере, я не слышал.

У Джейми закончился свинец для плавки, и он склонился к очагу, чтобы собрать лежащие в золе новенькие пули, мягкий свет от огня сиял красным над его макушкой. Я присела на скамью рядом с ним и взяла в руки мешочек для пуль, чтобы ему удобнее было их складывать.

– Ага, – сказал Макдональд, довольный услышанным. – Значит, я приехал как раз вовремя.

В разгар волнений, которые сопровождали войну регуляторов годом раньше, группы людей начали объединяться в такие неофициальные комитеты, вдохновленные примером других колоний. Они считали, что, раз Корона больше не может обеспечить их безопасность, они должны взять это в свои руки.

Шерифам больше не доверяли, скандалы, которые спровоцировали движение «регуляторов», доказали их неспособность контролировать ситуацию. Трудность заключалась в том, что эти комитеты были самопровозглашенными, и у людей было не больше причин доверять им, чем шерифам. Были и другие комитеты. Например, Корреспондентские комитеты, свободные ассоциации людей, состоявших в активной переписке, распространявших новости и сплетни между колониями. Именно из этих многочисленных комитетов взойдут побеги мятежа – они набирали силу уже сейчас, где-то в этой холодной весенней ночи.

По привычке, к которой я теперь возвращалась гораздо чаще, я посчитала, сколько времени еще оставалось. Сейчас на дворе стоял апрель тысяча семьсот семьдесят третьего года.

И как изящно отметил Лонгфелло, «то было в семьдесят пятом году, в восемнадцатый день апреля...»¹¹

Два года. Но у войны длинный фитиль, и разгорается он медленно. Этот зажгли в Аламансе, и яркие жгучие линии ползущего огня в Северной Каролине были уже видны тем, кто знал, куда смотреть.

Свинцовые пули в мешочке, который я держала, перекатывались и позвякивали. Пальцы крепко сомкнулись на коже. Джейми заметил это и коснулся моего колена, быстрым и легким движением, как бы успокаивая, а затем забрал мешочек, свернул его и уложил в ящик с боеприпасами.

– Как раз вовремя, – повторил он, глядя на Макдональда. – Что вы имеете в виду, Дональд?

– Как же! Кому еще возглавлять такой комитет, как не вам, полковник? Я так и сказал губернатору.

Макдональд пытался держаться непринужденно, произнося это, но потерпел неудачу.

– Очень любезно с вашей стороны, майор, – сухо отозвался Джейми. Глядя на меня, муж приподнял бровь. Положение колониальных властей было, по всей видимости, даже хуже, чем он предполагал – губернатор Мартин не просто смирился с существованием комитетов, но тайно поощрял их деятельность.

Протяжный звук собачьего зевка долетел до меня из холла, и я покинула мужчин, чтобы посмотреть, как там Йен. Я размышляла о том, имеет ли губернатор Мартин представление о том, что именно теряет. Я склонялась к мысли, что знает и хочет извлечь хоть какие-то плюсы из сложившейся ситуации, пытаясь взять под контроль хотя бы некоторые комитеты безопасности, поставив во главе людей, которые оставались на стороне короны во время «войны регуляторов». Однако проблема была в том, что он не мог контролировать – или даже знать – многие из таких комитетов. Колония начинала бурлить и шипеть, будто кипящий чайник на огне, а у Мартина под началом не было даже постоянной армии, только наемники вроде Макдональда да еще милиция.

Именно поэтому Макдональд называл Джейми полковником. Предыдущий губернатор Уильям Трион назначил Джейми – в общем-то против его воли – полковником милиции в местности, что начиналась над рекой Ядкин.

«Хм...» – сказала я сама себе. Ни Макдональд, ни Мартин не были дураками. Они понимали, что Джейми, став основателем комитета, позовет с собой тех же людей, что служили под его началом в милиции, – однако в этом случае правительство не было обязано ни платить им, ни обеспечивать обмундированием и оружием, губернатор к тому же не нес никакой ответственности за их действия, поскольку комитеты безопасности не были официальным органом власти.

В то же время для Джейми – и всех нас – принятие подобного предложения сулило значительные опасности.

В холле было темно, только из кухни позади меня падало немного света, да огонек единственной свечи подрагивал в операционной. Йен спал, но спал беспокойно, между бровей на мягкой юношеской коже залегла складка волнения. Ролло приподнял голову, пушистый хвост застучал по полу в приветствии.

Йен не ответил, когда я позвала его по имени и даже когда положила руку ему на плечо. Я легонько потрясла его, потом сильнее. Я видела, как он борется с чем-то в недрах своего подсознания, как человек, угодивший в стремнину и уже покорившийся манящей глубине, вдруг подцепленный на рыболовный крючок, – судорога боли в онемевшей плоти.

Его глаза открылись внезапно – темные и потерянные. Он посмотрел на меня, не узнавая.

¹¹ Стихотворение Г. Лонгфелло «Скачка Поля Ревира» из цикла «Рассказы придорожной гостиницы» в пер. М. Зенкевича.

– Привет, – сказала я мягко, ощущая облегчение от того, что он в сознании. – Как тебя зовут?

Я увидела, что он не понимает вопроса, и терпеливо повторила его. Осознание блеснуло где-то в глубине его расширенных зрачков.

– Кто я такой? – произнес он на гэльском. Он сказал что-то еще очень неразборчиво на мохавке¹², и его веки затрепетали, снова закрываясь.

– Проснись, Йен, – сказала я резче, продолжая расталкивать его. – Скажи мне, кто ты такой.

Его глаза снова открылись, и он недоуменно сощурился, глядя на меня.

– Попробуем что-нибудь попроще, – предложила я, выставя перед ним два пальца. – Сколько пальцев ты видишь?

Искра узнавания промелькнула в его глазах.

– Гляди, чтобы Арч Баг не увидел, что ты такое показываешь, тетушка, – сказал он сонно, слабая улыбка осветила его лицо. – Это очень грубо, знаешь ли.

Что ж, по крайней мере он узнал меня, как и жест, который я показала¹³. И он должен был знать, кто он такой, раз назвал меня тетушкой.

– Назови свое полное имя, – попросила я снова.

– Йен Фицгиббонс Фрэзер Мюррей, – ответил он немного раздраженно. – Почему ты спрашиваешь, как меня зовут?

– Фицгиббонс? – отозвалась я. – Это еще откуда?

Он застонал и прижал два пальца к векам, легонько нажимая на них и при этом морщась.

– Идея дяди Джейми – вини его, – ответил он. – Это в честь его крестного отца, так он сказал. Его звали Мурта Фицгиббонс Фрэзер, но моя мама не хотела называть меня Муртой. Мне кажется, меня сейчас снова стошнит, – добавил он, убирая руки от лица.

После этого парень немного покряхтел над тазом, но его так и не вырвало, что было хорошим знаком. Я помогла ему улечься назад, на бок, бледному и липкому от пота. Ролло встал на задние лапы, оперевшись передними на операционный стол, и стал облизывать Йену лицо, что заставило последнего хихикать и стенать по очереди, пока он не начал слабо отталкивать пса.

– Theirig dhachaigh, Okwaho, – сказал он.

«Theirig dhachaigh» значило на гэльском «иди домой», а Okwaho было, очевидно, именем Ролло на мохавке. Йен, похоже, испытывал некоторые трудности с выбором языка, но, несмотря на это, явно был в здравом уме. После того как он ответил еще на несколько невыносимо глупых вопросов, я протерла ему лицо влажным полотенцем, дала разбавленного вина, чтобы он прополоскал рот, и снова укутала одеялом.

– Тетушка, – сонно позвал он, когда я уже подошла к двери. – Как думаешь, я когда-нибудь еще увижу маму?

Я остановилась, не зная, как ответить на этот вопрос. Но нужда отпала сама собой – Йен уже провалился в сон с быстротой, какую часто демонстрируют пациенты с сотрясением, и глубоко задышал еще до того, как я успела подыскать слова.

¹² Могаукский язык (могаук, мохок, мохаук, мохавк) – индейский язык Северной Америки, один из северных ирокезских языков. Распространен у народности могаук, проживающей в США и Канаде.

¹³ Жест «V» из двух пальцев в Англии, Шотландии и Ирландии является эквивалентом поднятому среднему пальцу.

Глава 6

Засада

Йен проснулся внезапно и сразу схватился за томагавк. Точнее за то, что должно было быть томагавком, но оказалось сжатыми в кулак штанами. Он не сразу понял, где находится, и резко сел на постели, пытаясь разобрать силуэты предметов в темноте.

Боль прошла голову, будто молния, заставив беззвучно выдохнуть и схватиться за нее. Где-то позади в темноте Ролло коротко и удивленно тявкнул.

Господи. Навязчивые запахи тетиной операционной ударили ему в нос: спирт, прогоревший фитиль, сушеные лекарственные растения и это мерзкое варево, которое она называла пенициллин. Он закрыл глаза, опустил лоб на подобранные колени и медленно задышал через рот.

Что ему снилось? Что-то про опасность, что-то жестокое – но никакой четкой картинки в голове не было, только ощущение погони, будто кто-то преследует его в лесу. Нужно было пописать, и срочно. Он неуверенно нащупал край операционного стола, на котором лежал, и медленно сел, свесив ноги и морщась от вспышек боли в голове.

Миссис Баг, он вспомнил, говорила, что оставила в комнате ночной горшок, но свеча догорела, а у него не было сил ползать по полу в надежде его найти. Слабый свет указал, где была дверь. Тетя оставила ее приоткрытой, и отсветы от горящего очага в кухне проникали в помещение. Используя это как ориентир, он добрался до окна, открыл его, наощупь откинул задвижку на ставнях и оказался в потоке ночного весеннего воздуха. Глаза у него были блаженно закрыты, пока он опорожнял переполненный мочевой пузырь.

Так было гораздо лучше, но вместе с облегчением пришла забытая было тошнота и болезненная пульсация в голове. Он опустил на пол, подтянул колени к груди и положил на них сложенные руки и голову, дожидаясь пока перестанет мутить.

Из кухни доносились голоса, теперь, когда он мог сосредоточить внимание на чем-то еще, он слышал их очень четко. Там были дядя Джейми, этот Макдональд, старый Арч Баг и тетя Клэр, которая то и дело вставляла словечко в разговор. Английский выговор звучал резко по сравнению с ворчащим бормотанием шотландцев и гэльским языком.

– Затруднило бы вас, скажем, стать индейским агентом? – спрашивал Макдональд.

О чем это он? – подумалось Йену. Ну да, конечно: Корона нанимала людей, чтобы они приходили в племена, предлагали им подарки, табак, ножи и все такое. Они должны были рассказывать всякие глупости, вроде той о немце Джорди¹⁴ – будто бы король собирается приехать и сесть прямо здесь, у костра, на совете на следующую Заячью луну и говорить с мужчинами на равных.

При этой мысли он мрачно улыбнулся. Намерение было прозрачным – заставить индейцев воевать на стороне англичан, когда возникнет нужда. Но почему они думают, что сейчас это необходимо? Французы проиграли и отступили к своим северным укреплениям в Канаде.

Ах да. Он смутно припоминал, что Брианна рассказывала ему что-то о новой войне. Он не знал, стоило ли ей верить – может, она была права, однако в этом случае... он не хотел об этом думать. Вообще о чем-либо думать.

Ролло подошел, сел рядом и привалился к Йену. Тот в ответ откинулся немного назад и положил голову на густую собачью шерсть.

¹⁴ Немец Джорди (German Geordie) – прозвище, данное якобитами четырем королям Георгам из Ганноверской династии, которые один за другим правили Великобританией. Более всего оно относилось к Георгу Первому, в данном случае речь идет о Третьем.

Когда он жил в Снейктауне, туда однажды приходил индейский агент. Маленький толстый человечек с бегающими глазами и дрожащим голосом. Похоже, что мужчина... Боже, как же его звали? Могавки называли его Дурной Пот, и это имя ему подходило – он вонял так, будто был смертельно болен. Так вот, похоже, он был не знаком с ганьенгэха¹⁵ – не знал их языка и откровенно ожидал, что они вот-вот снимут с него скальп. Им это казалось уморительным, и, если бы Тевактенюх не сказала относиться к нему с уважением, один или двое попытались бы сделать это просто ради шутки. Йен был вынужден стать переводчиком, но эту работу он выполнял без всякого удовольствия. Он скорее предпочел бы считать себя могавком, чем признать любое родство с Дурным Потом.

Вот дядя Джейми... он бы справился с таким делом куда лучше, это уж точно. Возьмется ли он за это? Йен прислушивался к голосам несколько рассеянно, но было и так ясно, что дядю Джейми не удастся ни к чему принудить. С тем же успехом Макдональд мог попытаться удерживать в ладонях лягушку весной, подумал Йен, попутно улавливая слова дяди, умело уклонявшегося от любых обещаний.

Он вздохнул, обхватил Ролло за шею и перенес больше веса на пса. Он чувствовал себя ужасно. Йен подумал бы, что умирает, если бы тетюшка Клэр не сказала, что он пару дней будет чувствовать себя паршиво. Он был уверен, что будь он при смерти, она бы ни за что не ушла, оставив его в компании одного только Ролло. Ставни были по-прежнему открыты, и холодный ветерок обволакивал его, бодрящий и в то же время мягкий, воздух весенней ночи. Он почувствовал, как Ролло приподнял морду, приняв себя, а затем издал низкий нетерпеливый рык. Должно быть, опоссум или енот.

– Тогда иди, – сказал Йен, выпрямляясь и легонько толкая пса. – Со мной все нормально.

Собака обнюхала его с подозрением и попыталась лизнуть затылок, где были швы, но отпрянула, когда парень вскрикнул от боли и прикрыл рану руками.

– Иди, я сказал. – Он слабо стукнул пса, и Ролло фыркнул, разок крутанулся на месте, а затем прыгнул через его голову в открытое окно и приземлился с отчетливым глухим ударом. Испуганный визг прорезал ночную тишину, послышался звук скребущих лап и крупных тел, продирающихся сквозь кусты.

Голоса на кухне зазвучали удивленно, и он услышал, как дядя Джейми выходит в коридор за секунду до того, как открылась дверь операционной.

– Йен, – позвал он мягко. – Где ты, парень? Что стряслось?

Он встал, но белая слепящая пелена вдруг накрыла его глаза, и он пошатнулся. Дядя Джейми поймал его за руку и усадил на стул.

– В чем дело, парень?

Зрение постепенно прояснялось, он уже мог различить силуэт дяди в падающем из дверного проема свете, в руке у него была винтовка, лицо выглядело встревоженным, но в то же время веселым, когда он перевел взгляд на открытое окно. Он втянул воздух.

– Полагаю, это не скунс.

– Думаю, это одно из двух, – ответил Йен, осторожно дотрагиваясь до головы. – Либо Ролло охотится на пуму, либо загнал на дерево тетюшкиного кота.

– Ай. На его месте я бы выбрал пуму. – Дядя отложил винтовку в сторону и пошел к окну. – Закрывать ставни или тебе нужен воздух, парень? Вид у тебя неважный.

– Я и чувствую себя неважно, – признал Йен. – Если можно, оставь так, дядя.

– Будешь отдыхать, Йен?

Он замялся. Его по-прежнему довольно сильно мучило, и очень хотелось снова лечь, но операционная делала его беспокойным – с ее сильными запахами, поблескивающими крохотными лезвиями и другими загадочными предметами, похожими на орудия пыток. Дядя

¹⁵ «Народ кремня» – так себя называли сами могавки.

Джейми, казалось, угадал причину неуверенности, потому что наклонился и взял Йена под локоть.

– Пойдем, парень. Ты можешь спать в нормальной постели наверху, если не возражаешь против компании майора Макдональда в соседней кровати.

– Я не возражаю, – ответил Йен, – но, думаю, что лучше мне остаться тут. – Он указал на окно рукой, не желая снова тревожить голову. – Ролло скорее всего быстро вернется.

Джейми не стал спорить, за что Йен был благодарен. Женщины всегда суетятся, мужчины же просто делают свое дело.

Дядя, не особенно церемонясь, уложил его обратно в постель, укрыл одеялом, а затем начал искать в темноте винтовку, которую он отложил. Йен подумал, что он вполне мог бы справиться сейчас с толикой женской суеты.

– Можешь дать мне стакан воды, дядя Джейми?

– А? Ах да, конечно.

Тетя Клэр оставила кувшин воды рядом с кроватью. Послышался умиротворяющий звук льющейся жидкости, а потом он ощутил край глиняной чашки возле рта, дядя прижал ладонь к его спине, чтобы помочь приподняться. Ему вообще-то не нужна была помощь, но он не стал возражать – прикосновение было теплым и успокаивающим. Он только сейчас осознал, как озяб от холодного ночного воздуха, и почувствовал, как волна дрожи прокатилась по телу.

– Все нормально, парень? – пробормотал дядя Джейми, рука его чуть сжалась на предплечье Йена.

– Все хорошо. Дядя Джейми?

– Мхм?

– Тетя Клэр рассказывала тебе о... о войне? О той, что будет, я имею в виду. О войне с Англией.

На какой-то момент повисла тишина, крупный дядин силуэт застыл, черный на фоне проникающего сквозь проем света.

– Рассказывала, – ответил он и убрал руку. – Тебе тоже рассказывала?

– Нет, кузина Брианна рассказывала. – Он осторожно улегся на бок, чтобы не потревожить покалеченную голову. – Ты им веришь?

На этот раз он ответил не раздумывая:

– Верю.

Это было сказано в сухой дядиной манере, но от его слов волосы у Йена на затылке встали дыбом.

– А. Ну ладно.

Подушка, набитая гусиными перьями, на которой он лежал, была мягкая и пахла лавандой. Дядя коснулся его головы и убрал с лица непослушные пряди.

– Не тревожься об этом, Йен, – сказал он мягко. – Время еще есть.

Джейми поднял винтовку и вышел. С места, где он лежал, Йену был виден двор, деревья, уходящие вниз на окраине Риджа, склон Черной горы, а за ним темное небо, густо усеянное звездами.

Он услышал, как открылась задняя дверь, а потом до него донесся голос миссис Баг, перекрывающий все прочие.

– Их там нет, сэр, – говорила она, задыхаясь. – Дом темный, огонь в очаге не горит. Куда они могли отправиться в такую темень?

Йен полубессознательно размышлял, о ком это она говорит, но, казалось, это было не так важно. Если появилась какая-то проблема, дядя Джейми с ней разберется. Мысль была умиротворяющей. Он ощущал себя маленьким мальчиком, лежащим в безопасности в своей постели, пока отец снаружи говорит с кем-то из арендаторов в холодной темноте хайлендского рассвета.

Тепло медленно обволокло его под одеялом, и он провалился в сон.

* * *

Луна уже начала подниматься, когда они отправились в путь. И это хорошо, подумала Брианна. Даже с этим большим кривобоким золотым светилом, выплывающим из звездной колыбели и одаривающим небо своим взятым взаймы светом, тропинка у них под ногами оставалась неразличимой. Невидимыми были даже их собственные ноги, утонувшие в абсолютной темноте ночного леса.

Здесь было темно, но не тихо. Огромные деревья шелестели над головой, крошечные создания попискивали и шуршали во тьме. Время от времени совсем рядом слышался мягкий шелест пролетающей мимо летучей мыши, и она пугалась, как будто часть ночи вдруг оживала и касалась ее черным крылом.

– Кошка священника¹⁶ – пугливая кошка? – сказал Роджер, когда Брианна вздрогнула и схватилась за него, в очередной раз услышав хлопанье кожистых крыльев совсем близко.

– Кошка священника... признательная кошка, – ответила она, сжимая его руку. – Спасибо.

Вероятнее всего их предприятие кончится тем, что им придется спать в плащах перед очагом Макгилливреев вместо собственной уютной постели. Но по крайней мере Джемми будет с ними.

Роджер сжал ее руку в ответ, его ладонь была больше и сильнее, чем у жены. Этот жест придал Брианне уверенности во тьме.

– Все хорошо. Я тоже хочу, чтобы он был рядом. Это такая ночь, когда вся семья должна быть вместе, в безопасности.

Она издала негромкий звук, выражающий согласие и благодарность, но ей хотелось продолжить разговор и сохранить это ощущение внутренней связи, которое позволяло сдерживать наступление тьмы.

– Кошка священника была очень красноречивой кошкой, – осторожно добавила она. – Я имею в виду на похоронах. То, что ты говорил об этих несчастных.

Роджер усмехнулся, она увидела облачко пара от его дыхания, белое в ночном воздухе.

– Кошка священника была до крайности конфузливой кошкой, – отозвался он. – Твой отец!

Она знала, что он ее не видит, и улыбнулась.

– Ты отлично справился, – сказала Брианна нежно.

– Хм, – ответил он, снова усмехнувшись. – Что до красноречия... Если оно там и было, то это не моя заслуга. Я просто цитировал какой-то из псалмов, даже не знаю, какой именно.

– Это неважно. Почему ты выбрал именно эти строчки? – спросила она с любопытством. – Я думала ты прочтешь Отче наш или двадцать третий псалом – его все знают.

– Я думал, что так и поступлю, – признался Роджер. – Я собирался. Но когда пришло время говорить... – Он замялся, и Брианна вдруг будто снова увидела сырые холодные могилы и ощутила запах пожарища. Роджер сильнее сжал ее руку и притянул ближе, беря жену под локоть.

– Я не знаю, – сказал он глухо. – Просто эти слова показались более подходящими.

– Так и было, – прошептала она, но не стала продолжать тему, решив направить разговор в иное русло. Брианна хотела обсудить свой последний инженерный проект – ручной насос, который позволял бы поднимать воду из колодца. – Если бы у меня было нечто, что я могла

¹⁶ «Кошка священника» – домашняя английская игра, в которой участники должны по очереди давать кошке определение, начинающееся с одной и той же буквы алфавита.

бы использовать в качестве трубы, я провела бы ее прямо в дом – проще простого! У меня накопилось уже достаточно древесины, чтобы сделать хорошую цистерну. Если мне удастся уговорить Ронни, чтобы он ее собрал, мы, по меньшей мере, сможем принимать душ из дождевой воды. Но использовать в качестве труб пустые древесные стволы никуда не годится, уйдут месяцы только на то, чтобы покрыть расстояние от колодца до дома, не говоря уже о ручье. И нет никаких шансов достать листовую медь. Даже если бы мы могли себе это позволить – а мы не можем – везти ее из Уилмингтона было бы... – Она обреченно махнула рукой, сетуя на несоответствие желаний и возможностей.

Роджер задумался об этом на несколько мгновений, их башмаки синхронно шуршали по каменистой тропе.

– Ну, древние римляне, например, использовали бетон. Состав можно найти у Плиния.

– Знаю. Но для этого нужен определенный тип песка, которого здесь, увы, не найти. И еще известь, которой тоже у нас нет. И...

– А как насчет глины? – прервал ее Роджер. – Ты видала ту тарелку на свадьбе у Хильды? Большую красно-коричневую, с красивыми узорами?

– Да, – ответила она. – К чему ты вспомнил?

– Уте Макгилливрей сказала, что ее привез кто-то из Салема. Не помню имени, но она говорила, что он большой мастер в горшководелании – или как там это называется?

– Спорю на что угодно, она такого не говорила.

– Или что-то в этом духе, – продолжил он, не обращая внимания на вставку Брианны. – Штука в том, что он сделал это здесь, ее не привезли из Германии. А это значит, что тут есть глина, пригодная для обжига.

– О, понятно. Что ж, это идея, так ведь?

Так оно и было, и идея заманчивая, на обсуждение которой они потратили практически весь оставшийся путь.

Они спустились с Риджа и были уже в четверти мили от дома Макгилливреев, когда она ощутила неприятное покалывание где-то возле затылка. Это могло быть просто разыгравшееся воображение: после того, что они увидели в той обезлюдившей низине, темный лесной воздух, казалось, дышал угрозой, за любым резким поворотом Брианне мерещилась засада, и она напряженно ожидала нападения.

А потом она услышала, как что-то хрустнуло в чаще справа – краткий сухой звук ломающейся ветки, какой не может произвести ни ветер, ни животное. Реальная опасность имела свой вкус – сильный, как лимонный сок в сравнении со слабым лимонадом воображения. Ладонь предостерегающе сомкнулась на руке Роджера, и он сразу же остановился.

– Что? – прошептал он, сжав руку на рукоятке ножа. – Где?

Он не услышал того, что заметила Брианна. Черт, почему она не взяла пистолет или на худой конец кинжал? Единственное оружие, бывшее в ее распоряжении, – швейцарский армейский нож, который она всегда носила в кармане, да еще то, что можно было найти в лесу. Она крепко прижалась к Роджеру и повела рукой очень близко к его телу, чтобы он точно угадал направление. Затем Брианна присела, ощупывая землю вокруг на предмет острого камня или подходящей палки.

– Продолжай говорить, – шепнула она.

– Кошка священника – боязливая кошка, так? – сказал он, явно поддразнивая ее.

– Кошка священника – беспощадная кошка, – ответила она, пытаясь скопировать его интонацию и в то же время шаря одной рукой в кармане. Другая крепко сомкнулась на тяжелом и холодном камне, который она вытащила из липкой грязи под ногами. Она поднялась, сосредоточив все чувства на темноте справа. – Эта кошка порвет на куски любого...

– А, это вы, – сказал голос в лесу позади нее.

Брианна вскрикнула, и Роджер рефлекторно дернулся, развернулся на пятках, чтобы встретить угрозу лицом к лицу, подхватил жену и толкнул ее за спину – все одним махом. От толчка по инерции она попятилась назад, зацепилась каблуком за древесный корень и больно упала задом. С этой позиции открылся отличный вид на Роджера, который в лунном свете бросился к деревьям с устрашающим ревом, держа кинжал в руке.

С запозданием она осознала, что именно сказал голос, равно как и тон, в котором ошибочно звучало разочарование. Очень похожий голос, тревожно громкий, раздался из-за деревьев справа.

– Джо? – сказал он. – Что? Что, Джо?

В это время справа доносились звуки борьбы и пронзительные вопли. Роджер явно кого-то поймал.

– Роджер! – закричала она. – Роджер, стой, это Бердсли.

Она уронила камень, когда падала, и теперь, поднимаясь на ноги, вытирала юбкой грязь с руки. Сердце колотилось, на левой ягодице наливался приличный синяк, а рвущийся наружу смех боролся с сильным желанием придушить одного или сразу обоих близнецов Бердсли.

– Кеси Бердсли, а ну-ка выходи оттуда! – крикнула она, а потом повторила еще раз, громче. Слух у Кеси улучшился после того, как мать удалила его вечно больные железы и аденоиды, но он по-прежнему был глуховат.

Вслед за громким шуршанием появилась худощавая фигура Кеси Бердсли, темноволосого, бледного и вооруженного большой дубиной, которую при виде Бри он снял с плеча и неловко попытался спрятать за спиной. В то же время еще более громкое шуршание и изрядное количество ругательств позади нее возвестило появление Роджера, сжимающего цыплячью шею Джосайи Бердсли, близнеца Кеси.

– Что, во имя господи, вы тут затевали, маленькие засранцы? – спросил Роджер, толкая Джо вперед, к брату, в пятно лунного света. – Вы понимаете, что я вас чуть не поубивал?

Света было ровно столько, чтобы Брианна успела заметить глумливую ухмылку на лице Джо перед тем, как ее сменило выражение самого искреннего раскаяния.

– Простите, мистер Мак. Мы услышали, что кто-то идет и подумали, что это могут быть бриганды¹⁷.

– Бриганды, – повторила Брианна и почувствовала неудержимое желание рассмеяться, но мужественно сдержалась. – Откуда вы вообще взяли это слово?

– О. – Джо стал рассматривать носки своих башмаков, сцепив руки за спиной. – Мисс Лиззи читала нам немного из той книги, что привез мистер Джейми. Там про них было. Про бригаднов.

– Понятно.

Она тайком посмотрела на Роджера, который поймал ее взгляд. Судя по всему, он уже перестал злиться, и ситуация стала его забавлять.

– «Пират Гоу», – объяснила она. – Дефо.

– Ах, вот как. – Роджер сложил кинжал в ножны. – И почему же вы решили, что сюда могут идти бриганды?

Кеси, чей слух отличался непредсказуемостью, разобрал этот вопрос и ответил. Говорил он так же серьезно, как и брат, только голос у него был громче и монотоннее в результате ранней глухоты.

– Мы встретили мистера Линдси, когда он ехал домой. Он рассказал нам, что произошло там, у Голландского ручья. Это правда? Они все сгорели дотла?

¹⁷ Бриганды (англ. brigands) – разбойники, бандиты. Слово происходит от названия наемных солдат в английской и французской армиях времен Столетней войны, которые в мирное время занимались разбоем.

– Они все были мертвы. – Голос Роджера утратил всякий намек на веселость. – Но как это связано с тем, что вы бродите ночью по лесу с дубинками?

– Ну, видите ли, сэр, имение Макгилливреев – хорошее, большое место с лавкой бондаря и новым домом, к тому же стоит прямо у дороги... В общем, будь я бригадом, сэр, как раз сюда бы и отправился, – ответил Джо.

– А еще там мисс Лиззи с отцом. И ваш сын, мистер Мак, – добавил Кеси многозначительно. – Мы не хотели, чтобы с ними что-нибудь случилось.

– Понятно. – Роджер кривовато улыбнулся. – Что ж, тогда спасибо за вашу заботу. Однако я очень сомневаюсь, что бригады могут быть где-то поблизости. Голландский ручей очень далеко отсюда.

– Верно, сэр, – согласился Джо. – Но ведь бригады могут быть где угодно, так ведь?

Это была абсолютная, неоспоримая истина, и Брианна снова ощутила, как внутри все похолодело.

– Могут, но здесь их точно нет, – заверил Роджер. – Пойдемте-ка с нами в дом, а? Мы только собираемся забрать малыша Джемми, я уверен, у фрау Уте найдется пара мест перед очагом.

Братья Бердсли обменялись загадочными взглядами. Они были практически одинаковыми – маленькими и подвижными, с густыми темными волосами, их единственными различиями была глухота Кеси да еще круглый шрам у Джо на большом пальце. Вид этих двух вытянутых тонких лиц с одним и тем же выражением несколько выбивал из колеи. Что бы ни было предметом их обсуждения, одного взгляда оказалось достаточно, чтобы принять решение, потому что Кеси еле заметно кивнул, соглашаясь с братом.

– Нет, сэр, – сказал Джосайя вежливо. – Мы, пожалуй, останемся здесь.

И без всяких дальнейших разговоров оба развернулись и бросились в темноту, шурша опавшими листьями и камешками.

– Джо, постой! – закричала Брианна вслед, она нащупала кое-что на дне своего кармана.

– Ай, мэм? – Джосайя вернулся, неожиданно и беззвучно появившись у ее локтя. Его близнец не был охотником и следопытом, но Джо был.

– О! То есть вот ты где! – Она глубоко вздохнула, чтобы успокоить сердцебиение, и подала ему резной свисток, который она сделала для Германа. – Вот. Если вы собираетесь нас охранять, это может вам пригодиться. Позвать на помощь, если кто-то объявится.

Джо Бердсли никогда раньше не видел свистка, но не спешил в этом сознаваться. Он повертел маленький предмет в руках, стараясь не пялиться на него. Роджер протянул руку, взял свисток и хорошенько дунул в него – ночь взорвалась от резкого звука. Несколько разбуженных птиц испуганно взлетели с веток соседних деревьев, возмущенно крича. Кеси Бердсли внимательно наблюдал за их полетом с круглыми от удивления глазами.

– Дуй с этой стороны, – сказал Роджер, поднимая свисток правильным концом вверх, перед тем как отдать новому владельцу. – Нужно немного сжать губы.

– Весьма обязан, сэр, – пробормотал Джо. Его обычно невозмутимый вид совершенно исчез с того самого момента, как резкий свист прорезал тишину. Он взял свисток у Роджера с широко раскрытыми глазами, какие бывают у детей рождественским утром, и тут же показал трофей брату. Внезапно Брианну поразила мысль о том, что скорее всего ни у одного из них никогда не было рождественского утра, да и подарков им никто не дарил.

– Я сделаю для тебя еще один, – сказала она Кеси. – Тогда вы двое сможете подавать друг другу сигналы, если увидите бригадов, – добавила Бри с улыбкой.

– О, конечно, мэм. Так мы и поступим! Не сомневайтесь! – заверил он, едва глядя на нее, – мальчишке не терпелось исследовать свисток, который теперь был в руках у брата.

– Свистните три раза, если вам нужна будет помощь, – крикнул им вслед Роджер, беря жену под руку.

– Да, сэр! – донеслось из темноты вместе с запоздалым: – Спасибо, мэм. – За этими словами последовала череда вздохов и хрипов, перемежающихся успешным, но кратким свистом.

– Лиззи, я погляжу, учит их кое-каким манерам, – заметил Роджер. – И, видимо, чтению. Как думаешь, они когда-нибудь смогут стать цивилизованными людьми?

– Нет, – ответила она с ноткой сожаления.

– Серьезно? – Брианна не видела его лица в темноте, но услышала удивление в голосе. – Вообще-то это была шутка. Ты правда думаешь, что нет?

– Правда. И в этом нет ничего удивительного, учитывая, в каких условиях они росли. Ты видел, как они себя вели с этим свистком? Никто никогда не делал им подарков, у них даже игрушек не было.

– Согласен. Но ты считаешь, что именно это делает мальчиков цивилизованными? В таком случае малыш Джем станет философом или художником. Миссис Баг ужасно его балует.

– Как будто ты не балуешь, – сказала она добродушно. – И папа, и Лиззи, и мама, и все вокруг.

– Ну, – ответил Роджер, несколько не смущенный обвинением. – Подожди, пока у него появятся конкуренты. Герману, например, не грозит стать разбалованным, так?

Германа, старшего сына Фергуса и Марсали, постоянно донимали две младшие сестренки, известные всем как адские котятка. Они повсюду преследовали брата, дразня и мучая его.

Брианна засмеялась, но ее охватило легкое беспокойство. Мысли о втором ребенке заставляли чувствовать себя как на американских горках – дыхание перехватывало, а желудок сжимался, она разрывалась между радостным волнением и ужасом. Особенно ощутимо это было сейчас, когда память об их близости была еще так свежа и тяжела, перетекая в животе, подобно ртути. Роджер, кажется, ощутил ее неуверенность и не стал продолжать тему. Вместо этого он взял ее за руку и сжал большой и теплой ладонью. Воздух вокруг был холодным, остатки зимней стужи стелились в низинах белыми облаками.

– А как насчет Фергуса? – спросил он, возвращаясь к предыдущей теме. – Из того, что я слышал, детства у него почти не было, однако он кажется вполне цивилизованным.

– Моя тетя Дженни воспитывала его с той поры, когда ему исполнилось десять, – возразила она. – Ты не встречал тетю Дженни, но, уж поверь, она могла бы выбить дурь даже из Адольфа Гитлера, если бы захотела. К тому же Фергус рос в Париже, а не в дремучей чаще – хоть бы даже и в борделе. И, кстати, из того, что я слышала от Марсали, это, похоже, был высокочеловеческий бордель.

– А? Что она тебе рассказывала?

– О, просто истории, которые он между делом описывал ей. Про клиентов и ш... девушек.

– Значит, ты не можешь произнести слово «шлюха»? – спросил он, наслаждаясь ее смущением.

Брианна почувствовала, как кровь прилила к щекам, и ощутила облегчение от того, что было темно: когда она краснела, он дразнил ее сильнее.

– Ничего не могу поделать, я ведь ходила в католическую школу, – ответила она, защищаясь. – Раннее воспитание.

Это была чистая правда: она не могла произносить определенные слова, кроме как в порыве ярости или заранее подготовившись.

– А ты почему можешь? Надо думать, сын священника должен иметь такую же проблему. Роджер иронически усмехнулся.

– Не совсем такую. Я скорее был вынужден уметь ругаться и делать всякое перед друзьями, просто чтобы доказать, что могу.

– Какое всякое? – спросила она, ощущая, что за его словами таится какая-то история. Он не очень часто рассказывал о детских годах в Инвернесе, когда его усыновил двоюродный

дедушка, пресвитерианский священник. Но ей нравилось, когда муж между делом упоминал какие-то эпизоды из того времени.

– Ох. Курить, пить пиво и писать разные грязные словечки на стенах мужского туалета, – ответил он, и в словах ощущалась улыбка. – Опрокидывать урны, прокалывать шины. Красть сладости с почты. По тем временам я был настоящим маленьким разбойником.

– Гроза Инвернесса, вот как? А банда у тебя была? – поддразнила она.

– Была, – ответил он смеясь. – Герри Макмилан, Бобби Каудор и Дуги Бошнан. Я был белой вороной не только из-за преподобного, ко всему прочему у меня был отец англичанин и английское имя. Так что мне все время приходилось демонстрировать, что я крепкий орешек. И говоря это, я имею в виду, что, как правило, мне доставалось больше всех.

– Понятия не имела, что ты был малолетним преступником, – сказала Бри, очарованная этой мыслью.

– Ну, это продолжалось не так уж долго, – усмехнувшись, заверил Роджер. – В то лето, когда мне исполнилось пятнадцать, преподобный нашел мне работу на рыболовном судне и отправил в море – на селечный промысел. Не знаю, хотел ли он таким образом обтесать мой неугомонный нрав, уберечь от тюрьмы или просто ему надоело, что я шляюсь по дому без дела, но это сработало. Если хочешь найти суровых людей, отправляйся в море с группой гэльских рыбаков.

– Я запомню совет, – сказала она, упорно стараясь не захихикать, и вместо этого издала серию коротких влажных всхрипываний. – Твои друзья оказались в тюрьме или сразу исправились без своего главаря, который толкнул их на скользкую дорожку?

– Дуги ушел служить в армию, – ответил Роджер с ноткой томления в голосе. – Герри унаследовал отцовский магазин, тот торговал табаком. А Бобби... хммм... Бобби мертв. Утонул тем же летом, когда ловил лобстеров с кузеном возле Обана.

Брианна наклонилась ближе к нему, сжала его руку и сочувственно потрепала по плечу.

– Мне очень жаль, – сказала она, потом помолчала и добавила: – Разве что... Он еще не умер, так ведь? Пока что нет. Не сейчас.

Роджер покачал головой и издал причудливый звук, в котором одновременно слышались смех и тоска.

– Тебя это утешает? – спросила Бри. – Или, наоборот, думать об этом ужасно?

Ей хотелось, чтобы муж продолжал: Роджер не говорил так много за раз с момента повешения, которое украдо его мелодичный голос. Когда было необходимо что-то говорить в присутствии других людей, горло у него сжималось от волнения. Сейчас его голос был по-прежнему хриплым, но он был расслаблен и потому не кашлял и не прерывался на полуслове.

– И то и другое, – ответил он и повторил звук. – Что так, что эдак – все равно я его больше не увижу. – Он передернул плечами, отгоняя от себя мысль. – А ты часто думаешь о старых друзьях?

– Нет, не очень часто, – ответила она мягко. Дорожка стала уже, и она притянула его ближе к себе, до дома Макгилливреев оставался всего один поворот. – Здесь и так слишком много всего. – А о том, чего нет, Брианна говорить не хотела.

– Думаешь, Джо и Кеси просто играют? – спросила она. – Или что-то задумали?

– Что они могли задумать? – спросил он, принимая решение супруги сменить тему без всяких комментариев. – Мне сложно поверить, что они собрались кого-то ограбить, уж точно не в это время ночи.

– О, я верю, что они действительно караулят, – ответила Бри. – Они сделают что угодно, чтобы защитить Лиззи. Просто... – Она приостановилась.

Они вышли из леса на большую дорогу, дальний конец которой обрывался с одной стороны крутым оврагом, выглядевшим в ночи как глубокий омут, наполненный до краев чер-

ной бархатной тьмой. Днем там можно было разглядеть паутину сухих веток вперемежку с шапками рододендрона, багряника и кизила, заросших плетями древних виноградных лоз и плюща. Дорога делала осторожную петлю вокруг обрыва и сотней футов ниже плавно подходила к поселению Макгилливреев.

– Внутри до сих пор горит свет, – заметила Брианна удивленно.

Небольшая группа построек – старый дом, новый дом, бондарная мастерская Ронни Синклера, кузница и хижина Дэя Джонса были почти целиком погружены в темноту, только сквозь ставни нижних окон нового дома просачивался свет, да перед крыльцом горел костер, ослепительно-яркий на фоне окружающей черноты.

– Кенни Линдси, – уверенно сказал Роджер. – Бердсли сказали, они его встретили. Наверняка остановился, чтобы поделиться новостями.

– Хм. Тогда надо быть поосторожнее. Если они тоже ждут бригадов, то будут стрелять во все, что движется.

– Не сегодня. У них праздник, помнишь? Так что ты там говорила про мальчишек Бердсли, которые защищают Лиззи?

– Ой! – Она споткнулась о какое-то невидимое препятствие и крепче схватилась за Роджера, чтобы не упасть. – Уфф. Я хотела сказать – мне не совсем ясно, от кого, по их мнению, они ее охраняют.

Роджер рефлексивно напрягся, удерживая жену.

– Что ты хочешь сказать?

– Что если бы я была Манфредом Макгилливреем, то уж постаралась бы стать Лиззи хорошим мужем. Мама говорит, Бердсли повсюду следуют за ней, как два верных пса, но это не совсем так. Они за ней следуют, как прирученные волки.

– Я думал, Йен сказал, что волков невозможно приручить.

– Так и есть, – сказала Бри коротко. – Давай-ка поспешим, пока огонь не затушили.

* * *

Большой бревенчатый дом был буквально переполнен людьми. Свет лился из открытой двери и сиял в полоске крошечных бойниц, раскиданных по фасаду дома, темные силуэты двигались на фоне горящего костра. До них сквозь тьму долетели звуки скрипки, высокие и задорные, вместе с ними ветер принес запах жареного мяса.

– Что ж, кажется, Сенга действительно сделала выбор, – заметил Роджер, беря жену под руку перед финальным крутым подъемом к перекрестку. – На кого ты ставишь? Ронни Синклер или немецкий парень?

– Пари? И какие ставки? Упс! – Она снова споткнулась, наткнувшись на камень, наполовину скрытый под слоем дорожной грязи, но Роджер крепче вцепился в нее, помогая удержать равновесие.

– Проигравший наводит порядок в кладовой.

– Идет. – Она согласилась не раздумывая. – Я считаю, выбрали Хайнриха.

– Ай? Что ж, ты, может быть, и права, – сказал он, явно получая удовольствие от спора. – Но должен сказать тебе, шансы были пять к трем в пользу Ронни, так я слышал недавно. Фрау Уте – сила, с которой приходится считаться.

– Так и есть, – признала Брианна. – И если бы это была Хильда или Инга, я бы сказала, что тут и говорить не о чем. Но у Сенги материнский нрав, ей никто не указ – даже фрау Уте. Откуда они вообще взяли имя Сенга? – добавила Брианна. – Вокруг Салема полно Хильд и Инг, но я никогда не слышал ни о какой другой Сенге.

– Ну, что ж, ты и не могла услышать – не в Салеме, по крайней мере. Это не немецкое имя, а шотландское.

– Шотландское? – изумленно переспросила Бри.

– Ай, – ответил он с улыбкой в голосе. – Это Агнес наоборот. Девочка, которую так называли, просто обязана быть полной противоположностью¹⁸.

– Ты шутишь? Агнес наоборот?

– Не сказал бы, что оно распространенное, но я точно встречал одну или две Сенги в Шотландии.

Брианна засмеялась.

– Шотландцы поступают так еще с какими-нибудь именами?

– Произносят задом наперед? – Он задумался. – Ну, я учился в одном классе с девочкой, которую звали Аднил, а еще был мальчишка-посыльный из лавки зеленщика, который разносил овощи старушкам, что жили в округе, – его имя звучало как «Кирри», но писалось как «К-и-р-э».

Девушка пристально посмотрела на него, пытаясь понять, не подшучивает ли он над ней, и покачала головой.

– Думаю, мама права насчет шотландцев. Тогда твое имя наоборот будет...

– Реждор, – подтвердил он. – По-моему звучит, как что-то из фильма про Годзиллу. Гигантский угорь, например, или огромный жук, у которого из глаз бьют лучи смерти, – почти мечтательно предположил он.

– Ты об этом размышлял, так ведь? – спросила Бри, смеясь. – Кем бы ты хотел быть?

– Ну, когда я был ребенком, мне казалось, что ничего лучше жука с лучами смерти придумать нельзя. Но потом, когда я ушел в море, в мои сети время от времени попадались мурены. И поверь мне, это не те угри, с которыми ты хотела бы столкнуться в темном переулке.

– Уж точно попроворнее Годзиллы, – сказала она и легонько поежилась, вспомнив мурену, с которой ей довелось однажды столкнуться. Четыре фута пружинистой стали и мокрой резины, быстрой, как молния, и вооруженной пастью, нашпигованной бритвенными лезвиями. Она наблюдала за разгрузкой рыбацкой лодки в маленьком портовом городке Макдафф, когда это создание внезапно вырвалось из трюма, где хранят улов.

Брианна с Роджером стояли, облокотившись на низкий каменный парапет, и лениво наблюдали за чайками, зависшими на ветру над морем, когда снизу, с рыбацкой лодки, донесся испуганный крик. Они посмотрели вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как рыбаки на палубе разбегаются в стороны.

Нечто темное и изогнутое мелькнуло среди серебряной чешуи на палубе, скользнуло под перила и приземлилось на мокрые булыжники пристани, где вызвало заметную панику среди тех, кто мыл и чистил снасти. Мурена крутилась и изворачивалась, будто взбесившийся высоковольтный кабель, пока какой-то мужчина в резиновых сапогах, взяв себя в руки, не вернулся назад и не столкнул ее в воду.

– Ну, в общем-то не такие уж они плохие ребята, эти угри, – заметил Роджер рассудительно, очевидно, вспоминая тот же случай. – В конце концов, разве можно их винить? Быть вытащенным со дна моря без всякого предупреждения – любой бы повел себя немного резко.

– Это точно, – отозвалась Бри, думая о них самих. Она взяла руку мужа, и их пальцы сплелись. Он сжал ее ладонь в ответ, и это холодное крепкое прикосновение ее утешило.

Они уже были достаточно близко, чтобы уловить обрывки смеха и разговоров, уносящиеся в холодную ночь вместе с дымом от костра. Вокруг без всякого присмотра бегали дети, две маленькие фигуры мелькали возле ног взрослых, стоящих у огня, – черные и долговязые, как гоблины на Хэллоуин.

Это ведь не мог быть Джем, верно? Нет, он меньше, к тому же Лиззи уж точно...

– Медж, – вдруг сказал Роджер.

¹⁸ Святая Агнесса почитается как воплощение целомудрия и христианской добродетели.

– Что?

– Джем наоборот, – пояснил он. – Я просто подумал, было бы здорово посмотреть с ним фильмы про Годзиллу. Может, он бы тоже захотел стать жуком, у которого из глаз бьют лучи смерти? Было бы весело, да?

Голос звучал так мечтательно, что к горлу Бри подкатил комок. Она крепко сжала его руку и сглотнула.

– Расскажи ему истории про Годзиллу, – предложила она уверенно. – Все равно он ненастоящий. А я нарисую картинки.

Он засмеялся.

– Господи, ты это сделаешь, а они потом закидают тебя камнями за то, что ты водишься с дьяволом, Бри. Годзилла выглядит как нечто, вылезшее прямо из Книги Откровения, по крайней мере так мне сказали.

– Кто сказал? – Кто говорил?

– Иджер.

– Кто... ох, – сказала она, переворачивая в уме. – Режди? Кто такой Реджи?

– Преподобный.

Его двоюродный дед, его приемный отец. Голос по-прежнему звучал весело, но приобрел оттенок ностальгии.

– Когда мы вместе ходили по субботам на фильмы про монстров. Иджер и Реджор. Ты бы видела лица дам из Алтарного чайного общества, когда миссис Грэхем впускала их без предупреждения, и они заставляли нас в кабинете пастора, пока мы топали и ревели, круша Токио, построенный из кубиков и банок из-под супа.

Брианна засмеялась, но в уголках глаз зашипало от подступающих слез.

– Я хотела бы с ним познакомиться, – сказала она, сжимая его руку.

– Я бы тоже этого хотел, – ответил он тихо. – Ты бы так ему понравилась, Бри.

На несколько минут, пока Роджер говорил, темный лес и искры от пламени внизу исчезли. Они были в Инвернесе, в уюте пасторского кабинета, где по стеклу барабанил дождь, а снаружи доносился звук проезжающих автомобилей. Такое часто случалось, когда они вот так говорили между собой. А затем какая-нибудь незначительная деталь разрушала иллюзию – в этот раз люди у костра начали петь и хлопать в ладоши, – и их мир таял в мгновение ока.

Внезапно она подумала, что случилось бы, если бы он умер. Смогла бы она воскресить все это без него? От этой мысли ее вдруг охватил секундный приступ почти животного страха. Роджер – ее краеугольный камень, без него, с одними только воспоминаниями в качестве якоря, то время будет потеряно. Оно превратится в смутные грезы и будет потеряно, оставив без твердой почвы под ногами. Брианна глубоко вдохнула холодный ночной воздух, наполненный пряным запахом костра, и, шагая, стала сильнее вдавливать пятки в землю, чтобы чувствовать себя реальной.

– Мама, мама. – Маленький темный клубок отделился от толпы у костра и стремительно бросился к ней, с такой силой врезавшись в ее колени, что пришлось схватить Роджера за предплечье.

– Джем! Вот ты где! – Она подхватила ребенка на руки и зарылась лицом в волосы, которые приятно пахли козами, сеном и пряными сосисками. Джем был очень тяжелый и более чем реальный.

В этот момент Уте Макгилливрей обернулась и увидела их. Широкое лицо выглядело хмурым, однако просветлело, как только она разглядела, что за гости к ней пожаловали. Люди заоборачивались на ее приветствие, и толпа мгновенно обступила вновь прибывших. Все что-то спрашивали и выражали удивление по поводу их позднего визита.

Несколько вопросов касались семьи голландцев, но Кенни Линдси уже успел принести новости о пожаре, и Брианна была этому рада. Поселенцы огорченно хмыкали и качали голо-

вами, но к этому моменту они уже растеряли весь задор к построению ужасающих гипотез и перешли к другим темам. Сердце все еще помнило холод могил, притаившихся под пихтами, и ей не хотелось заново проживать эти воспоминания, обсуждая случившееся.

Обрученные сидели рядом на паре перевернутых ведер и держались за руки, молодые лица блаженно светились в отблесках костра.

– Я выиграла, – сказала Брианна и улыбнулась, глядя на них. – Разве они не выглядят счастливыми?

– Еще как, – согласился Роджер. – Сомневаюсь, что Ронни Синклер счастлив. Он здесь? Вместе они огляделись кругом, но бочара нигде не было видно.

– Погоди-ка, он в мастерской, – уверенно сказала она, кладя ладонь Роджеру на запястье и кивая в сторону небольшой постройки на другой стороне дороги.

С видимой стороны мастерской окон не было, но щель вокруг закрытой двери светилась желтым. Роджер перевел взгляд с темной мастерской на хмельную толпу вокруг костра. Родственники Уте приехали вместе с женихом из Салема, прихватив с собой огромный бочонок темного пива, который определенно добавил праздничной атмосферы. Казалось, густой запах хмеля пропитал все вокруг.

Вокруг мастерской бочара, напротив, витал дух заброшенности и отчужденности. Брианна задалась вопросом, вспомнил ли кто-нибудь у костра о Ронни Синклере.

– Я пойду и перекинусь с ним парой слов, ай? – Роджер легонько коснулся ее спины. – Думаю, слушатель ему не помешает.

– Слушатель и хорошая выпивка? – Брианна кивнула в сторону дома, где Робин Макгилливрей, стоящий возле дверного проема, разливал нечто похожее на виски своим друзьям.

– Думается мне, что с этим он сам разобрался, – сухо отозвался Роджер. Он оставил ее и стал проталкиваться сквозь веселую толпу у костра. Скоро мужчина растворился в темноте, но потом она увидела, как открылась дверь мастерской и в проеме двери появился силуэт Роджера, его высокая фигура почти целиком заслонила свет, льющийся из дома, перед тем, как он исчез внутри.

– Мама, хочу пить! – Джемми дергался, как лягушонок, пытаясь вырваться. Она опустила его, и он умчался быстрее пули, по пути едва не сбив с ног крупную женщину с тарелкой кукурузных лепешек.

Запах еще горячей стряпни напомнил о том, что она не ужинала, и Брианна пошла следом за сыном к столу с едой, где Лиззи, свыкаясь с ролью будущей хозяйки этого дома, со всей серьезностью наложила ей в тарелку капусты, сосисок, копченых яиц и что-то еще с кукурузой и тыквой.

– А где же твой возлюбленный, Лиззи? – поддразнила она. – Разве вам не положено обниматься весь вечер?

– Ох, этот. – Лиззи выглядела как человек, припоминающий нечто, представляющее общий интерес, но никак не первостепенную важность. – Вы имеете в виду Манфреда? Он... вон там. – Она прищурилась, глядя в сторону костра, а потом ложкой указала на своего жениха. Манфред Макгилливрей стоял рядом с тремя другими мужчинами, руки их были сплетены, и они покачивались из стороны в сторону, выводя какую-то песню на немецком. Похоже, они не в состоянии были в точности вспомнить слова, поскольку каждый куплет заканчивался хихиканьем, шутливыми обвинениями и толчками.

– Вот, Schätzchen, – это «милый» по-немецки, – сказала Лиззи, склоняясь к Джиму, чтобы дать кусочек колбаски.

Он схватил его, как голодный тюлень, и начал усердно жевать, затем пробормотал:

– Хочу пить. – И исчез в ночи.

– Джем! – Брианна хотела пойти за ним, но толпа, устремившаяся к столу, помешала осуществить задуманное.

– Да не тревожьтесь так, – успокоила ее Лиззи. – Его здесь все знают, ничего плохого с ним не случится.

Однако она все равно пошла бы за сыном, не появившись рядом с Джемом маленькая белокурая голова Германа, его закадычного друга. Герман был на два года старше, но житейского опыта у него было в разы больше, чем положено иметь обычному пятилетнему мальчику, – спасибо наставлениям отца. Она надеялась, что он не догадался лазать по чужим карманам в толпе, и мысленно отметила, что стоит обыскать его позже на предмет контрабанды.

Герман крепко взял Джема за руку, и Брианна позволила себе остаться вместе с Лиззи, Ингой и Хильдой. Они присели на тюках с сеном чуть в стороне от костра.

– Ну а где же твой дружок? – шутливо спросила Хильда. – Твой большой и красивый черный дьявол?

– Ах, этот, – ответила Брианна, подражая Лиззи, и девушки разразились дружным и совсем не женским смехом. Очевидно, пиво уже забродило у них в головах.

– Он с Ронни, – сказала она, кивнув в сторону темной мастерской бочара. – Ваша мать расстроена выбором Сенги?

– Ох. Еще как, – ответила Инга, страдальчески закатывая глаза. – Надо было слышать, как они спорят, мама и Сенга. Нашла коса на камень. Отец ушел на рыбалку и не возвращался три дня.

Брианна наклонила голову, чтобы скрыть улыбку. Робин Макгилливрей любил спокойствие и размеренность, именно то, чем он едва ли когда-нибудь сможет насладиться в компании жены и дочерей.

– Ну, – протянула Хильда философски, чуть откидываясь назад, чтобы было удобнее: она была беременна первым ребенком и находилась на большом сроке. – Ей вообще-то трудно было возражать Сенге, *meine Mutter*¹⁹. Хайнрих все-таки сын ее собственной кухни, хоть он и беден.

– Очень молод, – прагматично добавила Инга. – Папа говорит, Хайнриху понадобится время, чтобы разбогатеть.

Ронни Синклер не был особенно богат и к тому же был старше Сенги на тридцать лет. С другой стороны, у него была его собственная мастерская и он владел половиной дома, в котором жил вместе с Макгилливреями. Поэтому Уте, устроив брак старших дочерей с мужчинами состоятельными и твердо стоящими на ногах, ясно видела преимущества союза между Сенгой и Ронни.

– Из-за этого решения может возникнуть некоторая неловкость, – осторожно заметила Брианна. – Ведь Ронни продолжит жить с вашей семьей после того, как... – Она кивнула в сторону обрученных, которые кормили друг друга пирогом.

– Ух! – воскликнула Хильда, закатив глаза. – Как же я рада, что не живу здесь.

Инга поспешно кивнула, соглашаясь с сестрой, но добавила:

– Ну, матушка не из тех, кто опускает руки, случись какая неприятность. Она уже присматривает жену для Ронни. Только поглядите на нее. – Она кивнула в сторону стола, где Уте, улыбаясь, болтала с группой немок.

– Как думаешь, кого она выбрала? – спросила Инга сестру, которая, сузив глаза, наблюдала за матерью. – Маленькую Гретхен? Или, может, кухню твоего Арч? Ту, что косоглаза, Сеону?

Хильда, которая была замужем на шотландцем из округа Сарри, покачала на это головой.

– Мама наверняка присматривает немецкую девушку, – возразила она. – Потому что она держит в уме, что произойдет, если Ронни умрет и его жена снова выйдет замуж. Так вот если

¹⁹ Моя мать (*нем.*).

это будет немка, есть шансы, что маме удастся сосватать ее одному из своих племянников или кузенов. Чтобы имущество осталось в семье, понимаешь?

Брианна увлеченно слушала, как невозмутимо девушки обсуждают ситуацию с женитьбой, и размышляла, имеет ли Ронни Сикнлер хоть малейшее представление о том, с каким прагматизмом решается его дальнейшая судьба. С другой стороны, он прожил под одной крышей с Макгилливреями больше года, значит, должен иметь представление о методах Уте.

Тихо благодаря Бога за то, что ей самой не придется жить в одном доме с грозной фрау Макгилливрей, она посмотрела на Лиззи, вдруг ощутив глубокое сочувствие по отношению к своей бывшей горничной. Как только Лиззи выйдет за Манфреда в следующем году, она станет жить с Уте.

Услышав имя «Уэмисс», Брианна отвлеклась от своих мыслей и вернулась к разговору, только чтобы обнаружить, что девушки обсуждают не саму Лиззи, но ее отца.

– Тетушка Гертруда, – объявила Хильда и тихонько рыгнула, прикрыв рот кулаком. – Она сама вдова, она подойдет ему лучше всего.

– С тетужкой Гертрудой мистер Уэмисс не доживет до первой годовщины свадьбы, – смеясь, возразила Инга. – Она вдвое больше него. Если она не доведет его до изнеможения, то просто однажды ночью перекатится на другую сторону кровати и случайно раздавит.

Хильда прижала ладони ко рту, но не из стыдливости, а скорее чтобы приглушить хихиканье. Брианна подумала, что девушка тоже успела выпить пива: чепец сполз набок, а на бледном лице даже при свете костра был замечен румянец.

– Похоже, такие штуки его не больно беспокоят. Глядите-ка! – Хильда кивнула, указывая на место чуть в стороне от пьющих у костра, и Брианна без труда различила голову мистера Уэмисса с такими же бледными развевающимися волосами, как у дочери. Он оживленно беседовал с пышной женщиной в чепце и фартуке, которая игриво тыкала его между ребер и хохотала. Пока Бри наблюдала, к паре подошла Уте Макгилливрей, за которой следовала высокая блондинка, – судя по сложенным под фартукам рукам, она была немного смущена.

– О, а это кто? – Инга вытянула шею, как гусь, и сестра возмущенно толкнула ее локтем.

– Lass das, du alte Ziege!²⁰ Mutti²¹ смотрит в нашу сторону.

Лиззи чуть привстала со своего тюка, пытаясь разглядеть, что происходит.

– Кто?.. – начала она, по-совиному растягивая последнюю букву. Однако ее внимание тут же отвлек Манфред, который свалился рядом с ней на солому, широко улыбаясь.

– Как ты тут, Herzchen?²² – спросил он, обнимая ее за талию и пытаясь поцеловать.

– Кто это, Фредди? – спросила она, ловко ускользая из его объятий и осторожно указывая на светловолосую женщину, которая застенчиво улыбалась, пока фрау Уте представляла ее мистеру Уэмиссу.

Манфред моргнул, чуть качнулся, но ответил уверенно:

– О, это фройляйн Берриш. Сестра пастора Берриша.

Инга и Хильда протяжно и заинтересованно хмыкнули, Лиззи немного нахмурилась, но лицо ее быстро просветлело, когда она увидела, как отец откинул голову назад, чтобы поприветствовать новую знакомую – фройляйн Берриш была почти такая же высокая, как сама Брианна.

Что ж, это объясняло, почему она по-прежнему фройляйн, а не фрау, подумала Брианна с сочувствием. В ее волосах, там, где они выбивались из-под чепца, серебрилась седина, лицо казалось довольно непримечательным, хотя глаза светились спокойной добротой.

²⁰ Прекрати, старая ты коза! (нем.).

²¹ Мамочка (нем.).

²² Душенька (нем.).

– О, значит, она протестантка, – заключила Лиззи тоном, каким произносят приговор. Было ясно, что фройляйн в связи с этим едва ли могла рассматриваться на роль спутницы для ее отца.

– Ай, но она хорошая женщина. Пойдем потанцуем, Элизабет. – Манфред явно утратил всякий интерес к мистеру Уэмиссу и фройляйн. Он без труда поднял протестующую Лиззи на ноги и увлек в круг танцующих. Она шла неохотно, но Брианна заметила, что когда они закружились в танце, Лиззи уже смеялась над какой-то шуткой Манфреда. Он улыбался, глядя на нее, отблески костра дрожали на его красивом лице. Они были гармоничной парой, подумала Брианна, и внешне подходили друг другу лучше, чем Сенга и Хайнрих, который был высоким, тщедушным и с вытянутым лицом.

Инга и Хильда спорили друг с другом на немецком, что позволило Брианне не отвлекаясь насладиться своим прекрасным ужином. Она была так голодна, что любая еда показалась бы ей вкусной, но тарт, хрустящая капуста и пряные колбаски, лопающиеся от сока, были редким лакомством.

Только после того, как она вымакала кусочком кукурузного хлеба остатки сока и жира с деревянной тарелки, она посмотрела в сторону мастерской, и ее накрыло чувство вины: наверное, нужно было оставить немного еды Роджеру. Как благородно с его стороны было подумать о чувствах несчастного Ронни. Она ощутила, как ее заполняет гордость и нежность к мужу. Наверное, нужно пойти туда и спасти его. Она поставила тарелку на землю и уже начала приводить в порядок свои юбки и подъюбки, чтобы двинуться в путь, когда из темноты выплыла пара крохотных покачивающихся фигур.

– Джем? – позвала она в изумлении. – Что случилось?

Отблески костра играли на волосах мальчика, заставляя их мерцать, как только что выплавленная медь, но лицо под кудрями было мертвенно-бледным, а глаза казались огромными, черными и неподвижными, Джем отсутствующе глядел в пространство.

– Джемми!

Он повернул к ней ничего не выражающее лицо, сказал: «Мама?» – очень тоненьким и неуверенным голосом, а потом его ноги вдруг подогнулись, как резиновые прутки, и он хлопнулся на землю.

Брианна смутно помнила о Германе, покачивающемся рядом, как молодое деревце на ветру, но не могла отвлечься на него. Она подхватила Джемми, приподняла его голову и легонько потрясла.

– Джемми! Проснись! В чем дело?

– Малец пьян в стельку, дочка, – проговорил над ней чей-то голос, явно забавляясь происходящим. – Что такое ты ему дала? – Робин Макгилливрей, сам ненамного трезвее ее сына, склонился и легонько ткнул его под ребра, но в ответ не послышалась ничего, кроме тихого гуканья. Потом он подхватил руку Джемми и отпустил ее – она безвольно упала, похожая на вялую макаронину.

– Ничего я ему не давала! – Паника в ней уступала место растущему раздражению, по мере того как она убеждалась, что Джемми просто уснул – его крошечная грудь поднималась и опускалась в ритм ровному дыханию.

– Герман!

Герман за это время превратился в небольшую кучку на земле, которая самозабвенно и мечтательно напевала «Alouette»²³. Брианна его научила этой песне, и она стала его любимой.

– Герман! Чем ты напоил Джемми?

²³ «Alouette» (фр. жаворонок) – популярная канадская детская песенка на французском языке. В песне поется о том, как птица имела неосторожность разбудить героя своим пением, и он обещает ее ошипать. Куплеты посвящены ошипыванию головы, клюва, глаз, шеи, крыльев, ног, хвоста и спины соответственно.

– ... j'te plumerai la tete...²⁴

– Герман! – Она схватила его за руку, и он прекратил петь, удивленный ее появлением.

– Что ты дал Джемми, Герман?

– Его мучила жажда, мэм, – ответил Герман с обезоруживающей улыбкой. – Ему нужно было выпить. – На этом его глаза закатились, и он обмяк, как дохлая рыбина.

– Иисус Христос на куске тоста!

Инга и Хильда явно были шокированы последней фразой, но она была не в том настроении, чтобы беспокоиться об их мнении.

– Где, черт побери, Марсали?

– Ее здесь нет, – ответила Инга, наклоняясь вперед, чтобы осмотреть Германа. – Она осталась дома со своими маленькими мэдхен. А Фергус... – Она приподнялась и огляделась вокруг. – Я недавно его видела.

– Что случилось?

Сиплый голос за плечом застал Брианну врасплох. Она повернулась и обнаружила у себя за спиной Роджера, с удивлением взирающего на странную картину, развернувшуюся перед ним. Лицо его было мягким и расслабленным, свободным от обычной суровости.

– Твой сын – пьяница, – проинформировала его Брианна. Тут она уловила дыхание Роджера и холодно добавила: – Пошел по стопам отца, я так понимаю.

Оставив эту реплику без внимания, Роджер присел рядом с женой и взял Джемми на руки. Он потрепал распростертого у него на коленях сына за щеку, нежно, но настойчиво.

– Привет, Медж, – мягко сказал он. – Привет, говорю. Ты в порядке, малец?

Как по волшебству, веки Джемми дрогнули и приподнялись. Он блаженно улыбнулся Роджеру.

– Привет, папа. – Продолжая улыбаться, ребенок снова закрыл глаза и погрузился в абсолютное беспмятство, положив щеку на отцовское колено.

– Он в порядке, – подытожил Роджер.

– Что ж, хорошо, – отозвалась Брианна, не вполне успокоенная. – Что они пили, как думаешь? Пиво?

Роджер нагнулся и принялся к дыханию своего отпрыска, чьи губы были испачканы чем-то красным.

– Думаю, это была вишневая наливка. За сараем стоит целая бочка.

– Святой Боже! – Она никогда не пила вишневую наливку, но миссис Баг рассказывала ей, как ее готовят: «Выжимаешь сок из бушеля вишни, растворяешь в нем двадцать четыре фунта сахара, выливаешь смесь в бочку на сорок галлонов и доверху заливаешь виски».

– Он в порядке. – Роджер погладил ее по руке. – Это Герман там?

– Да. – Она нагнулась, чтобы проверить, все ли с ним хорошо, но Герман крепко спал и, как и Джемми, улыбался во сне. – Судя по всему, эта наливка хороша.

Роджер засмеялся.

– Она ужасная. Похожа на сироп от кашля. Хотя, должен сказать, эта штука делает людей веселыми.

– Это ее ты пил? – Она прищурила глаза и внимательно на него посмотрела, но губы Роджера были нормального цвета.

– Конечно, нет. – Он склонился к ней и поцеловал, чтобы доказать, что говорит правду. – Ты же не думаешь, что шотландец вроде Ронни будет заливать горе вишневой наливкой, когда под рукой есть приличный виски?

– И правда, – отозвалась Брианна.

²⁴ Я ощипаю твою голову... (фр.).

Она посмотрела на мастерскую. Слабый свет от очага померк, и силуэт двери исчез: постройка превратилась в темный прямоугольник на фоне густой черноты леса.

– Как Ронни справляется?

Она осмотрелась кругом, но Инга и Хильда уже ушли помогать фрау Уте. Женщины убрали со стола.

– О, Ронни в полном порядке. – Роджер аккуратно переложил сына с колен на солому, рядом с Германом. – Он не был влюблен в Сенгу. Ронни страдает от сексуального воздержания, а не от разбитого сердца.

– Что ж, если это единственная проблема, ему не придется долго страдать, – сухо сказала Брианна. – Фрау Уте, похоже, уже начала подыскивать для него пару.

– Она сказала Ронни, что найдет ему жену. Он, что называется, философски относится к происходящему. Хотя и смердит от похоти, – добавил Роджер, сморщив нос.

– Фу. Ты хочешь есть? – Она посмотрела на мальчиков и поднялась. – Пойду принесу тебе какой-нибудь еды, пока Уте и девушки все не убрали.

Роджер внезапно и неожиданно широко зевнул.

– Нет, я в порядке. – Он моргнул и сонно посмотрел на нее. – Пойду скажу Фергусу, где Герман, и, может, съем что-нибудь по пути. – Он потрепал ее по плечу, встал на ноги и, едва заметно покачиваясь, направился к костру.

Брианна снова проверила мальчиков: оба спали мертвецким сном, ровно и глубоко дыша. Она подвинула их ближе друг к другу, навалила побольше соломы вокруг и накрыла детей своим плащом. Стало прохладнее, однако зима осталась позади, и ночи были относительно теплыми.

Праздник продолжался, но стал заметно спокойнее. Танцы прекратились, люди разбились на небольшие группы, у костра компания мужчин попыхивала трубками, парни помоложе куда-то исчезли. Повсюду семьи устраивались на ночлег в стогах сена. Некоторые гости расположились в доме, большинство – в амбаре. Откуда-то с заднего двора доносились звуки гитары, одинокий голос пел что-то медленное и полное томления. Внезапно это заставило Брианну затосковать по голосу Роджера, каким он был раньше, – глубокому и нежному. Подумав об этом, она неожиданно осознала кое-что: его голос звучал гораздо лучше, когда он вернулся от Ронни. Он был по-прежнему хриплым и лишь смутно напоминал былую тональность, но слова давались мужу легко, без типичной надтреснутости. Может, алкоголь разогрел связки? Скорее всего, подумала она, Роджер просто расслабился, перестал думать о том, как говорит. Это было полезно узнать. Ее мать предполагала, что звучание станет лучше, если Роджер будет упражняться, растягивать связки, но он смущался много говорить, избегал боли – от самого ли процесса или от осознания контраста с тем, как голос звучал раньше.

– Что ж, может, стоит сделать немного вишневого наливки, – сказала она вслух. А потом посмотрела на две неподвижных фигурки в куче соломы и подумала о перспективе проснуться рядом с тремя похмельными лицами на следующее утро. – А может, и нет.

Женщина сгребла немного соломы, чтобы соорудить подушку, и накрыла ее платком. Завтра они весь день будут вытаскивать сено из одежды. Она легла, плотно прижавшись к спине Джема: если кому-то из детей станет дурно во сне, она почувствует.

Костер догорел, только беспорядочная бахрома искр мерцала красным на раскаленных углях, фонари, расставленные по периметру двора, тоже погасли или были затушены из соображений экономии. Гитара и певец затихли. Свет и шум уже не сдерживали натиск ночи, и она, раскинув крылья, опустилась на гору холодной тишины. В вышине ярко сияли звезды, но они были лишь отголосками того, что случилось в тысячах световых лет отсюда. В ответ на необъятность обступившей ее ночи Брианна закрыла глаза и опустила губы к макушке Джема, плотнее прижимаясь к нему, чтобы украсть немного его тепла.

Она попыталась уснуть, но сильный запах горячей древесины в воздухе принес назад воспоминания, и ее обычные молитвы о благословении обернулись жаркими мольбами о защите и милосердии.

– Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня. Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня²⁵.

«Я не забуду вас», – беззвучно пообещала она мертвым. Эти слова казались такими жалкими – мелкими и бессильными. И все же это единственное, что было в ее власти. Брианна поежилась и сильнее обняла сына.

Внезапное шуршание соломы, и Роджер прижался к ней сзади. Он поерзал немного, укрывая ее своим плащом, потом с облегчением вздохнул, и она ощутила, как расслабилось его тело, когда он обнял ее за талию.

– Это был чертовски длинный день, да?

Она издала негромкий стон, соглашаясь с ним. Теперь, когда вокруг стало тихо, когда не нужно было больше говорить, следить, быть собранной, каждый сантиметр тела ныл от усталости. Между ней и холодной твердой землей был только тонкий слой соломы, но она чувствовала, как сон накатывает на нее, будто волны прилива на песчаный берег, – мягко, но непреодолимо.

– Ты поел что-нибудь? – Она положила ладонь ему на ногу, и его рука сжалась в ответ, обхватывая крепче.

– Ай, если считать пиво едой. Многие так думают. – Он засмеялся, и в его дыхании она почувствовала теплый хмельной дух. – Я в полном порядке.

Тепло его тела начало просачиваться через слои одежды между ними, прогоняя ночной холод. Джем всегда был горячим во сне, спать рядом с ним было все равно что держать в руках горшок, полный раскаленных углей. Роджер, однако, был еще горячее. Что ж, ее мама говорила, что спиртовые лампы горят жарче масляных.

Брианна вздохнула и прижалась к мужу спиной, ощущая тепло и защищенность. Теперь, когда все они были вместе и в безопасности, холодная пустота ночи рассеялась.

Роджер что-то напевал. Она поняла это как-то неожиданно. Он не издавал звуков, но она чувствовала, как вибрирует его грудная клетка. Ей не хотелось ненароком прервать мужа: такие упражнения, без сомнения, полезны для связок. Через несколько секунд Роджер остановился сам. Надеясь, что он возобновит это занятие, она протянула назад руку и потрепала его по бедру, издав при этом короткое вопросительное мычание.

– Ммм?

Он накрыл ее ягодицы ладонями и крепко их сжал.

– Ммм, – отозвался он, и это прозвучало как глубокое удовлетворение и приглашение одновременно.

Она не ответила, но совершила легкое движение бедрами в обратном направлении. В нормальных обстоятельствах это заставило бы его отказаться от своих намерений. Роджер убрал руку, но только одну, и лишь затем, чтобы провести ею вниз по ноге, а затем, очевидно, задрать юбку. Брианна резким движением схватила его ладонь и накрыла ею свою грудь. Она хотела сказать, что, хотя ей льстило его желание и в других обстоятельствах она бы охотно сдалась, сейчас заниматься этим не лучшая идея...

Роджер обычно хорошо понимал язык тела, однако сейчас этот навык, очевидно, растворился в виски. Или, подумалось ей внезапно, ему просто было не важно, хочется ей этого или нет.

– Роджер! – прошипела она.

²⁵ Книга Иова 19:13.

Он снова начал напевать, на этот раз перемежая мычание низкими бурлящими звуками, которые издает чайник перед тем, как закипеть. Рука Роджера снова скользнула по ее ноге и забралась под юбку. Брианна ощутила жар его прикосновения на обнаженной коже бедра, ладонь быстро поднялась вверх и неожиданно оказалась в ней. Когда Джемми кашлянул и дернулся в ее объятиях, она попыталась пнуть Роджера по голени, чтобы он остановился.

– Боже, какая ты красивая, – пробормотал он, уткнувшись ей в шею. – Такая красивая... Красивая и... ммм... – Следующие слова были неразборчивым бормотанием, потому что он приник губами к ее коже, но, кажется, сказал «скользкая». Его пальцы достигли цели, и Брианна выгнула спину в попытке отстраниться.

– Роджер, – прошептала она, стараясь говорить тише. – Роджер, люди кругом!

И к тому же сопящий ребенок лежал прямо перед ней, тяжелый и неподвижный, как мешок с картошкой.

Он пробормотал какую-то фразу, из которой она различила только «темно» и «никто не увидит». После этого рука вдруг исчезла, но только для того, чтобы ухватить юбки и убрать их с дороги. Он возобновил свое вибрирующее мычание, прерываясь, чтобы прошептать:

– Люблю тебя, я так тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась Брианна, пытаясь поймать его руку. – Роджер, остановись!

Он остановился, но мгновенно обхватил ее и потянул за плечо. Небольшое усилие, и она уже лежала на спине, глядя на сияющие в вышине звезды, которые, однако, быстро исчезли, заслоненные головой и плечами Роджера, оказавшегося сверху. Было слышно шуршание соломы и шелестение застежек.

– Джем... – Она вытянула руку в сторону сына, которого ничуть не беспокоило исчезновение матери, – он по-прежнему свернувшись лежал в соломе, как уснувший на зиму еж.

Роджер же продолжал петь, если можно было так это назвать. Или, по крайней мере, напевать одну совершенно непристойную шотландскую песенку о мельнике, которого донимает молодая женщина, желающая, чтобы он помолол ее зерно. Что он и делает.

– И там он бросил ее на мешки, и они смололи, зерно ее смололи... – жарко бубнил Роджер ей в ухо, прижимая своим весом к земле. Звезды странно закружились у нее над головой. Она думала, его комментарий о том, что Ронни «смердит от похоти», был всего лишь фигурой речи, но, очевидно, дело обстояло иначе. Обнаженная плоть встретила обнаженную плоть. Она задохнулась. Роджер тоже.

– Господи, – прошептал он. Его тело на секунду замерло на фоне темного неба, затем он сладостно выдохнул, обдав ее парами виски, и начал двигаться вместе с ней, снова напевая. Слава богу, было темно, хотя и недостаточно. Угасающий свет костра бросал на его лицо жутковатый отблеск, и на мгновение она увидела в нем того большого черного дьявола, каким назвала его Инга.

«Просто расслабься и наслаждайся этим», – подумала она. Солома бессовестно громко шелестела – но она шелестела и повсюду вокруг, под порывами ветра шумели кроны деревьев у скал, заставляя все происходящее сливаться в один невнятный гул.

Брианне удалось подавить стыд, и она уже начала получать удовольствие от того, что делал муж, когда он положил руки ей на поясницу, приподнимая ее.

– Обхвати меня ногами, – прошептал Роджер, кусая ее за мочку уха. – Закинь мне их за спину, на задницу, и заставь меня двигаться.

Движимая отчасти ответным возбуждением, а отчасти желанием выбить из него дух, сжав его тело, как меха аккордеона, она раскинула ноги и подняла их наверх, скрестив на его ритмично поднимающихся и опускающихся бедрах. Он издал стон удовольствия и задвигался с удвоенной энергией. Возбуждение побеждало: она почти забыла, где находится. Отчаянно цепляясь за него и трепеща от наслаждения, Брианна выгнула спину, резко дернулась в спазме

и начала содрогаться, прижимаясь к его жаркому телу. Она ощущала прикосновения ночного ветра к обнаженным ягодицам и бедрам – прохладные, похожие на крошечные электрические разряды. Дрожа и постанывая, она безвольно опустилась на солому, ноги по-прежнему крепко обвивали бедра Роджера. Опустошенная, она запрокинула голову и медленно, сомнамбулически приоткрыла глаза. Здесь кто-то был, она заметила движение в темноте и замерла. Фергус пришел забрать сына. Брианна услышала, как он тихо говорит по-французски с Германом, а потом удаляющиеся шаги по соломе.

Она лежала неподвижно с бешено бьющимся сердцем, ноги все еще были у Роджера за спиной. Последний тем временем достиг собственного финала. Его голова опустилась, и длинные волосы касались ее лица в темноте как ниточки паутины.

– Люблю тебя... Боже, я люблю тебя, – проговорил он еле различимо и опустился, медленно и нежно. Затем он выдохнул ей в ухо: – Спасибо. – И, тяжело дыша, обмяк сверху, впад в полубессознательное состояние.

– О, – ответила она. – Не стоит меня благодарить.

Брианна расцепила онемевшие ноги, не без усилий отделилась от мужа, кое-как укрывшись и восстановила блаженную анонимность в их гнездышке из соломы. Джемми был уютно устроен между родителями.

– Эй, – позвала она неожиданно, и Роджер встрепенулся.

– Мм?

– Что за монстр был Иджер?

Он засмеялся, и звук был чистым и глубоким.

– О, Иджер был гигантским бисквитом. С шоколадной глазурью. Он падал на других монстров и душил их своей сладостью. – Он снова засмеялся, икнул и опустился на солому.

– Роджер? – позвала она снова, секунду спустя. Ответа не последовало, и она протянула ладонь мимо безмятежно спящего сына, чтобы легонько коснуться руки Роджера. – Спой мне, – прошептала она, хотя знала, что он уже уснул.

Глава 7

Индийский агент Джеймс Фрэзер

– Джеймс Фрэзер, индийский агент, – сказала я, прикрыв один глаз, будто читала это с экрана. – Звучит как название фильма о Диком Западе.

Джейми на секунду остановился, прервав процесс стягивания чулок, и посмотрел на меня с сомнением.

– Правда? Это хорошо?

– Ну, герои фильмов никогда не умирают, так что да.

– В таком случае я за, – сказал он, изучая чулок, который он только что стянул. Он с подозрением понюхал его, потер большим пальцем тоненькую заплату на пятке, покачал головой и метко забросил его в корзину для грязного белья. – Мне придется петь?

– Петь? О! – ответила я, припоминая, что последний раз, когда я пыталась объяснить ему, что такое телевидение, то в основном использовала в качестве примера шоу Эда Салливана²⁶.

– Нет, петь не надо будет. И качаться на трапеции тоже.

– Что ж, уже неплохо. Я, знаешь ли, уже не так молод, как раньше. – Он встал и потянулся, издав легкий стон. Чтобы вместить его рост, потолки в доме сделали восьмифутовыми, но даже так его кулаки касались сосновых балок. – Боже, до чего был длинный день!

– Ну, он почти закончился, – сказала я, припихиваясь в свою очередь к лифу платья, которое только что сняла. Оно сильно, но пока терпимо пахло лошадью и дымом. Нужно про-

²⁶ Американское телешоу 40-70-х гг., в котором выступали известные певцы и артисты.

ветрить его немного, решила я, а там будет видно, обойдется ли оно еще некоторое время без стирки. – Я не могла качаться на трапедии, даже когда была молода.

– О, я готов заплатить, чтобы увидеть, как у тебя это получится, – отозвался он, улыбаясь во весь рот.

– Что вообще такое «индейский агент»? – спросила я. – Макдональд, кажется, считает, что этим предложением оказывает тебе огромную услугу.

Джейми пожал плечами, одновременно расстегивая килт.

– Я не сомневаюсь, что именно так он и думает. – Джейми осторожно тряхнул материю, и пол под ней покрылся слоем дорожной пыли и лошадиными волосами. Он подошел к окну, открыл ставни и, выставив килт наружу, начал трясти.

– Так бы оно и было, – слабо донеслось до меня из ночной темноты. Затем Джейми повернулся, и голос его стал громче. – Не будь этой твоей войны.

– Моей?! – отозвалась я возмущенно. – Звучит так, будто ты считаешь, что я предлагаю вам развязать ее.

Он легонько махнул рукой, прерывая меня.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Индейский агент, саксоночка, это он самый и есть. Малый, который ходит и ведет переговоры с местными краснокожими, раздает им подарки, уговаривает их в надежде на то, что в ответ они поддержат интересы короны, что бы они из себя ни представляли.

– Вот как. А что это за Южный департамент, который упоминал майор? – Я невольно посмотрела на закрытую дверь нашей комнаты, но приглушенный храп из спальни на другой стороне красноречиво говорил о том, что наш гость уже погрузился в объятия Морфея.

– Хм. Есть Южный и Северный департаменты, которые занимаются делами индейцев в колониях. Южным руководит Джон Стюарт, он из Инвернесса. Повернись, я помогу тебе.

Я благодарно повернулась к нему спиной. С ловкостью, приобретенной за годы практики, он за считанные секунды расшнуровал корсет. Я глубоко вздохнула, когда путы расслабились и он упал. Джейми снял с меня нижнюю рубашку и принялся массировать ребра там, где жесткие косточки вдавили влажную ткань в мою кожу.

– Спасибо. – Я блаженно выдохнула и откинулась назад, прижавшись к нему. – Макдональд думает, что раз он из Инвернесса, то без лишних раздумий будет нанимать всех горцев?

– Это может зависеть от того, встречался ли Стюарт когда-нибудь с людьми из моего клана, – сухо ответил Джейми. – Но Макдональд думает, что все обстоит именно так. – Он рассеянно поцеловал меня в макушку, а затем убрал руки и начал развязывать ленту у себя в волосах.

– Сядь, – скомандовала я, выбираясь из юбок, лежащих у меня в ногах. – Я расплету.

Он устроился на стуле в одной рубашке и мгновенно закрыл глаза от наслаждения, когда я начала расплетать его волосы. Последние три дня они были стянуты в тугую косу, удобную для долгих переездов. Я запустила пальцы в мягкую массу его огненных кудрей, и, вызволенные из плена, они рассыпались волнами – золотыми, серебряными и пряного цвета корицы.

– Ты сказал, подарки. Их спонсирует Корона?

По моим наблюдениям, Корона имела дурную привычку достаивать состоятельных людей «честь», которая требовала от них крупных вложений.

– Теоретически. – Он широко зевнул, и его широкие плечи тяжело и умиротворенно опустились, когда я взяла расческу и занялась приведением его шевелюры в порядок. – Ох, как хорошо. Вот поэтому Макдональд и считает это услугой: появляется возможность наладить торговлю.

– К тому же появляются отличные перспективы для коррупции. Да, понимаю. – Еще несколько минут я продолжала свое занятие в тишине, прежде чем спросить: – Ты возьмешь это на себя?

– Я не знаю. Нужно обдумать. Ты упомянула Дикий Запад. Брианна тоже говорила что-то об этом, рассказывала о коровьих пастухах...

– О ковбоях.

Он отмахнулся от моего замечания.

– И про индейцев. Это правда? То, что она говорила про индейцев?

– Если она говорит, что они будут масштабно истребляться в течение следующего века, то да – она права. – Я пригладила его волосы, потом села на кровать лицом к нему и занялась собственным видом. – Это тебя тревожит?

Он слегка нахмурился, обдумывая мои слова, и рассеянно почесал грудь там, где кудрявые медные волосы выглядывали из-под ворота расстегнутой рубашки.

– Нет, – протянул он. – Не совсем. Не то чтобы я должен был убивать их собственными руками. Но... мы приближаемся к этому, так ведь? К тому времени, когда я должен ступить с осторожностью, если хочу пройти меж двух огней.

– Боюсь, что так, – ответила я, ощущая, как появляется ноющее напряжение между лопаток. Я слишком хорошо понимала, что он имеет в виду. Линий огня пока еще не существовало, но их уже начали намечать. Стать индейским агентом и работать на Корону значило прослыть лоялистом – что по нынешним временам, когда мятежники были всего лишь кучкой радикалов, а беспорядки вспыхивали локально, было очень даже неплохо. Однако не за горами тот момент, когда недовольные захватят власть и будет провозглашена независимость, и тогда наше положение станет очень-очень опасным. Зная, чем кончится дело, Джейми не станет ждать слишком долго, прежде чем примкнуть к повстанцам, однако сделав это раньше времени, он рисковал быть арестованным по обвинению в измене. Не самая лучшая перспектива для человека, который уже был помилованным изменником.

– Конечно, – робко начала я, – если бы ты стал индейским агентом, то, думаю, мог бы убедить некоторые племена встать на сторону «американцев» – или, по меньшей мере, сохранить нейтралитет.

– Мог бы, – согласился он, и голос его прозвучал безрадостно. – Но даже если отбросить в сторону такое понятие, как честь, – разве этим я не подпишу им приговор? Думаешь, с ними случилось бы то же самое, если бы победили англичане?

– Они не победят, – ответила я резковато.

Джейми бросил на меня тяжелый взгляд.

– Я верю тебе, – ответил он так же резко. – У меня есть причины тебе верить, ай?

Я кивнула, и мои губы сами собой сжались в полоску. Я не хотела говорить с ним о предыдущем восстании. О грядущем мне говорить тоже не хотелось, но выбора у нас особенно не было.

– Я не знаю, – сказала я и глубоко вздохнула. – Нельзя ничего сказать с точностью, пока этого не случилось... Но если ты просишь меня предположить, то, думаю, с британцами у них было бы больше шансов. – Я сочувственно улыбнулась ему. – Веришь или нет, Британская империя в общем и целом сумела – или, лучше сказать, сумеет – управлять своими колониями, не истребляя в них местное население так безжалостно.

– За исключением шотландских горцев, – отозвался он сухо. – Ай, я верю твоим словам, саксоночка.

Он поднялся и провел руками по волосам. Я успела заметить узкую белую полоску, бегущую под затылком, – след от пули.

– Тебе стоит поговорить об этом с Роджером. Он знает гораздо больше моего.

Он кивнул, но не стал отвечать, не считая легкой гримасы.

– Раз уж мы заговорили о Роджере, куда, как ты думаешь, они с Бри отправились?

– Думаю, к Макгилливреям, – ответил он, несколько удивленно. – Забрать маленького Джема.

– Откуда ты знаешь? – спросила я, тоже удивляясь.

– Когда кругом творится какая-то чертовщина, мужчина хочет, чтобы вся семья была рядом, под присмотром, понимаешь? – Он приподнял бровь, глядя на меня, потом потянулся на верхушку шкафа и взял в руки меч. Джейми наполовину вынул лезвие из ножен, затем вставил обратно не до конца, и аккуратно положил на место, повернув рукоять так, чтобы можно было легко до нее дотянуться. Он взял с собой в спальню заряженный пистолет, который теперь лежал на умывальнике рядом с окном. Винтовка и охотничье ружье тоже были заряжены и висели на своих крючках над очагом внизу. И наконец, иронически замахнувшись, Джейми вытащил из ножен на поясе кинжал и ловко сунул под подушку.

– Иногда я забываю, – протянула я с ностальгией, наблюдая за ним. – В нашу первую брачную ночь под подушкой тоже лежал кинжал – и под многими другими подушками с тех пор.

– Правда? – Он улыбнулся на замечание, немного криво, но все же улыбнулся.

– А ты нет? Никогда?

Он покачал головой, по-прежнему улыбаясь, и горькая складка залегла у его губ.

– Иногда мне хотелось бы забыть.

Наша беседа была прервана булькающим храпом из комнаты напротив, за которым последовал шелест постельного белья, громкие проклятия и тяжелое «бум», когда нечто – вероятно ботинок – ударилось о стену.

– Чертов кот! – заорал майор Макдональд.

Я сидела, прижав руку ко рту, пока босые ноги майора тяжело шлепали по доскам пола. За этим последовал звук резко открываемой двери, которая тут же с грохотом захлопнулась. Джейми, как и я, на секунду замер посреди комнаты. Теперь он очень тихо двинулся и осторожно приоткрыл нашу собственную дверь. Адсо, с хвостом, согнутым в высокомерную «S», невозмутимо зашел внутрь. Царственно игнорируя нас, кот пересек комнату, легко запрыгнул на умывальник, уселся прямо в тазу и начал спокойно вылизывать яйца.

– Я однажды видел в Париже человека, который мог такое вытворять, – заметил Джейми, с интересом наблюдая за выступлением кота.

– А что, есть люди, которые готовы за такое платить? – Я полагала, что едва ли кто-то стал бы заниматься этим на публике для развлечения. Не в Париже уж точно.

– Э-э, ну, платили не совсем ему. Скорее его спутнице – она была не менее гибкой. – Джейми ухмыльнулся, и его глаза блеснули синим в свете свечи. – Все равно что наблюдать, как спариваются черви, м?

– Как увлекательно, – пробормотала я. Я бросила взгляд на умывальник, где Адсо теперь занимался еще более непристойными органами. – Тебе повезло, что майор спит невооруженным, кот. Он мог пристрелить тебя, как зайца на рагу.

– О, сомневаюсь. Наш Дональд скорее всего спит с ножом – но ему хорошо известно, откуда дует ветер. Вот если бы ты отказалась кормить его завтраком, тут бы он твоего кота и проткнул.

Я посмотрела в сторону двери. Возня и приглушенные проклятия по ту сторону холла утихли, майор, будучи старым солдатом, был уже на пути в сонное царство.

– Надеюсь, что нет. Ты был прав, когда говорил, что он будет искать себе теплое местечко при новом губернаторе. Это и есть реальная причина интереса к твоим успехам на поприще политики, я так понимаю?

Джейми кивнул, но, похоже, совершенно утратил интерес к обсуждению махинаций старины майора.

– Так я был прав, говоришь? Значит, с тебя неустойка, саксоночка.

Он посмотрел на меня с лукавым огоньком в глазах. Джейми явно что-то задумал, осталось только надеяться, что его план не был вдохновлен воспоминаниями о парижанах и их сходстве с червями.

– О? – неуверенно отозвалась я. – И, эээ, какая именно?

– Ну, я пока не обдумал все детально, но думаю, для начала ты могла бы лечь в кровать.

Такой зачин показался мне весьма благоразумным. Я взбила подушки в изголовье кровати – замешкавшись, чтобы убрать оттуда кинжал, – и уже готова была взобраться на нее, однако остановилась снова, чтобы подкрутить кроватный ключ²⁷. Я затянула веревки, поддерживающие матрас, настолько сильно, что кровать заскрипела, а сами они зазвенели от натяжения.

– Очень умно, саксоночка, – сказал Джейми у меня за спиной, голос его звучал весело.

– Опыт, – сообщила я ему, забираясь в постель на четвереньках. – Слишком часто после ночи с тобой я просыпалась с матрасом, завернутым вокруг моих ушей и задницей в паре сантиметров от пола.

– О, я полагаю, твоя попа сегодня окажется несколько выше, – заверил Джейми.

– Мм-м, хочешь, чтобы я была сверху? – Я испытывала в связи с этой перспективой смешанные чувства. Хотя мне нравилась поза наездницы, сейчас я ощущала ужасную усталость, и к тому же я провела больше десяти часов верхом на настоящей лошади – мышцы бедер, необходимые для обоих видов езды, дрожали от перенапряжения.

– Может, позже, – сказал он, задумчиво прищурившись. – Ложись на спину, саксоночка, и подбери свою рубашку повыше. Теперь раскинь для меня ноги. Хорошая девочка. Еще чуть шире, ай?

Джейми подчеркнуто неторопливо начал снимать с себя рубашку. Я вздохнула и чуть передвинула бедра, пытаясь устроиться так, чтобы у меня ничего не свело, если придется лежать в одной позе долго.

– Если ты задумал то, что я думаю, то ты об этом крупно пожалеешь. Я даже не помылась по-человечески, – сообщила я с неодобрением. – Я жутко грязная и пахну, как лошадь.

Уже обнаженный, он поднял одну руку и задумчиво принялся.

– Да? Ну, я тоже. Это неважно, мне нравятся лошади.

Он отбросил всякие дальнейшие предлоги и игривую неспешность и, остановившись лишь проверить свою собственную готовность, осмотрел меня с одобрением.

– Ай, очень хорошо. А теперь подними-ка ручки за голову и схватись за изголовье кровати...

– Ты этого не сделаешь! – возмутилась я и тут же понизила голос, невольно поглядев в сторону двери. – Только не с Макдональдом в соседней комнате.

– О, еще как сделаю, – заверил он. – Черт с ним, с майором, даже будь там еще дюжина таких. – Однако он остановился, внимательно посмотрел на меня и, спустя мгновение, вздохнул и покачал головой.

– Нет, – сказал Джейми затем очень спокойно. – Не сегодня. Ты все еще думаешь об этом голландском ублюдке и его семье, так ведь?

– Да. А ты нет?

Снова тяжело вздохнув, он сел рядом со мной.

– Я очень старался не думать, – ответил он прямо. – Но свежим мертвецам не ложится спокойно в их могилах, да?

Я положила ладонь ему на плечо, испытывала облегчение от того, что он чувствовал то же самое, что и я. Ночной воздух казался беспокойным, полным призраков, и я ощутила щемящую тоску, которой веяло от опустошенного садика и от ряда сырых могил. Этот ветер дул насквозь

²⁷ Специальный гаечный ключ для регулировки гаек, болтов и веревок, закрепляющих матрас на остовах кроватей.

через все тревоги и события вечера. Сегодняшней ночью нужно было быть в безопасности, в четырех стенах, рядом с горящим очагом и в компании близких людей. Дом чуть дрогнул, ставни заскрипели на ветру.

– Я хочу тебя, Клэр, – мягко сказал Джейми. – Мне это нужно... если ты позволишь?

Я невольно задалась вопросом, так ли те люди провели последнюю ночь перед смертью? В мире и уюте собственного дома? Муж с женой перешептываются, лежа рядом в постели, и не знают, что готовит им будущее. Я вспомнила, как на секунду, когда подул ветер, мне открылись ее длинные белые бедра, мелкие завитки между ними и выступ под нимбом каштановых волос – бледный, как резной мрамор, запечатанный посередине, словно передо мной была статуя.

– Я тоже тебя хочу, – ответила я так же мягко. – Иди сюда.

Джейми наклонился ко мне и потянул шнурок, который стягивал горловину ночной рубашки, изношенный лен послушно заскользил по плечам. Я схватила спадающую ткань, но он поймал мою руку и опустил ее. Одним пальцем он сдвинул рубашку еще ниже, потом задул свечу, и в темноте, которая пахла воском, медом и лошадиным потом, он стал целовать мой лоб, глаза, скулы, губы и подбородок, и так продолжал – медленно и нежно – до самых стоп. Затем он поднялся, чтобы надолго припасть к моей груди. Я провела рукой ему по спине и накрыла ладонями ягодичы, обнаженные и беззащитные во тьме комнаты.

Когда все закончилось, мы долго лежали в кровати, сплетясь в уютный клубок, как червяки. Единственным светом в комнате было мерцание от притушенного очага. Я так устала, что буквально ощущала, как мое тело утопает в матрасе и не хотела ничего, кроме как тонуть все глубже и глубже – в зовущую темноту забытья.

– Саксоночка?

– М?

После секундного замешательства его рука нашла мою, и наши пальцы сплелись.

– Ты ведь не сделала бы того, что сделала она?

– Кто?

– Она. Голландка.

Выдернутая из блаженной дремы, я пребывала в некоторой прострации, так что даже образ мертвой женщины, накрытой фартуком, казался нереальным, не более тревожным, чем фрагменты реальности, которые мой сбитый с толку мозг выбрасывал за борт в тщетных попытках удержаться на плаву, пока все мое существо погружалось в пучину сновидений.

– Что? Упала бы в огонь? Постараюсь не падать – пообещала я. – Спокойной ночи.

– Нет. Проснись. – Он легонько потряс меня за руку. – Поговори со мной, саксоночка.

– Мм. – Приложив немалые усилия, я вырвалась из крепких объятий Морфея и повернулась на бок, лицом к Джейми. – Мм. Поговорить с тобой. О... ?

– О голландке, – терпеливо повторил он. – Если бы меня убили, ты не пошла бы убивать всю свою семью?

– Что? – Я потерла глаза свободной рукой, пытаюсь уловить в его словах, эхом отражающихся в обрывках сна, хоть какой-то смысл. – Чью семью... О. Ты думаешь, она сделала это намеренно? Отравила их?

– Может быть и так.

Последние слова он сказал шепотом, совсем тихо, но они вернули меня в сознание. Несколько мгновений я лежала неподвижно, потом протянула руку, желая убедиться, что он действительно рядом. И он был. Большой и надежный, гладкий сустав бедра у меня под пальцами излучал тепло и силу.

– Это ведь мог быть и несчастный случай, – сказала я неожиданно тонким голосом. – Ты не знаешь наверняка.

– Нет, – признал он. – Но я постоянно это вижу. – Он раздраженно повернулся на спину. – Пришли мужчины, – начал он, обращаясь к потолочным балкам. – Он стал драться с ними,

и они убили его на пороге собственного дома. Когда она увидела, что ее мужчина мертв, то, думаю, она сказала чужакам, что сперва, перед тем... ей нужно покормить ребятишек. Тогда она положила поганки в похлебку и дала ее детям и матери. Они забрали с собой еще двоих из тех, кто пришел, но думаю, это была случайность. Она просто хотела отправиться за ним следом. Не могла оставить его там одного.

Я хотела сказать Джейми, что это очень драматическая интерпретация возможных событий. Но я не могла с уверенностью утверждать, что он был не прав. Услышав то, что он видел лишь в своем воображении, я, увы, тоже смогла увидеть это все слишком живо.

– Ты не знаешь, – мягко сказала я наконец. – Не можешь знать.

«Только если не найдешь тех, других», – подумала я внезапно, но вслух этого не сказала.

Потом мы оба помолчали немного. Я точно знала, что он все еще размышляет о случившемся, но дрема снова обволакивала меня и тянула на дно, как трясина, цепкая и соблазнительная.

– Что, если я не смогу защитить тебя? – прошептал он наконец. Джейми медленно повернул голову на подушке, поворачиваясь ко мне. – Тебя и всех остальных? Я буду пытаться сделать это всеми силами, саксоночка, и готов умереть, делая это, но что, если я умру слишком рано, умру и проиграю битву?

Что можно ответить на это?

– Этого не случится, – прошептала я в ответ.

Он вздохнул и наклонил голову так, что наши лбы соприкоснулись. Я ощутила запах виски и яиц в его дыхании.

– Я постараюсь тебя не подвести, – сказал он. Я накрыла его мягкие губы своими, и поцелуй стал для нас обоих поддержкой и утешением в темноте ночи.

Я положила голову ему на плечо, обвила его предплечье рукой и вдохнула запах кожи – соль и дым, как если бы его коптили на костре.

– Ты пахнешь, как копченая ветчина, – пробормотала я.

В ответ он издал низкий смешок и положил руку на привычное место – между моих бедер. Тогда я наконец сдалась и позволила зыбучим пескам сна накрыть меня с головой. Возможно, он сказал это, когда я уже проваливалась в сон, а может, мне пригрезилось.

– Если я умру, – прошептал его голос в темноте, – не иди за мной. Ты нужна детям. Останься ради них. Я могу подождать.

Часть вторая Тени сгущаются

Глава 8 Жертва резни

*От Лорда Джона Грея
Мистеру Джеймсу Фрэзеру, эсквайру.
14 Апреля, 1773 года*

*Мой дорогой друг,
Я пишу тебе в добром здравии и надеюсь, что застал тебя и твоих близких в том же состоянии.*

Мой сын вернулся в Англию, чтобы завершить там образование. Он с упоением пишет об этом новом для него опыте (прилагаю копию его последнего письма) и заверяет меня в своем полнейшем благополучии. Что важнее, моя матушка тоже уверяет меня, что он всячески процветает, хотя я предполагаю – скорее из ее недомолвок, – что он привнес стихию смятения и хаоса в привычный уклад.

Я в свою очередь должен сознаться, что ощущаю нехватку вышеупомянутой стихии в своем хозяйстве. Ты был бы удивлен, если бы увидел, какой размеренной и упорядоченной жизнью я теперь живу. Все же этот покой мне в тягость, и хотя физически я совершенно здоров, я ощущаю, что дух мой угнетен. Боюсь, я отчаянно скучаю по Уильяму.

Дабы отвлечься от одиночества, с недавнего времени я придумал новое занятие – виноделие. Вынужден признать, что результаты уступают успехам твоей винокурни, и все же тешу себя надеждой, что хотя сейчас пить это совершенно невозможно, постояв пару лет, мой напиток может стать годным к употреблению. Ближе к концу месяца вышлю тебе дюжину бутылок вместе с моим новым слугой, мистером Хиггинсом, чья история должна показаться тебе весьма занятной.

Возможно, ты слышал что-нибудь о постыдном скандале, произошедшем в Бостоне тремя годами ранее, в марте. В газетах и листовках мне часто встречается слово «резня», которое я, будучи посвященным в дело, считаю абсолютно безответственным и неточным.

Я не присутствовал лично, но беседовал со многими офицерами и солдатами, которые там были. Если они говорят правду, а я им верю, то взгляд на события, представленный в бостонской прессе, просто чудовищен.

Бостон во всех отношениях настоящий рассадник республиканских настроений, а так называемые «маршевые общества»²⁸, которые толпами собираются на улице при любой погоде, – не более чем предлог для сборищ бандитов, чья главная забава – досаждать расквартированным здесь войскам.

По словам Хиггинса, из страха перед этими бандитами мужчины в мундирах не рискуют выходить на улицу поодиночке. Даже когда солдаты превосходят их числом, мятежные настроения среди людей вскорости заставляют их ретироваться назад в казармы, если только воинский долг не вынуждает к действиям.

²⁸ *Маршевые* (марширующие) общества – группы граждан в предреволюционной Америке, которые выходили маршем на улицы выражать недовольство политической обстановкой.

Однажды вечером патруль из пяти солдат оказался буквально в западне. Их не только оскорбляли выражениями самого гнусного свойства, но швыряли в них камни, куски земли и навоза и разный другой мусор. Возбуждение и ажитация в толпе достигли такого уровня, что мужчины испугались за свою жизнь и достали оружие в надежде сбить спесь с мерзавцев и остановить такие настойчивые проявления внимания. Однако это решение спровоцировало прямо противоположный эффект – толпа пришла в ярость, и в какой-то момент выстрелило ружье. Теперь никто уже не может сказать, был ли то выстрел из толпы или стреляли солдаты, не говоря уже о том, было ли это сделано намеренно или случайно. События, вызванные этим происшествием, однако... что ж, в таких вопросах у тебя достаточно много опыта, чтобы представить неразбериху, начавшуюся следом.

В итоге пятеро из толпы оказались убиты, а солдаты, хотя и были основательно потрепаны, выбрались живыми – лишь затем, чтобы стать козлами отпущения в дешевых статейках, которые на следующий день начеркали лидеры «маршевых обществ». Написаны они таким образом, чтобы представить случившееся как беспричинное и жестокое избиение невинных – вместо самообороны от толпы, распаленной алкоголем и громкими лозунгами.

Признаюсь, что мои симпатии на стороне солдат – уверен, об этом ты и сам уже догадался. Их привели в суд, где судья признал троих невиновными, однако, очевидно, лично для него было опасно освободить всех пятерых.

Хиггинс вместе с товарищем были обвинены в убийстве, но он испросил помилования по привилегии духовенства²⁹, и его отпустили, заклеив. Бедолагу, конечно, уволили из армии, он оказался предметом всеобщих насмешек, остался без всяких средств к существованию, так что положение его было бедственным. Он рассказывал мне, что вскоре после освобождения его избили в таверне, и от полученных травм он ослеп на один глаз, да и в целом после случившегося его жизнь не единожды подвергалась смертельной опасности. В поисках безопасности он нанялся матросом на шлюп под командованием моего друга, капитана Гилла. Я видел Хиггинса за этим занятием и уверяю тебя, что матрос из него никудышный.

Такое состояние дел вскоре стало известно капитану Гиллу, и он отказался от услуг Хиггинса в первом же порту. Я был в городе по делам и случайно встретил капитана, который поведал мне об отчаянном положении Хиггинса.

Я решил разыскать парня, ощутив сочувствие к солдату, который честно выполнял свой долг и теперь должен страдать за свою преданность. Я обнаружил, что он человек неглупый, покладистого нрава, и нанял на службу, которую он несет с величайшей преданностью.

Я отослал его к вам вместе с вином в надежде, что твоя супруга будет так добра и осмотрит его. Местный врач, доктор Потс, сказал, что глаз нельзя вылечить, и это, разумеется, может быть правдой. Как бы там ни было, испытав на себе умения твоей жены, я надеюсь, что она сможет найти средства для других травм Хиггинса. Доктор Потс едва ли оказался полезен в этом отношении. Прошу тебя, скажи ей, что я ее покорный слуга и остаюсь в неоплатном долгу перед ее умениями и добротой. Шлю самые теплые пожелания твоей дочери, которой я отправил небольшой подарок вместе с вином. Я надеюсь, что ее муж не примет мой жест за оскорбление, приняв во внимание мое долгое знакомство с вашей семьей, и позволит принять его.

Всегда твой покорный слуга,
Джон Грей

²⁹ Духовные лица, приговоренные к смертной казни, могли просить помилование по привилегии духовенства. Считалось, что они не подчинены светским властям. Лазейка предоставляла возможность избежать казни, прочитав определенный псалом. Со временем принадлежность к духовенству стала проверяться лишь способностью его прочесть, что открыло двери к помилованию для мирян. Казнь при этом заменялась менее тяжким наказанием. В Америке привилегия потеряла силу в 1779 году.

Глава 9

На пороге войны

Апрель 1773 года

Роберт Хиггинс оказался стройным молодым мужчиной, таким худым, что казалось, его скелет удерживается только одеждой, и таким бледным, что было легко вообразить, будто смотришь сквозь него. При этом природа наградила его большими и честными голубыми глазами и копной выющихся темно-русых волос, держался он очень скромно. Все вышеперечисленное вызвало материнские чувства у миссис Баг, и она взяла его под свое крыло, выказав твердое намерение «откормить его как следует» до отъезда назад в Вирджинию.

Мне и самой нравился мистер Хиггинс. Он оказался славным, покладистым пареньком с мягким дорсетским акцентом. Временами я размышляла, была ли доброта лорда Джона Грея по отношению к нему так уж бескорыстна.

После совместно перенесенной кори несколько лет назад и из-за его дружбы с Брианной, возникшей, когда Роджера взяли в заложники индейцы-ирокезы, я невольно прониклась к нему теплыми чувствами. Однако я ни на минуту не забывала о том, что лорду Грею нравились мужчины – в особенности Джейми, хотя, безусловно, и другие тоже.

– Бичем, – сказала я сама себе, раскладывая корни триллиума для просушки, – до чего же ты подозрительная.

– Ай, такая и есть, – раздался голос позади меня, звучал он очень довольно. – Кого и в чем ты подозреваешь?

Я дернулась от неожиданности, и триллиум полетел в разные стороны.

– Ох, это ты, – сердито сказала я. – Зачем, скажи на милость, ты так подкрадываешься ко мне?

– Практикуюсь, – ответил Джейми, целуя меня в лоб. – Не хотелось бы потерять навыки слежки. Почему ты разговариваешь сама с собой?

– Потому что уверена, что найду благодарного слушателя, – ответила я ворчливо, и он засмеялся, одновременно наклоняясь, чтобы помочь собрать корешки с пола.

– Кого ты подозреваешь, саксоночка?

Я замялась, но не смогла выдать ничего, кроме правды.

– Я размышляла, не уложил ли Джон Грей нашего мистера Хиггинса в свою постель, – сказала я напрямик. – Или нет ли у него такого намерения.

Он слегка моргнул, но не выглядел шокированным – это значило, что он и сам мог рассматривать подобную возможность.

– Почему это пришло тебе в голову?

– Во-первых, он очень красивый молодой человек, – сказала я, забирая у него охапку кореньев и аккуратно раскладывая их на куске марли. – А во-вторых, у него худший случай геморроя из тех, что мне приходилось видеть у мужчин его возраста.

– Он позволил тебе его осмотреть? – Джейми покраснел от упоминания гомосексуальных связей: ему не нравилось, когда я была такой прямолинейной – но ведь в этот раз он сам спросил.

– Ну, потребовалось его немного поугаваривать, – ответила я. – Он с готовностью рассказал мне о проблеме, но не был воодушевлен перспективой осмотра.

– Я бы тоже не был воодушевлен, – заверил меня Джейми. – А я женат на тебе. Почему кому-то вообще может захотеться на такое смотреть, если только не из нездорового любопыт-

ства? – Он бросил опасливый взгляд на мою большую черную тетрадь для записей, открытую на столе. – Ты же не зарисовала там задний проход бедолаги Бобби Хиггинса, я надеюсь?

– Нет нужды. Не могу представить себе врача, который бы не знал, как выглядит геморрой. Даже древние иудеи и египтяне страдали от этого недуга.

– Правда?

– Это есть в Библии. Спроси мистера Кристи, – посоветовала я.

Он искоса посмотрел на меня.

– Ты обсуждала Библию с Томом Кристи? Ты смелее меня, саксоночка.

Кристи был крайне набожным пресвитерианином. Величайшей радостью для него было вылить кому-нибудь на голову ушат Священного Писания.

– Не я. Герман спросил меня на прошлой неделе, какие такие «наросты» были у филистимлян.

– И какие же?

– Геморроидальные. «И сказали они: какую жертву повинности должны мы принести Ему? Те сказали: по числу владельцев Филистимских пять наростов золотых и пять мышей золотых»³⁰, – процитировала я. – Или что-то вроде того. Точнее я по памяти не повторю. Мистер Кристи заставил Германа выписывать строки из Библии в качестве наказания, и мальчик с его пытливым умом заинтересовался, что же такое он пишет.

– И он, конечно, не стал спрашивать мистера Кристи. – Джейми нахмурился и потер переносицу. – Мне стоит знать, что натворил Герман?

– Что-то мне подсказывает, что нет.

Том Кристи работал местным учителем в счет ренты за землю, и ему неплохо удавалось поддерживать дисциплину. На мой взгляд, имея в учениках Германа Фрэзера, он с лихвой отработывал всю сумму.

– Золотые наросты, – пробормотал Джейми со слегка мечтательным видом. – А это мысль.

Такой вид обычно предшествовал появлению очередной ужасающей идеи, способной повлечь за собой тяжкие телесные повреждения, смерть или пожизненное заключение. Меня это несколько встревожило, но на что бы ни вдохновили его золотые наросты, он пока что оставил эту идею, вдруг тряхнув головой.

– Что ж, ладно. Мы, кажется, говорили о заднице Бобби?

– А, да. Так вот, причина, по которой я хотела взглянуть на наросты мистера Хиггинса, – сказала я, возвращаясь к предыдущей теме разговора, – заключается в том, что мне нужно было выбрать тип лечения. Я пыталась понять, нужно ли их удалять.

Брови Джейми поползли вверх.

– Удалять? Как? Твоим маленьким ножичком? – Он взглянул на чемоданчик, где я хранила свои хирургические инструменты, и с отвращением передернул плечами.

– Я могла бы это сделать, да. Хотя, надо полагать, без анестезии процедура будет очень болезненной. Есть более простой метод, который только входил в широкую практику, когда я... ушла.

На краткий миг я почувствовала укол острой тоски по госпиталю. Я живо ощутила запах дезинфектора, услышала бормотание и топот медсестер и санитаров, коснулась глянце-вых обложек медицинских журналов, распухающих от обилия информации. А потом все это исчезло, и мне осталось лишь размышлять, что предпочтительнее – пиявки или нить – по части достижения идеального анального здоровья мистера Хиггинса.

– Доктор Роулингс советует пиявок, – пояснила я. – Штук двадцать или тридцать в серьезных случаях.

³⁰ 1 Цар.6:4.

Джейми кивнул: такая идея не вызывала у него особого удивления. Разумеется: ведь его самого несколько раз лечили пиявками, и он уверял меня, что это совсем не больно.

– Но, кажется, у тебя их почти не осталось. Мне собрать парнишек и устроить охоту?

Ничто не обрадовало бы Джейми и Германа сильнее, чем поход с дедом на болото, из которого можно вернуться назад по уши в грязи и гирляндах из пиявок, но я покачала головой.

– Нет. То есть да, – уточнила я. – Если тебе не трудно. Но они не нужны мне срочно. Использование пиявок временно улучшит ситуацию, но у Бобби еще и тромбоз – сгустки засохшей крови в венах. Так что я думаю, будет лучше, если я удалю их целиком. Можно было бы наложить лигатуру – завязать нитку очень туго вокруг каждого узла. Это лишит их притока крови, и со временем они засохнут и сами отпадут. Очень аккуратно.

– Очень аккуратно, – эхом отозвался Джейми. Взгляд у него был неодобрительный. – Ты раньше делала такое?

– Да, один или два раза.

– Хм. – Он поджал губы, очевидно представив себе процесс. – Как... эм, я имею в виду... думаешь, он сможет испражняться, пока это происходит? Это ведь займет какое-то время...

Я нахмурилась, барабанила пальцем по крышке стола.

– Его основная проблема в том, что он не испражняется, – сказала я. – То есть испражняется, конечно, но недостаточно часто и стул у него неправильной консистенции. Ужасная диета, – добавила я, обвинительно тыкая в Джейми пальцем. – Он рассказал мне. Хлеб, мясо и эль. Ни фруктов, ни овощей. Запоры, без сомнения, бич британской армии. Меня не удивит, если у них всех до одного узлы свисают из задниц, как гроздь винограда.

Джейми кивнул, приподняв одну бровь.

– Многие вещи меня в тебе восхищают, саксоночка, но особенно твоя деликатная манера выражаться. – Он кашлянул и посмотрел в сторону. – Но если ты говоришь, что запоры вызывают геморрой...

– Так и есть.

– Хорошо. Просто... То, что ты говорила о Джоне Грее... Я имею в виду, состояние задницы Бобби может иметь отношение к... хм.

– О! Нет, не напрямую. – Я замолкла на секунду. – Мое предположение основывалось на том, что лорд Джон сказал в письме: он надеется – как он выразился? – что я могу найти средства для других травм Хиггинса. То есть, конечно, он мог знать о проблемах Бобби и без... эээ... скажем так, личного осмотра. Но, как я уже сказала, геморрой настолько распространенный недуг... Почему это могло обеспокоить его до такой степени, чтобы просить меня о помощи, если только не по той причине, что узлы затрудняли его... эээ... собственное продвижение.

Лицо Джейми вернулось было к своему нормальному цвету на время беседы о пиявках и запорах, но теперь снова стало пунцовым.

– Его...

– Я хочу сказать, – сказала я, складывая руки под грудью, – мне немного не по себе оттого... что он прислал мистера Хиггинса ко мне... вроде как для ремонта, понимаешь?

Все это время я страдала от зудящего чувства дискомфорта, вызванного Бобби Хиггинсом и его многострадальной задницей, но до сих пор не облакала свои ощущения в слова. Теперь же, когда я это сделала, то наконец осознала, что именно не давало мне покоя.

– Мысль о том, что я должна подлатать бедного Бобби, а затем отправить его назад для... – Я сжала губы и резко повернулась назад, к своим корешкам, принявшись бесцельно их перебирать.

– Мне это не нравится, – сказала я, обращаясь к двери шкафа. – Конечно, я сделаю для мистера Хиггинса все, что в моих силах. У Бобби Хиггинса перспектив негусто: несомненно,

он сделает все... что потребует его светлость. Хотя, возможно, я не права на его счет. Насчет лорда Джона.

– Возможно.

Я обернулась и обнаружила Джейми сидящим на моем стуле, он вертел в руках баночку с гусиным жиром, которая, казалось, целиком завладела его вниманием.

– Что ж, – неуверенно начала я. – Ты знаешь его лучше. Если ты считаешь, что он не... – Я прервалась на полуслове. Снаружи донесся мягкий звук удара – еловая шишка упала на крышу сарая.

– Я знаю о Джоне Грее больше, чем мне хотелось бы, – сказал Джейми наконец и посмотрел на меня с горькой усмешкой. – И он знает обо мне гораздо больше, чем стоило бы. – Джейми наклонился вперед, поставил баночку на стол и снова посмотрел на меня. – Но одно мне известно совершенно точно. Джон человек чести. Он ни за что не стал бы использовать в своих целях Хиггинса или любого другого человека, находящегося под его протекцией.

Слова Джейми звучали убедительно, и я успокоилась. Мне нравился Джон Грей. И все же... Регулярно, как по часам, приходящие от него письма приводили меня в некоторое смещение, как далекие раскаты грома. В самих письмах не было ничего тревожного или подозрительного: они были похожи на автора – умные, ироничные и искренние. И, конечно, у него были причины поддерживать переписку. Не одна причина.

– Ты же знаешь, он все еще любит тебя, – сказала я тихо.

Он кивнул, но не посмотрел в мою сторону, его взгляд был устремлен куда-то в пустоту за деревьями у двери.

– Ты бы предпочел, чтобы это было не так?

Спустя пару секунд, Джейми снова кивнул. В этот раз он повернулся, чтобы посмотреть на меня.

– Да, предпочел бы. Ради себя самого. И ради него, конечно. Но ради Уильяма? – Он с сомнением покачал головой.

– О, быть может, он и принял Уильяма из-за тебя, – сказала я, облокотившись на стол. – Я видела их вместе, не забывай. Не сомневаюсь, теперь он любит Вилли из-за него самого.

– Нет, я и сам не сомневаюсь.

Джейми поднялся, беспокойный, и начал отряхивать несуществующую пыль со складок килта. Лицо выглядело закрытым, он смотрел на что-то внутри себя, на то, чем не желал делиться со мной.

– Думаешь... – начала я, но остановилась, когда он поднял взгляд на меня. – Нет, это неважно.

– Что? – Он склонил голову набок, глаза его сузились.

– Ничего.

Джейми не двинулся с места, но взгляд его сделался настойчивее.

– Я по твоему лицу вижу, что это не так, саксоночка. Что?

Я глубоко вдохнула через нос и крепче вцепилась в собственный фартук.

– Это... Я уверена, что это не так, просто пришло в голову...

Джейми издал низкий типично шотландский звук, означающий, что лучше мне прекратить ходить вокруг да около. Я достаточно хорошо знала его, чтобы понимать – он не оставит меня в покое, пока я не сознаюсь, в чем дело. Поэтому я выпалила:

– Ты никогда не думал о том, что лорд Джон мог взять его, потому что... ну, ведь Вильям ужасно похож на тебя, и, очевидно, был похож с ранних лет. И раз лорд Джон находит тебя... физически привлекательным...

Слова оборвались сами собой, и мне захотелось перерезать себе глотку за то, что я посмела их произнести, когда увидела выражение его лица.

Джейми на мгновение закрыл глаза, чтобы не видеть меня. Кулаки сжались с такой силой, что на руках – от костяшек пальцев до предплечья – вздулись вены. Потом он очень медленно разжал ладони и открыл глаза.

– Нет, – сказал он с непоколебимой уверенностью в голосе. Он прямо и жестко посмотрел на меня. – И я говорю так не потому, что мне непереносима мысль об этом. Я знаю.

– Конечно, – поспешно согласилась я, торопясь оставить эту тему.

– Я знаю, – повторил он еще жестче. Два его покалеченных пальца нервно стукнули один раз по ноге и замерли. – Я тоже думал об этом. Когда он впервые объявил мне, что намерен жениться на Изабель Дансени.

Он отвернулся и стал смотреть в окно. По палисаднику бродил Адсо и пытался поймать что-то в траве.

– Я предложил ему собственное тело, – резко сказал Джейми, не оборачиваясь. Голос его звучал ровно, но по тому, как были напряжены плечи, я понимала, что слова даются ему нелегко. – В благодарность, сказал я. Но это было... – Он странно передернул плечами, как будто пытаюсь освободиться от невидимых пут. – Видишь ли, мне нужно было узнать наверняка, что он за человек. Что за человек возьмет моего сына, чтобы растить его как своего собственного.

Его голос слегка дрогнул, когда он произносил «возьмет моего сына», и я инстинктивно двинулась к нему, желая прикрыть рану, что сквозила за этими словами. Джейми был будто деревянный, когда я коснулась его, – он не желал, чтобы его обнимали. Однако взял мою ладонь в свою и сжал ее.

– Ты думаешь... что готов рассказать?

Я не была шокирована: Джон Грей говорил мне об этом предложении годы тому назад, еще на Ямайке. Однако, думаю, он не понял, в чем был его истинный смысл.

Рука Джейми сжалась на моей, и он провел большим пальцем по моему, легонько поглаживая ноготь. Он посмотрел на меня, и я ощутила, как глаза исследуют мое лицо – не вопросительно, а так, как бывает, когда люди по-новому видят нечто давно знакомое. Глаза вдруг узнают то, что долгое время было известно только сердцу. Он поднял вторую руку и провел по линии бровей, два пальца на мгновение замерли на моей скуле, затем он запустил холодную ладонь в теплую копну моих волос.

– Невозможно быть так близко друг к другу, – наконец сказал он, – быть друг у друга внутри, чувствовать запах пота, касаться волос на теле – и не видеть души. Даже если ты сможешь... – Он замялся, и я задумалась о том, кто сейчас пришел ему в голову – Черный Джек Рендалл или Лаогера, женщина, на которой он женился, думая, что меня нет в живых. – Что ж, это страшно само по себе, – закончил он мягко и уронил руку.

Между нами повисла тишина. Внезапно снаружи послышался шелест травы: Адсо совершил резкий прыжок и исчез из вида, пересмешник принялся беспокойно кричать с большой красной сосны. В кухне что-то со звоном упало на пол, а затем до нас донеслось ритмичное шуршание метлы. Все это были домашние звуки, звуки жизни, которую мы создали.

Делала ли это когда-нибудь? Ложилась ли с мужчиной, не видя ни частички его души? Да, и он был прав. По спине пробежал холодок, и волосы на коже беззвучно встали дыбом.

Он вздохнул, и вздох этот, казалось, шел от самых стоп, а затем пригладил убранные в косичку волосы.

– Но Джон не стал этого делать. – Джейми выразительно взглянул на меня и криво усмехнулся. – Он сказал, что любит меня. Что если я не могу ответить ему взаимностью – а он знал, что я не могу, – то он не станет разменивать настоящую монету на фальшивку.

Он встряхнулся, как собака, выходящая из воды.

– Нет. Человек, который сказал такое, не может оказаться тем, кто насилует ребенка из-за симпатичных голубых глаз его отца. Это я могу сказать тебе наверняка, саксоночка.

– Нет, – эхом отозвалась я. – Скажи мне... – Я запнулась, и он поглядел на меня, приподняв одну бровь. – Если... Если бы он... Принял твое предложение... и... Ты бы обнаружил... – Я искала подходящие слова. – Не таким, эээ, достойным человеком, как ты надеялся...

– Я сломал бы его шею прямо там, у озера, – ответил он. – Не имело бы значения, повесят меня или нет: я не дал бы ему забрать мальчика. – Но он оказался не таким, и я позволил, – добавил он, чуть пожав плечами. – Так что, если молодой Бобби и ложится в постель к его светлости, думаю, он делает это по доброй воле.

Ни один человек не способен показать себя с лучшей стороны, когда кто-то держит его за задницу. Я замечала это прежде, и Роберт Хиггинс не стал исключением из правил.

– Больно почти не будет, – сказала я насколько возможно утешительно. – Тебе только нужно стоять смирно.

– О, я постараюсь, мэм, я справлюсь, – горячо заверил меня он.

Бобби был в одной рубашке. Он стоял на хирургическом столе на четвереньках, так чтобы пораженная зона была на уровне моих глаз. Щипцы и нити для лигатуры были разложены на столике справа от меня, рядом с миской свежих пиявок, приготовленных на всякий случай.

Он сдавленно пискнул, когда я приложила к его задку салфетку, смоченную скипидаром, чтобы хорошенько продезинфицировать место перед операцией, но Хиггинс сдержал слово и не дернулся.

– Мы добьемся отличного результата, – заверила я, беря в руку пару длинноносых щипцов. – Но если ты хочешь, чтобы он сохранился, то придется серьезно изменить рацион. Ты меня понял?

Он судорожно выдохнул, когда я взяла один из узлов и потянула на себя. Всего их было три, классическое расположение: на девять, два и пять часов. Они были вспухшие, как малина, и примерно такого же цвета.

– Ой! Д-да, мэм.

– Овсянка, – твердо сказала я, беря щипцы в левую руку и не ослабляя при этом хватку, чтобы взять правой иглу с вдетой в нее шелковой нитью. – Каша каждое утро, без всяких отговорок. Ты заметил изменения к лучшему в пищеварении с тех пор, как миссис Баг начала кормить тебя кашей на завтрак?

Я свободно обернула нитью основание узла, затем осторожно протолкнула иголку в петлю и туго ее затянула.

– Ах!.. Ох!.. О... говоря по правде, мэм, это как гадить кирпичами, завернутыми в ежину шкуру. Ничего не изменяется, что бы я ни ел.

– Что ж, изменится, – уверенно сказала я, закрепляя лигатуру узлом. Я отпустила узел, и он глубоко вздохнул. – Теперь, виноград. Ты ведь любишь виноград?

– Нет, мэм. У меня сводит зубы, когда я его кусаю.

– Правда? – Его зубы не выглядели гнилыми, но стоило осмотреть их еще раз – возможно, он страдал от цинги. – Что ж, мы попросим миссис Баг сделать для тебя пирог с изюмом – его ты сможешь есть без всяких проблем. У лорда Джона хороший повар? – Я прицелилась, снова взяв в руку щипцы, и зафиксировала следующий узел. Теперь уже привыкший к ощущениям, Бобби лишь тихонько крикнул.

– Да, мэм. Индеец, по имени Маноке.

– Хмм.

Повернуть, приподнять, затянуть, завязать.

– Я запишу рецепт пирога с изюмом, отнесешь ему. Он готовит ямс или бобы? Бобы в этом деле очень помогают.

– Думаю, да, мэм. Вот только его светлость...

Я оставила окна открытыми для проветривания: Бобби был не грязнее других, но и совершенно точно не чище – поэтому я услышала звуки с тропинки, что вела к дому: голоса и звон

упряжи. Бобби тоже их услышал и испуганно посмотрел в сторону окна, задняя часть его туловища напряглась, как будто он был кузнециком, который вот-вот спрыгнет со стола. Я было схватила его за ногу крепче, но потом передумала. Я не могла закрыть окно – только ставни, но мне нужен был свет.

– Вставай-ка и спускайся со стола, – сказала я ему, беря в руки полотенце. – Я пойду посмотрю, кто это.

Он с готовностью кинулся выполнять указания – слез со стола и торопливо схватил снятые брюки.

Я вышла на крыльцо как раз вовремя, чтобы поприветствовать двоих мужчин, которые вели мулов по последнему крутому подъему в наш двор. Это были Ричард Браун и его брат Лайонел из одноименного Браунсвилля. Я была удивлена их появлением. От Риджа до Браунсвилля было добрых три дня дороги, и между поселениями торговля шла не очень бойко. В противоположном направлении на примерно таком же расстоянии находился Салем, но жители Риджа ездили туда гораздо чаще. Переселенцы из графства Мари были отличными мастерами и торговцами: они брали мед, масло, соленую рыбу, шкуры в обмен на сыр, горшки, цыплят и прочую мелкую живность. Насколько я знала, обитатели Браунсвилля занимались разве что продажей дешевых товаров индейцам чероки да производством низкосортного пива, которое не стоило такого долгой дороги.

– Хорошего дня, хозяйка! – Ричард, старший и при этом более шуплый и низкий из братьев, коснулся тульи своей шляпы, но снимать не стал. – Твой муж дома?

– Он у сенника, чистит шкуры. – Я тщательно вытерла руки полотенцем, которое принесла с собой. – Проходите на кухню, я принесу вам сидра.

– Не беспокойся.

Без всяких дальнейших объяснений он развернулся и целенаправленно начал огибать дом. Лайонел Браун, который был чуть выше брата, но так же долговяз и нескладен, как он, коротко кивнул мне и пошел следом за Ричардом. Они оставили своих мулов во дворе со свободно висящими поводьями, очевидно, ожидая, что я ими займусь. Животные медленно разбредались в разные стороны, периодически останавливаясь, чтобы пожевать высокую траву, что росла возле тропинки.

– Хм! – сказала я, глядя вслед братьям Браун.

– Кто это такие? – спросил низкий голос за моей спиной. Бобби Хиггинс тоже вышел на улицу и теперь заглядывал за угол, щуря здоровый глаз. Бобби с подозрением относился к незнакомцам – и в этом не было ничего удивительно, учитывая его бостонские несчастья.

– Соседи, если можно так выразиться.

Я спрыгнула с крыльца и поймала одного мула за поводья прямо перед тем, как он успел дотянуться до персикового деревца, которое я посадила возле дома. Выражая недовольство таким неуместным вмешательством в его дела, мул оглушительно заржал прямо мне в лицо.

– Позвольте мне, мэ.

Бобби, в руках у которого уже были поводья другого мула, потянулся, чтобы взять у меня уздечку.

– А ну-ка, стой! – грозно сказал он непокорному мулу. – Уймись сейчас же, а не то выпорю хворостиной.

Бобби был не кавалеристом, а пехотинцем – сейчас это стало совершенно очевидным. Говорил он довольно резко и грозно, но его выдавала так расхожая со словами, неуверенная манера держаться. Он неловко дернул за упряжь. Мул тотчас же поджал уши и укусил его за руку.

Бобби закричал и выпустил поводья. Кларенс, мой собственный мул, услышал шум и громко, приветственно заржал из загона. Оба мула-чужака рысью кинулись к нему, болтая стремленными ремнями.

Бобби не сильно пострадал, хотя животное умудрилось прокусить кожу: пятна крови медленно проступали сквозь ткань на рукаве рубашки. Пока я поднимала манжет, чтобы взглянуть на ранение, на крыльце послышались чьи-то торопливые шаги. Я обернулась и увидела Лиззи с большой деревянной ложкой в руках, вид у нее был встревоженный.

– Бобби! Что случилось?

Увидев ее, он мгновенно выпрямился и, изображая полную невозмутимость, откинул локон каштановых волос со лба.

– О, ах! Пустяки, мисс. Вроде как небольшое недоразумение с этими нечестивцами. Нечего бояться, все хорошо.

На этих словах его глаза закатились, и он упал в обморок.

– О! – Лиззи пулей слетела вниз по ступеням и склонилась над Бобби, осторожно похлопывая его по щеке. – С ним все в порядке, миссис Фрэзер?

– Бог его знает, – искренне ответила я. – Думаю, что да. – Дыхание Бобби было спокойным, и я нащупала относительно ровный пульс на запястье.

– Занесем его внутрь? Или стоит принести жженое перо? А может, лучше нашатырь из кабинета? Или бренди? – Лиззи хлопотала, как взволнованный шмель, готовый лететь в любом направлении.

– Нет, думаю, он приходит в себя. – Большинство обмороков длятся не больше пары секунд, по тому, как задвигалась его грудь, я поняла, что Бобби стал дышать глубже.

– Капелька бренди не помешает, – пробормотал он, приоткрывая глаза.

Я кивнула Лиззи, которая тут же исчезла в доме, оставив свою ложку в траве.

– Чувствуешь себя неважно, да? – спросила я сочувственно. Полученная травма была всего лишь царапиной, и я совершенно точно не делала ничего такого, что могло привести взрослого мужчину в состояние шока – по крайней мере, в состояние физического шока. Так в чем же было дело?

– Не знаю, мэм. – Бобби попытался сесть, и, хотя лицо было белым как простыня, в остальном он, кажется, чувствовал себя сносно, поэтому я позволила ему сделать это. – Просто у меня перед глазами то и дело появляются эти точки, они кружатся и жужжат, будто пчелиный рой, а потом все вдруг темнеет.

– То и дело? Такое случалось раньше? – резко спросила я.

– Д-да, мэм... – Голова Бобби покачивалась, как подсолнух на ветру, и я подхватила его под мышки на случай, если он снова отключится. – Его светлость надеялись, что вы сможете найти какое-нибудь средство, чтобы это прекратилось...

– Его свет... О, так он знает об обмороках?

Боже, ну конечно, он знает, если Бобби то и дело валится без чувств прямо у него перед глазами.

Он кивнул и глубоко, судорожно втянул воздух.

– Доктор Потс регулярно делал мне кровопускания, дважды в неделю. Но, кажется, это не помогло.

– Смею предположить, что нет. Надеюсь, от него было больше пользы с твоим геморроем, – заметила я сухо.

Лицо его слегка порозовело – бедному мальчику не хватило крови, чтобы как следует покраснеть, – и он отвернулся в сторону, уставившись на ложку в траве.

– Эм... Я... никому об этом не рассказывал.

– Нет? – Я была удивлена. – Но...

– Видите ли, это все дорога. Из Вирджинии. – Румянец стал ярче. – Я ни за что бы не сознался, не гори у меня так задница после недели на чертовой лошади – прошу прощения, мэм. У меня не было шанса это скрыть.

– То есть лорд Джон тоже об этом не знал?

Он энергично замотал головой, так что его растрепанные каштановые кудри снова опустились на лицо. Я чувствовала раздражение и досаду – на себя, из-за того, что неверно истолковала мотивы Джона Грея, и на него самого за то, что он сделал из меня дуру.

– Что ж... Тебе уже получше?

Лиззи так и не явилась с бренди, и я тут же задалась вопросом, куда она могла деться. Бобби по-прежнему был бледен, но смело кивнул и с трудом поднялся на ноги. Он стоял, моргая и раскачиваясь, и пытался сохранить равновесие. Буква «У», клеймо, выжженное на его щеке, стала заметнее и зло алела на белой коже.

Отвлеченная обмороком парня, я не обращала внимания на доносящиеся звуки. Однако теперь я услышала голоса и приближающиеся шаги. Джейми и двое Браунов появились из-за угла дома и, увидев нас, остановились. Джейми, и без того немного печальный, нахмурился сильнее. Брауны же, напротив, казались удовлетворенными, но в их удовлетворенности было какое-то мрачное ликование.

– Значит, это правда? – Ричард Браун зло уставился на Бобби Хиггинса, а затем повернулся к Джейми. – Ты держишь убийцу в своих владениях?

– Действительно? – Джейми был подчеркнуто холоден, но вежлив. – Я и не знал.

Он очень изящно, на французский манер, поклонился Бобби Хиггинсу, а затем выпрямился и указал на Браунов.

– Мистер Хиггинс, могу я представить вам мистера Ричарда Брауна и мистера Лайонела Брауна. Джентльмены, мой гость, мистер Хиггинс.

Фраза «мой гость» была произнесена с особым ударением, что заставило Ричарда Брауна сжать и без того тонкие губы до их полного исчезновения.

– Осторожно, Фрэзер, – обронил он, не отрываясь глядя на Бобби, как будто ожидая, что тот испарится. – В наши дни водить дружбу с неправильными людьми может быть опасно.

– Я выбираю компанию по собственному усмотрению, сэр. – Джейми говорил тихо, цедя слова сквозь сжатые губы. – И ваша меня не интересует, Джозеф.

Отец Лиззи, Джозеф Уэмисс, появился из-за угла, ведя за собой двух мулов-бунтарей, которые теперь выглядели безобидными, как котята, хотя каждый из них серьезно превосходил размерами шуплого мистера Уэмисса.

Бобби Хиггинс, ошарашенный этой сценой, недоуменно посмотрел на меня, ожидая объяснений. Я слегка пожала плечами, ничего не говоря. Брауны тем временем забрались на мулов и двинулись прочь со двора, их прямые спины буквально источали гнев. Джейми дождался, пока они исчезнут из виду, потом запустил руку в волосы и зло выдохнул, бормоча что-то на гэльском. Я не уловила всей сути, но поняла, что он сравнивает недавних гостей с наростами вроде тех, что были у мистера Хиггинса, в пользу вышеупомянутых.

– Прошу прощения, сэр? – Хиггинс выглядел совершенно потерянным, но желал угодить.

Джейми кинул взгляд в его сторону.

– Пусть катятся к чертовой матери, – сказал Джейми, с отвращением махнув рукой в направлении, куда уехали Брауны. Он поймал мой взгляд и повернулся к дому. – Пойдем-ка, Бобби, нам нужно кое-что обсудить.

Я последовала за ними из любопытства и на случай, если мистеру Хиггинсу снова станет нехорошо. Он двигался довольно уверенно, но по-прежнему был очень бледен. По сравнению с Бобби мистер Уэмисс – стройный и светловолосый, как и его дочь – просто лучился здоровьем. «Что же не так с Бобби?» – раздумывала я. Идя за ним следом, я украдкой бросила взгляд на его брюки – кровотечения не было.

Джейми привел нас в свой кабинет и указал на стоящие в беспорядке стулья и коробки, которые были предназначены для посетителей. Однако оба, мистер Уэмисс и Бобби, предпочли стоять; Бобби – по очевидным причинам, мистер Уэмисс – из уважения, ему вообще было неловко сидеть в присутствии Джейми, за исключением обедов.

Я же, не обремененная социальными или физическими ограничениями, уселась на лучший стул и приподняла бровь, глядя на Джейми, который сел за рабочий стол.

– Вот в чем дело, – начал он без всякой преамбулы. – Браун и его брат провозгласили себя главами комитета безопасности и приехали, чтобы учесть меня и моих арендаторов в качестве его членов. – Он чуть скривил угол рта. – Я отказался, как вы, без сомнения, заметили.

Внутри у меня все сжалось, когда я подумала о словах майора Макдональда и о том, что знала сама. Значит, вот оно, начало.

– Комитет безопасности? – Мистер Уэмисс выглядел сбитым с толку и кинул взгляд на Бобби Хиггинса, чье недоумение постепенно испарялось.

– Вот оно что, – тихо сказал Бобби. Пряди кудрявых каштановых волос выбились из хвоста, и он заправил одну за ухо.

– Вы слышали о таких комитетах раньше, мистер Хиггинс? – спросил Джейми, поднимая бровь.

– Сталкивался с одним, сэр. Подобным. – Он ненароком коснулся нижнего века под искаженным глазом. Парень по-прежнему был бледен, но самообладание постепенно возвращалось к нему. – Это разбойники, сэр. Как их мулы, только куда злее. – Он улыбнулся невеселой улыбкой и расправил рукав над укусом.

Упоминание о мулах внезапно напомнило мне о другом, и я резко встала, прерывая разговор на полуслове.

– Лиззи! Где Лиззи?

Не дожидаясь ответа на этот риторический вопрос, я быстро встала и пошла к двери, выкрикивая ее имя, – но никто не отзывался. Она ушла за бренди, в кухне его было еще много, о чем ей было известно – я только вчера видела, как она набирала немного для миссис Баг. Она должна быть в доме. Конечно, она не пошла бы...

– Элизабет? Элизабет, где ты? – Мистер Уэмисс направился прямо за мной, выкрикивая имя дочери, пока я шла по холлу в кухню.

Лиззи лежала в глубоком обмороке прямо на очаге – маленькая кучка одежды с торчащей наружу тонкой рукой, как будто падая, она пыталась защититься.

– Мисс Уэмисс! – Бобби Хиггинс кинулся мне наперерез с безумным взглядом и сгреб девушку на руки.

– Элизабет! – Мистер Уэмисс тоже протиснулся вперед, лицо его стало почти таким же белым, как у дочери.

– Может, позвольте мне взглянуть? – решительно сказала я, расталкивая мужчин. Положи-ка ее на лавку, Бобби, давай.

Он осторожно поднялся и, немного поморщившись, сел на лавку, по-прежнему держа ее на руках. Что ж, если он хотел побыть героем, у меня не было времени с ним спорить. Я присела на колени рядом с девушкой и взяла в руку запястье, нащупывая пульс, другой рукой я убирала волосы с ее лица. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что именно могло случиться. Кожа была липкой, а лицо приобрело землистый оттенок. Я почувствовала, как ее бесчувственное тело начинает колотить озноб.

– Малярия вернулась? – спросил Джейми. Он появился сбоку от меня и взял мистера Уэмисса за плечо, одновременно утешая и сдерживая его.

– Да, – коротко отозвалась я. У Лиззи была малярия, она подхватила ее на побережье пару лет назад, время от времени случались рецидивы – правда, весь предыдущий год прошел спокойно.

Мистер Уэмисс глубоко и шумно вздохнул, его лицо чуть порозовело. Он был уже знаком с малярией и был уверен, что я смогу с этим справиться. Предыдущие несколько раз так и случалось. Я надеялась, мне удастся помочь Лиззи и сейчас. Пульс под моими пальцами был быстрым и слабым, но стабильным, она уже начала шевелиться. Однако быстрота и внезапность

приступа меня пугали. Были ли какие-то симптомы, предшествующие рецидиву? Я надеялась, что тревога не отражалась у меня на лице.

– Уложите ее в постель, накройте и приложите горячий камень к ногам, – скомандовала я Бобби и мистеру Уэмиссу, поднимаясь на ноги. – Я приготовлю лекарство.

Джейми пошел со мной в хирургический кабинет, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что остальные нас не слышат.

– Я думал, у тебя закончилась хина, – сказал он шепотом.

– Так и есть. Черт побери.

Малярия была хроническим заболеванием, и большую часть времени мне удавалось держать ее под контролем, давая Лиззи небольшие дозы хинной коры. Но в течение зимы мои запасы истощились, и никто пока не мог спуститься к побережью, чтобы их пополнить.

– И что теперь?

– Я думаю.

Я открыла дверцу шкафа и уставилась на ровные ряды баночек внутри. Многие из них были пусты, в других лежали скудные остатки сушеных листьев или корешков. После долгой влажной зимы с гриппом, простудами, обморожениями и несчастными случаями на охоте почти все было израсходовано.

Жаропонижающее. У меня имелись кое-какие средства, которые могли сбить температуру при обычной лихорадке, но малярия не тот случай. По крайней мере, у меня было много кизиловой коры и корешков – я основательно запаслась ими прошлой осенью, предвидя нужду. Я сняла кизил с полки и после минутных раздумий добавила к нему склянку с разновидностью горечавки, известной в этих местах как малярийная трава.

– Поставишь чайник? – попросила я Джейми, с хмурым видом растирая корешки, кору и траву в ступке. С этим набором я могла снять только внешние симптомы – температуру и озноб. И еще шок, про него тоже не стоит забывать.

– И, если тебе не сложно, принеси мне, пожалуйста, немного меда! – закричала я ему вслед, когда он уже открывал дверь. Он кивнул и торопливо ушел в направлении кухни, его ботинки быстро и уверенно застучали по дубовым доскам пола.

Я продолжала толочь лекарство, все еще обдумывая дополнительные варианты. Крошечная часть меня была рада происшествию: теперь мы могли отложить разговор о Браунах и их чертовом комитете.

Предчувствия у меня были самые недобрые. Чего бы они ни хотели, нам, я была уверена, это не сулило ничего хорошего: они с Джейми явно расстались не на дружеской ноте. Что касается представлений моего мужа об ответных действиях...

Конский каштан. Иногда его применяли против трехдневной малярии, как ее называл доктор Роулингс. Он у меня еще есть? Быстро оглядывая бутылочки и баночки в медицинском сундучке, я остановилась на склянке, на дне которой было около дюйма высушенных черных шариков. Желчные ягоды, гласила надпись. Это были не мои запасы, ягоды раньше принадлежали Роулингсу. Я никогда и ни для чего их не использовала, но в памяти что-то всколыхнулось. Я слышала или читала что-то о желчных ягодах, но что?

Я рассеянно взяла баночку, открыла и принялась. Ягоды источали острый, вяжущий запах, чуть горьковатый... и смутно знакомый. Все еще держа банку в руках, я пошла к столу, где лежала моя большая черная тетрадь, и стала лихорадочно пролистывать страницы к началу, к записям, которые принадлежали первому владельцу тетради и медицинского сундучка – Дэниелу Роулингсу. Где же это было?

Я все еще листала журнал в поисках наполовину забытой заметки, когда вернулся Джейми с кувшином горячей воды в одной руке и миской меда в другой, за ним маячили близнецы Бердсли. Я взглянула на них, но ничего не сказала: у них была манера появляться внезапно, как пара чертиков из табакерки.

– Мисс Лиззи очень больна? – встревоженно спросил Джо, выглядывая из-за Джейми, чтобы посмотреть, что я делаю.

– Да, – кратко ответила я, едва обращая внимание на него. – Но не волнуйся, я готовлю лекарство для нее.

Вот оно! Короткая заметка, добавленная уже впоследствии к записям о лечении пациента, у которого были все симптомы малярии и который, отметила я про себя тревожно, скончался.

«Торговец, у которого я покупал хину, рассказал мне, что индейцы используют растение, которое называют желчной ягодой. По горечи оно превосходит хинную кору и считается лучшим средством для лечения трех- и четырехдневных лихорадок. Я собрал немного ягод для эксперимента и опробую их, как только представится случай».

Я достала одну ягоду и раскусила ее. Резкий вкус хинина заполнил мой рот, а вместе с ним обильный поток слюны. От невыносимой горечи я скривила губы. Желчные ягоды, иначе и не назовешь. Я кинулась к открытому окну и выплюнула ягоду в траву, продолжив отплевываться под аккомпанемент смешков и хихиканья братьев Бердсли, которые всю наслаждались неожиданным представлением.

– Ты в порядке, саксоночка? – Смех на лице Джейми боролся с беспокойством. Он налил воды из кувшина в глиняную кружку, немного подумав, добавил туда ложку меда и подал мне.

– В порядке, – проквакала я в ответ. – Не вздумай это уронить!

Кеси Бердсли взял в руки баночку с ягодами и осторожно понюхал. Он кивнул на мое предостережение, но вместо того, чтобы поставить емкость на место, передал ее брату.

Я набрала полный рот теплой воды с медом и с облегчением сделала глоток.

– Эти... штуки содержат что-то вроде хины.

Лицо Джейми мгновенно изменилось, в нем стало меньше тревоги.

– Значит, они помогут девчужке?

– Надеюсь. Их не очень-то много.

– То есть вам нужно больше таких штукосин для мисс Лиззи, миссис Фрэзер? – Джо посмотрел на меня снизу вверх, а потом почти с угрозой перевел глаза на маленькую баночку.

– Да, – сказала я удивленно. – Ты ведь не хочешь этим сказать, что знаешь, где их достать?

– Ай, мэм, – ответил Кеси, как обычно, чуть громче, чем нужно. – Их полно у индейцев.

– Каких индейцев? – спросил Джейми, пристально глядя на мальчика.

– Чероки, – сказал Джо, неопределенно махнув рукой куда-то за спину. – За горой.

Это описание могло подойти под дюжину деревень, но, очевидно, они имели в виду совершенно конкретное поселение, поскольку оба вдруг синхронно развернулись, явно намереваясь пойти туда без промедления и вернуться с ягодами.

– Погодите-ка минутку, парни, – прикрикнул Джейми, хватая Кеси за воротник. – Я иду с вами. Вам нужен кто-то, кто сможет торговаться с ними.

– О, у нас куча шкур, сэр, – заверил его Джо. – Сезон был урожайный.

Джо был опытным охотником, и, хотя Кеси все еще был немного глуховат, брат научил его ставить силки. Йен рассказывал мне, что хижина Бердсли была доверху забита шкурами бобров, куниц, оленей и горностаев. Запах добычи намертво пристал к ним, легкий душок засохшей крови, мускуса и мокрой шерсти.

– Ай? Что ж, это очень щедро с твоей стороны, Джо. Но я все равно иду с вами. – Джейми посмотрел на меня, показывая, что уже принял решение, но тем не менее хочет услышать одобрение. Я сглотнула, ощущая горечь.

– Да, – сказала я и прочистила горло. – Если... если вы идете, то мне хотелось бы, чтобы вы выменяли еще кое-какие вещи. Я расскажу вам. Вы ведь не уйдете до утра?

Бердсли хотели побыстрее пуститься в путь и буквально дрожали от нетерпения, но Джейми стоял неподвижно, глядя на меня. Я почувствовала его прикосновение, хотя он не двигался и не говорил.

– Нет, – сказал он тихо. – Мы отправимся в ночь. – С этими словами он повернулся к Бердсли. – Поднимитесь наверх, Джо, и позовите сюда Бобби Хиггинса, мне нужно с ним поговорить.

– Он наверху с мисс Лиззи? – Джо Бердсли выглядел недовольным. Лицо брата, будто эхо, повторило его подозрительное выражение с сощуренными глазами.

– Что он там делает, в ее комнате? Он разве не знает, что Лиззи обручена? – праведно возмутился Кеси.

– Ее отец тоже там, – заверил их Джейми. – Так что репутация Элизабет в безопасности.

Джо тихо фыркнул на это, братья обменялись понимающими взглядами и, распрямив худые плечи, вместе вышли из кабинета, полные решимости устранить опасность, грозящую чести Лиззи.

– Так ты сделаешь это? – Я поставила ступку на стол. – Станешь индейским агентом?

– Думаю, я должен. Если не я, то им наверняка станет Ричард Браун. Нам нельзя так рисковать. – Джейми замялся, затем придвинулся ближе и легонько коснулся пальцами моего локтя. – Парнишек я сразу отправлю назад с ягодами, которые тебе нужны. Но мне скорее всего придется задержаться на день или два. Чтобы договориться обо всем, ай?

Он имел в виду – чтобы рассказать индейцам чероки, что теперь он агент английской короны, и дожидаться, пока весть разойдется. Вожди горных деревень позже должны будут спуститься вниз на совет для переговоров и обмена дарами.

Я кивнула, ощущая, как комок страха набухает где-то в груди. Началось. Неважно, как много ты знаешь о том, что нечто ужасное должно случиться в будущем, ты все равно не думаешь, что это произойдет сегодня.

– Не... Не задерживайся там надолго, ладно? – промямлила я, не желая обременять его своими страхами, но не в силах молчать.

– Не буду, – мягко ответил он, и его рука на мгновение задержалась у меня на пояснице. – Не тревожься понапрасну, я быстро вернусь.

Звук шагов, спускающихся по лестнице, эхом отозвался в холле. Я поняла, что мистер Уэмисс выставил Бердсли из комнаты за компанию с Бобби. Кидая на него недобрые взгляды исподтишка, братья молча вышли на улицу. Бобби, впрочем, выглядел рассеянным и вряд ли что-то заметил.

– Мальчонка сказал, вы хотели со мной поговорить, сэр.

Я с облегчением отметила, что к нему вернулся нормальный цвет лица и он твердо стоял на ногах. Он бросил беспокойный взгляд на стол, по-прежнему накрытый простыней, на которой мы проводили процедуры, а потом на меня. Я легонько покачала головой: разберемся с его геморроем позже.

– Ай, Бобби. – Джейми указал было на стул, как бы приглашая Бобби присесть, но я многозначительно кашлянула, и он одумался, облокотившись на стол. – Эти двое, что приходили, – их фамилия Браун. У них есть поселение не так далеко отсюда. Ты вроде как слышал о комитетах безопасности? Значит, представляешь себе, что это такое.

– Ой, сэр. Эти Брауны, сэр... Им нужен был я? – Бобби говорил достаточно спокойно, но я заметила, как он нервно сглотнул и кадык дернулся на тонкой шее.

Джейми вздохнул и провел рукой по волосам. Солнечный свет лился в окна и падал прямо на него, заставляя рыжие волосы сиять подобно живому пламени и выхватывая здесь и там серебряные нити, которые уже начали появляться в его медной гриве.

– Да, они пришли за тобой. Они знали, что ты здесь. Слышали о тебе, кто-то разболтал им. Ты ведь наверняка говорил людям по пути, куда направляешься?

Ошарашенный, Бобби только молча кивнул.

– Чего они от него хотели? – спросила я, ссылая размолотые корни, кору и ягоду в миску и заливая горячей водой.

– Они не слишком ясно выражались, – сухо сказал Джейми. – С другой стороны, я не дал им такой возможности. Я сразу сообщил им, что они заберут гостя от моего очага только через мой труп – и их.

– За это вам спасибо, сэр. – Бобби глубоко вдохнул. – Стало быть, они знали? Про Бостон? Про это я уж точно ни словечка никому не сказал.

Джейми нахмурился еще сильнее.

– Знали. Изображали, что я чего-то не понимаю, сказали, что я без своего ведома укрываю убийцу, который к тому же угрожает благополучию граждан.

– Что ж, первая часть правда, – отозвался Бобби, с опаской касаясь клейма, как будто оно все еще жгло кожу. Он бледно улыбнулся. – Но не уверен, что в нынешние времена могу кому-то угрожать.

Джейми пропустил его реплику мимо ушей.

– Дело в том, Бобби, что они знают, что ты здесь. Не думаю, что они придут снова, чтобы забрать тебя силой. Однако я попрошу тебя быть осторожным. Я приму меры, чтобы ты смог безопасно вернуться к лорду Джону, когда придет время. Найдем тебе сопровождающих. Я так понимаю, что вы еще не закончили? – спросил он, поворачиваясь ко мне.

– Не закончили, – ответила я ему в тон. Вид у Бобби в этот момент стал тревожным.

– Вот и хорошо. – Джейми потянулся к ремню и достал пистолет, до этого скрытый в складках рубахи. Это был тот самый, с рукоятью, украшенной золотом. – Держи его при себе, – сказал Джейми, передавая оружие Бобби. – Пули и порох в буфете. Присмотришь за моей семьей и детьми, пока я в отлучке?

– О! – Бобби ненадолго замер от удивления, но затем кивнул и сунул пистолет за пояс. – Я справлюсь, сэр. Можете на меня положиться.

Джейми улыбнулся на это, его взгляд потеплел.

– Теперь мне будет спокойнее, Бобби. Не мог бы ты найти моего зятя? Мне нужно поговорить с ним до того, как я уйду.

– Да, сэр. Сию минуту! – Он распрямил плечи и бросился выполнять поручение с выражением абсолютной решимости на тонком, романтическом лице.

– Как думаешь, что бы они с ним сделали? – спросила я тихо, когда дверь за ним захлопнулась. – Брауны.

Джейми покачал головой.

– Бог знает. Может, повесили бы его на перекрестке, а может, просто избили бы и вывезли куда подальше. Они хотят продемонстрировать, что могут защитить людей. От преступников и им подобных, – добавил он, скривив рот в ухмылке.

– «Правительство черпает свои полномочия из законного согласия управляемых», – процитировала я. – Чтобы комитет безопасности мог действовать на законных основаниях, должна появиться очевидная угроза общественной безопасности. Брауны очень умны, раз сами до этого додумались.

Джейми взглянул на меня, приподняв каштановую бровь.

– Кто это сказал? Про согласие управляемых.

– Томас Джефферсон, – довольно ответила я. – Вернее, скажет через два года.

– Он украдет это у джентльмена по фамилии Локк через два года, – поправил Джейми. – Полагаю, Ричард Браун получил приличное образование.

– В отличие от меня, хочешь сказать? – ничуть не смутясь, парировала я. – Но раз ты ждешь неприятностей от Браунов, то почему дал Бобби именно этот пистолет?

Джейми пожал плечами.

– Хорошие мне понадобятся. К тому же я очень сомневаюсь, что он станет стрелять даже из этого.

– Рассчитываешь на его устрашающий эффект? – Я смотрела на это скептически, но скорее всего Джейми был прав.

– На него. Но больше на Бобби.

– Как это?

– Я сомневаюсь, что он станет стрелять, чтобы спасти собственную жизнь, но, может, поступит так, чтобы спасти ваши. И если до этого дойдет, то они будут слишком близко, чтобы парень промахнулся. – Он говорил об этом бесстрастно, но я почувствовала, как волосы у меня на затылке встают дыбом.

– Что ж, это... утешение, – сказала я. – Но откуда ты знаешь, как он поступит?

– Говорил с ним, – бросил он коротко. – Человек, которого он застрелил в Бостоне, стал первым, кого он убил. Он не хочет делать это снова. – Джейми выпрямился и, в попытке занять себя чем-то, подошел к моему рабочему столу, где занялся разборкой инструментов, которые я собиралась почистить.

Я подошла ближе, наблюдая. В лотке со скипидаром лежали мелкие лопатки для прижигания и скальпели. Он по очереди вытаскивал их, вытирал насухо и аккуратно, один к одному, складывал на место, в коробку. Концы лопаток почернели от долгого использования, лезвия скальпелей потускнели, но края – тонкие серебряные полоски – зловеще мерцали.

– С нами все будет в порядке, – тихо произнесла я. Я хотела быть убедительной, но вместо этого моя фраза прозвучала как вопрос.

– Я знаю, – сказал Джейми. Он положил последний инструмент в коробку, но не стал закрывать крышку. Вместо этого он просто стоял, уперевшись обеими руками в крышку стола и смотрел прямо перед собой.

– Я не хотел идти, – сказал он тихо. – Я не хочу это делать.

Я не была уверена, говорит ли он это себе самому или разговаривает со мной, но подумала, что речь идет не только о путешествии в деревню чероки.

– И я, – прошептала я и придвинулась ближе, ощущая, как поднимается и опускается его грудь. Он повернулся и обнял меня. Так мы и стояли, застыв в крепком объятии, слушая дыхание друг друга. Горький привкус горячего отвара перемешивался с домашними запахами свежего льна, пыли и нагретой солнцем кожи.

Мы оба знали, что еще придется делать выбор, принимать решения, совершать поступки. Десятки и сотни. Но сейчас, в один день, один час, всего лишь обозначив свои намерения, мы переступили порог войны.

Глава 10

Долг зовет

Джейми отправил Бобби за Роджером Маком, но обнаружил, что не в силах ждать, и пошел следом, оставив Клэр с ее отваром.

Снаружи все казалось прекрасным и мирным. Коричневая овца с парой ягнят безмятежно стояла в загоне и медленно жевала траву с видом полного удовлетворения. Ягнята позади нее неуклюже прыгали вперед и назад, как мохнатые кузнечики. Клумба Клэр была полна свежей зелени и цветочных стеблей.

Крышка колодца была снята, Джейми наклонился, чтобы поставить ее на место, и обнаружил, что доски прохудились. Он добавил ремонт крышки в бесконечный список дел у себя в голове, страстно желая посвятить следующие несколько дней копанию грядок, разбрасыванию навоза, укладке черепицы и подобным вещам, а не тому, что ему на самом деле нужно было сделать. Даже загребать старую отхожую яму или кастрировать поросят казалось лучше, чем

идти к Роджеру Маку с вопросами об индейцах и революциях. Обсуждать будущее с зятем было для него, мягко говоря, неприятным опытом, и он старался не прибегать к его помощи.

Вещи, которые Клэр рассказывала о своем времени, часто выглядели фантастическими и дарили приятное ощущение чего-то нереального, как бывает со сказками, а иногда казались жутковатыми, но слушать ее было неизменно интересно, ведь из этих историй он узнавал о жене что-то новое. Брианна в основном делилась с ним мелкими забавными деталями домашне-го быта или невероятными историями о людях, которые ходили по Луне, которые были не менее увлекательными, но при этом не нарушали его душевного равновесия.

У Роджера же Мака была очень хладнокровная манера рассказывать, она до боли напоминала ему труды по истории, которые ему доводилось читать, а значит, несла в себе неотвратимость рока. Разговоры с ним заставляли поверить, что то или иное ужасное событие не просто произойдет, но вероятнее всего коснется тебя лично.

Разговоры с ним напоминают общение со злобной гадалкой, которой ты слишком мало заплатил, чтобы услышать что-нибудь приятное, подумалось Джейми. Эта мысль пробудила старое воспоминание, которое теперь кружилось и дергалось у него в голове как поплавок.

Это было в Париже. Они с друзьями, другими студентами, пили в пропахших мочой тавернах рядом с университетом. Он и сам уже порядочно напился, когда кому-то взбрело в голову узнать свою судьбу по линиям на руке. Вся компания скоро оказалась на углу, где сидела гадалка. Ее фигура была едва заметна в темноте и клубах табачного дыма. У него не было желания ввязываться в это: в карманах оставалась всего пара пенни, и он не собирался тратить их на этот нечестивый вздор. Он так и объявил во всеуслышание. Сразу же после этого из темноты внезапно возникла тощая клешня и схватила его за руку, глубоко вонзив в нее грязные ногти. От неожиданности он вскрикнул, и его друзья начали смеяться. Веселье усилилось, когда она плюнула ему в ладонь. Низко склонившись над ней, женщина деловито растерла плевок. Гадалка была так близко, что он чувствовал исходящий от нее запах застарелого пота и видел вошь, ползущую по засаленным волосам, которые торчали из-под обтрепанного черного платка. Она уставилась на его руку, щекотно проводя грязным ногтем по линиям судьбы. Джейми попытался вырвать ладонь, но она усилила хватку на его запястье, и он с удивлением обнаружил, что не может освободиться.

– *T'es un chat, toi*, – проговорила старуха с недобрым интересом. – Ты кот. Маленький рыжий кот.

Дюбуа – кажется, так его звали – тут же принялся мяукать и завывать, к удовольствию остальных. Сам Джейми не желал идти у них на поводу и, сказав лишь: «*Merci, madame*», снова попытался отнять руку.

– *Neuf*, – промолвила гадалка, касаясь случайных точек у него на ладони. Затем схватила палец и выразительно им пошевелила. – У тебя на руке девятка. И смерть, – добавила она небрежно. – Ты умрешь девять раз, прежде чем найдешь покой в могиле.

Затем под улюлюканье и пьяные возгласы французских студентов она отпустила его.

Джейми усмехнулся, пытаясь выбросить из головы давнее воспоминание. Но старуха отказывалась сдаваться так легко и, казалось, звала его сквозь годы. Так же она звала его тогда, в шумной, пропахшей пивом таверне.

– Иногда умирать не больно, мой маленький котик, – насмешливо кричала она вслед. – Но чаще наоборот.

– Нет, не больно, – пробормотал он и, услышав себя, остановился, ошарашенный. Господи. Это не себя он слышал, а своего крестного.

– Не бойся, парень. Умирать нисколько не больно.

Джейми оступился, споткнулся, но смог удержаться на ногах. Он остановился, ощущая привкус металла на языке. Его сердце вдруг заколотилось в груди без всякой причины, как будто он бежал много миль. Он ясно видел хижину перед собой, слышал переключку соек в по-

весеннему полупрозрачных каштановых ветвях. Но еще яснее он видел лицо Мурты: угрюмые черты разглаживаются, взгляд глубоко посаженных темных глаз устремлен на него, но они то и дело становятся отстраненными, как будто крестный смотрит одновременно на него и сквозь него, на что-то очень далекое. Он заново ощутил, как с приходом смерти Мурта отяжелел в его руках.

Видение исчезло так же резко, как появилось. Джейми обнаружил себя стоящим рядом с лужей и глядящим на деревянную утку, наполовину утопленную в грязи.

Он перекрестился и прошептал пару слов за упокой души крестного, потом склонился и вытащил утку, ополоснув ее в луже. Его руки сильно дрожали – ничего удивительного. У него были эпизодические, случайные воспоминания о Каллодене, – и теперь память начала возвращаться. До сих пор они приходили к нему только вспышками на границе сна и яви. Джейми видел там Мурту, там и во снах, которые за этим следовали. Он еще не говорил Клэр. Пока нет.

Он распахнул дверь хижины, но она была пуста: очаг едва тлеет, прялка и ткацкий станок стоят без дела. Брианна скорее всего у Фергуса, пошла провести Марсали. Где может быть Роджер Мак? Джейми вышел наружу и прислушался.

Приглушенный стук топора раздавался откуда-то из леса за хижинкой. Потом он прекратился, и Джейми услышал мужские голоса, шумные взаимные приветствия. Он повернулся и стал подниматься по тропе, которая шла вверх по склону: она наполовину заросла молодой травой, но на ней были явно видны свежие отпечатки ботинок.

Что бы рассказала старуха, если бы он ей заплатил? Солгала ли она в отместку за скупость или по той же причине сказала правду? Одной из самых неприятных вещей в разговоре с Роджером Маком было то, что – тут Джейми был уверен – он всегда говорил правду.

Он забыл оставить утку в доме. Вытерев ее о брюки, он угрюмо начал продираться сквозь заросли, чтобы услышать, какая судьба его ждет.

Глава 11

Кровавая работа

Я придвинула микроскоп к Бобби Хиггинсу, который вернулся со своего задания. В тревогах о Лиззи его собственные проблемы были забыты.

– Видишь круглые розовые штуки? – спросила я. – Это клетки крови Лиззи. Эритроциты. Они есть у всех. Это то, что делает кровь красной, – добавила я.

– Боже правый, – пробормотал он в удивлении. – Я и знать не знал!

– Ну, теперь знаешь. Видишь, некоторые эритроциты повреждены? А на других есть маленькие точки?

– Вижу, мэм, – ответил он, щурясь и старательно всматриваясь в окуляр. – Что это?

– Паразиты. Крохотные существа, которые попадают в кровь, когда тебя кусает определенный вид москитов, – объяснила я. – Они называются плазмодии. Если однажды ты заразился, они продолжают жить в крови и время от времени... эээ... размножаться. Когда их становится слишком много, они разрывают клетки и это вызывает приступ малярии – лихорадку. Остатки разрушенных клеток скапливаются в твоих органах, и от этого ты чувствуешь себя очень больным.

– О! – Бобби выпрямился и поглядел на микроскоп с отвращением. – Это... это просто омерзительно!

– Так и есть, – ответила я, сумев сохранить серьезное выражение. – Но хинин – иезуитская кора – поможет это остановить.

– Это хорошо, мэм, очень хорошо. – Лицо паренька просветлело. – И как это вы знаете столько всякого, – сказал он, качая головой. – Просто чудо какое-то!

– О, я знаю довольно много вещей о паразитах, – небрежно сказала я, снимая блюдечко с миски, в которой настаивалась смесь коры кизила и желчных ягод. Жидкость имела глубокий темно-пурпурный оттенок и стала немного вязкой, когда остыла. Кроме того, она приобрела убийственный запах, из чего я заключила, что настой почти готов.

– Скажи-ка мне, Бобби, ты когда-нибудь слышал о нематодах?

Он растерянно поглядел на меня.

– Нет, мэм.

– Ты не мог бы поддержать вот это, пожалуйста? – Я положила на горлышко чашки сложенную в несколько раз марлю и протянула Бобби бутылку, в которую мне нужно было перелить отвар. – Эти твои обмороки, – начала я, не отрывая глаз от льющейся жидкости. – Давно они у тебя?

– Ох... Наверное, месяцев шесть.

– Ясно. Может, ты замечал какой-нибудь дискомфорт – зуд, например? Или сыпь? Примерно семь месяцев назад. Скорее всего на стопах.

Он уставился на меня, доверчивые голубые глаза удивленно распахнуты, будто я только что провернула трюк с чтением мыслей.

– Как же, было такое, мэм. Прошлой осенью и было.

– Вот как, – отозвалась я. – Что ж, Бобби, тогда у тебя, возможно, нематоды.

Он оглядел себя в ужасе.

– Где?

– Внутри. – Я забрала у него из рук бутылку и закупорила ее. – Нематоды – это паразиты, которые проникают в организм через кожу, – чаще всего через подошвы ног, – а затем перемещаются по телу, пока не найдут кишечник – твои... эээ... внутренности, – поправилась я, заметив его недоуменный взгляд. – У взрослых червей есть противные маленькие крючочки, вот такие. – Я скрючила указательный палец в качестве иллюстрации. – Ими они прокалывают слизистую оболочку кишечника и начинают сосать кровь. Поэтому, если они у тебя есть, ты чувствуешь себя очень слабым и часто падаешь в обморок.

По его внезапной бледности я поняла, что он готов упасть в обморок прямо сейчас, и быстро усадила Бобби на табурет, опустив его голову между колен.

– Я не могу знать наверняка, что именно в этом дело, – сказала я, склонившись к нему. – Я просто смотрела на кровь Лиззи и думала о паразитах и... неожиданно мне пришло в голову, что нематоды могли бы объяснить твои симптомы.

– Да? – сказал он слабо. Густой хвост из каштановых волос упал вперед, обнажив его шею с ровной, почти детской кожей.

– Сколько тебе лет, Бобби? – спросила я, вдруг осознав, что не никогда не думала об этом.

– Двадцать три, мэм, – ответил он. – Мэм? Мне кажется, меня сейчас вырвет.

Я стремительно метнулась за ведром в углу и успела как раз вовремя.

– Теперь я избавился от них? – спросил он хрипло, выпрямляясь и вытирая рот рукавом, и заглянул в ведро. – Я могу сделать это еще раз.

– Боюсь, что нет, – сочувственно отозвалась я. – Если у тебя есть нематоды, то они держатся там очень крепко и к тому же сидят слишком глубоко, чтобы рвота могла помочь. Единственный способ подтвердить твой диагноз – найти их яйца.

Бобби посмотрел на меня с сомнением.

– Не то чтобы я ужасно застенчив, мэм, – сказал он и неловко поерзал. – Вы это знаете. Но доктор Поттс делал мне огромные клизмы с горчичной водой. Уж они-то точно должны были выжечь всех червей? Если бы я был червем, я бы тут же отвалился и испустил дух, полей меня кто горчичной водой.

– Да, так можно подумать, – ответила я. – Увы, это не так. Но я не буду делать тебе клизмы, – успокоила я парня. – Сначала нам нужно убедиться, что у тебя есть паразиты, и если это так, то я сделаю тебе лекарство, которое их точно вытравит.

– О! – Лицо Бобби немного просветлело. – И как же вы собираетесь это проверить, мэм?

Он пристально посмотрел на стол, на котором по-прежнему были разложены всевозможные зажимы и склянки с шовным материалом.

– Проще простого, – заверила я его. – Я провожу исследование, которое называется копрограмма: собираю стул и под микроскопом ищу яйца.

Бобби кивнул, очевидно, не вполне понимая значение слов. Я ласково улыбнулась ему.

– Все, что от тебя потребуется, Бобби, это твоё дерьмо.

Его лицо отразило всю палитру сомнений и ужаса.

– Если вы не возражаете, мэм, я оставлю червей при себе.

Глава 12

Дальнейшие чудеса науки

Поздно вечером Роджер Маккензи вернулся из бочарни и обнаружил жену в глубоких раздумьях перед странным предметом, стоящим на обеденном столе.

– Что это? Какие-то доисторические рождественские консервы? – Роджер протянул запачканный указательный палец к приплюснутой банке из зеленоватого стекла. Она была закрыта пробкой, которую покрывал толстый слой красного воска. Внутри виднелось бесформенное нечто, погруженное в жидкость.

– Но-но, – ответила его жена терпеливо, отодвигая от него банку. – Думаешь, ты пошутил. Это белый фосфор, подарок лорда Джона.

Он бросил на нее взгляд: Брианна была возбуждена, кончик носа покраснел, рыжие волосы растрепались и чуть дрожали на ветру, – как и у отца, у нее была привычка запускать руки в волосы, когда она о чем-то думала.

– И ты намерена... делать с ним что-то? – спросил он, пытаясь скрыть нотки опасения в голосе. Он имел самые смутные представления о свойствах фосфора, о котором он слышал что-то в далекие школьные годы. То ли он заставлял тебя светиться в темноте, то ли взрывался. Ни одна из перспектив его не радовала.

– Нууу... Может, сделаю спички. – Она прикусила нижнюю губу, рассматривая банку. – Я знаю, как это делается, в теории. Но на практике может оказаться не так просто.

– Это еще почему? – неуверенно спросил Роджер.

– Он воспламеняется при контакте с воздухом, – объяснила она. – Вот почему он лежит в воде. Джем, не трогай! Эта штука ядовитая. – Схватив Джемми за талию, она стащила его со стола, где он с жадным любопытством наблюдал за банкой.

– Ну а чего об этом беспокоиться? Он взорвется прямо перед ним, прежде чем у него появится шанс сунуть его в рот.

Роджер для сохранности взял банку в руки, держа ее так, словно она могла развалиться прямо в руках. Ему хотелось спросить Брианну, в своем ли она уме, но он был женат достаточно долго, чтобы знать цену подобным необдуманым риторическим вопросам.

– И где ты собираешься это держать? – Он обвел хижину красноречивым взглядом. Для хранения годились лишь сундук с бельем, полочка для книг и бумаг, еще одна для расчески и зубных щеток, тайничок Брианны с ее личными вещами и продуктовый шкаф. Последний Джемми умел открывать примерно месяцев с семи.

– Думаю, лучше оставить у мамы в операционной, – ответила она, рассеянно держа за пояс Джима, который по-прежнему с завидным упорством пытался добраться до заветной красивой штучки. – Там никто ничего не трогает.

Что правда, то правда: те, кто не боялся Клэр Фрэзер саму по себе, все же были напуганы содержимым ее кабинета: устрашающие инструменты, которые, кажется, созданы причинять боль, загадочные мутные зелья и вонючие лекарства. Ко всему прочему, в хирургическом кабинете были шкафы, расположенные слишком высоко даже для такого упорного альпиниста, как Джем.

– Хорошая идея, – сказал Роджер, страстно желающий убрать банку за пределы досягаемости сына. – Я отнесу ее прямо сейчас, идет?

Прежде чем Брианна успела ответить, в дверь постучали и тут же появился Джейми Фрэзер. Джем тут же оставил попытки добраться до банки и кинулся к деду, пища от восторга.

– Как дела, а *bhalaich*?³¹ – тепло спросил Джейми, ловко переворачивая Джема вверх тормашками и хватая за лодыжки. – Можно тебя на пару слов, Роджер Мак?

– Конечно. Присядете?

Он уже рассказал Джейми, что знал, – а знал он ничтожно мало, – о роли чероки в грядущей революции. Он пришел, чтобы узнать что-то еще? Неохотно поставив банку на стол, Роджер вытащил из-под него табурет и пододвинул в сторону тестя. Джейми согласно кивнул и сел, ловко закинув ребенка на плечо. Джем хихикал как сумасшедший и извивался, пока дед не шлепнул его по попе, после чего он успокоился, раскачиваясь вверх ногами, как ленивец. Его яркие волосы разметались по рубашке на дедовой спине.

– Дело вот в чем, а *charaid*?³², – сказал Джейми. – Утром я отправляюсь в деревни чероки, и мне нужно, чтобы ты кое-что сделал вместо меня.

– О. Вы хотите, чтобы я проследил за уборкой ячменя?

Раннее зерно все еще дозревало в поле. Все, затаив дыхание, надеялись, что хорошая погода продержится еще несколько недель. И перспективы были хорошие.

– Нет, этим может заняться Брианна. Ты не против, девушка? – Он улыбнулся дочери, которая приподняла густые рыжие брови, копии его собственных.

– Не против, – согласилась она. – Но чем ты намерен занять Йена, Роджера и Арч Бага?

Арч Баг был его управляющим, и логично было предположить, что присматривать за урожаем в свое отсутствие Джейми оставит его.

– Ну, Йена я возьму с собой. Чероки хорошо его знают, и он знаком с их языком. Братья Бердсли тоже идут с нами. Они тут же отправятся назад и принесут твоей маме ягоды и другие вещи, которые нужны для Лиззи.

– Я тоже иду? – с надеждой спросил Джемми.

– Не в этот раз, а *bhalaich*. Может, осенью. – Он легонько похлопал Джемми по попе и снова сосредоточил свое внимание на Роджере.

– Ну так вот, – продолжил он, – мне нужно, чтобы ты отправился на Кросс-Крик и встретил там новых поселенцев.

От такой перспективы Роджер ощутил легкое приятное волнение, смешанное с тревогой, однако виду не подал и лишь кивнул, прочистив горло.

– Конечно. Они...

– Ты возьмешь с собой Арч Бага и Тома Кристи.

Последняя фраза была встречена тишиной.

– Тома Кристи? – переспросила Бри, обмениваясь недоуменными взглядами с Роджером. – Но зачем, бога ради?

Учитель обладал особенно угрюмым нравом и едва ли пришел бы кому-нибудь на ум в качестве приятного попутчика.

Ее отец скривил губы в усмешке.

³¹ Мальчик (*гэльск.*).

³² Друг (*гэльск.*).

– Что ж. Есть одна маленькая деталь, которой Макдональд пренебрег, когда спрашивал меня, возьму ли я их. Они протестанты, почти все.

– Ах, – сказал Роджер. – Понятно.

Джейми поймал его взгляд и кивнул, очевидно, ощущая некоторое облегчение от того, что его так быстро поняли.

– Мне не понятно. – Брианна, хмурясь, коснулась волос, затем вытащила ленту и начала пропускать их сквозь пальцы, распутывая перед расчесыванием. – В чем разница?

Роджер и Джейми обменялись короткими, но выразительными взглядами. Джейми пожал плечами и опустил Джема к себе на колени.

– Что ж. – Роджер поскреб подбородок, раздумывая, как описать два века шотландской религиозной нетерпимости американке двадцатого века так, чтобы она поняла. – Хммм... помнишь движение за гражданские права в штатах, интеграцию Юга – все это?

– Конечно. – Она сузила глаза. – О'кей, на какой стороне негры?

– Кто? – Джейми совершенно потерял нить. – Как сюда попали негры?

– Все не так просто, – ответил ей Роджер. – Это лишь пример того, насколько глубоко проблема задевает людей. Скажем так, наличие землевладельца-католика может вызвать серьезное беспокойство у наших новых соседей. И наоборот, я полагаю? – спросил он, глядя на тестя.

– Кто такие негры? – с любопытством спросил Джем.

– Эээ... Люди с темной кожей, – ответил Роджер и внезапно осознал, в какой тупик его загнал этот вопрос. Конечно же, слово «негр» не всегда означало «раб» – но значения были так близки, что большой разницы в этом не было. – Ты разве не помнишь? Они были в доме твоей двоюродной бабушки Иокасты.

Джемми нахмурился, и на миг его лицо стало пугающе схожим с дедовым.

– Нет.

– Короче говоря, – сказала Бри, призывая всех к порядку резким ударом расчески по столу, – в мистере Кристи достаточно протестантства, чтобы эти новые люди почувствовали себя комфортно? В этом вся суть?

– Что-то в этом роде, – согласился ее отец, приподнимая уголок губ. – По крайней мере, рядом с твоим мужем и Томом Кристи они не будут думать, что их заманили в царство дьявола.

– Ясно, – сказал Роджер несколько иным тоном. Значит, дело было не в том, что он хозяйский сын и правая рука Джейми, а в том, что он пресвитерианин, хоть и формально. Он приподнял бровь, и Джейми пожал плечами в знак согласия.

– Мхмм, – покорно произнес Роджер.

– Мхмм, – удовлетворенно отозвался Джейми.

– Прекратите это, – сердито сказала Брианна. – Хорошо. Ты и Том Кристи идете в Кросс-Крик. Почему Арч Баг идет?

Внутреннее чутье, доступное лишь долго женатым мужчинам, подсказывало Роджеру, что его жена раздосадована тем, что ее оставляют здесь заниматься жатвой – грязным, изнуряющим делом даже в лучшие времена, – в то время как он будет развлекаться в компании единоверцев посреди романтически волнующего Кросс-Крика с населением в двести человек.

– В основном Арч будет помогать им устроиться и построить крышу над головой до наступления холодов, – рассудительно ответил Джейми. – Ты, конечно, не подумала, что я посылаю его туда исключительно для ведения переговоров?

На это Брианна невольно улыбнулась: Арч Баг, годы и годы женатый на шумной миссис Баг, был известен молчаливостью. Он умел говорить, но редко воплощал это умение в жизнь, ограничиваясь редким и глубокомысленным «ммм» по всякому поводу.

– Что ж, зато, думаю, они никогда не узнают, что Арч – католик, – сказал Роджер, поглаживая пальцем верхнюю губу. – Или нет? Я никогда не спрашивал его об этом.

– Он католик, – отозвался Джейми сухо. – Но он достаточно долго живет на этом свете и знает цену молчанию.

– Похоже, тебя ждет увлекательное путешествие, – сказала Брианна, изгибая бровь. – Как думаешь, когда вы вернетесь?

– Черт, даже не знаю, – ответил Роджер, ощущая укол вины за сорвавшее с губ ругательство. Нужно пересмотреть привычки, и побыстрее. – Месяц? Шесть недель?

– Самое меньшее, – радостно вставил его тесть. – Имей в виду, они пойдут пешком.

Роджер глубоко вздохнул, представляя себе долгий переход – со всей этой толпой позади – из Кросс-Крика обратно в горы, Арч Баг по одну руку от него, Том Кристи по другую, как два столпа безмолвия. Он тоскливо задержал взгляд на жене, думая о шести неделях, что ему придется провести без нее, засыпая на обочине.

– Да, хорошо, – сказал он наконец. – Я... эээ... поговорю с Томом и Арчем сегодня вечером.

– Папа уходит? – Ухватив суть разговора, Джемми сполз с дедовского колена, кинулся к Роджеру и обхватил его ногу. – Я с тобой, папа.

– О. Нет, я не думаю... – Он мельком посмотрел на Брианну, вид у той был смиренный, а потом заметил зелено-красную банку на столе за ней. – Почему бы и нет? – воскликнул он внезапно и улыбнулся Джиму. – Тетушка Иокаста будет счастлива тебя повидать. А мамочка сможет взрывать тут все в свое удовольствие и не переживать о том, где ты есть.

– Что мамочка может делать? – ошарашенно переспросил Джейми.

– Он не взрывается, – заметила Брианна, подняв со стола банку и бережно прижимая ее ближе. – Он только горит. Ты уверен? – Последний вопрос был адресован Роджеру и сопровождался беспокойным взглядом.

– Да, конечно, – ответил он, стараясь звучать уверенно. Он посмотрел на Джемми, который на все лады распевал «Идем! Идем! Идем!», одновременно подпрыгивая, как взбесившаяся кукурузина на сковороде. – По крайней мере мне будет с кем поговорить в дороге.

Глава 13

Надежные руки

Уже почти стемнело, когда Джейми вошел в дом и увидел, как я сижу за кухонным столом, уронив голову на руки. Я встрепенулась, услышав шаги, и часто заморгала.

– Ты в порядке, саксоночка? – Он присел на скамью напротив, пристально разглядывая меня. – Вид у тебя такой, словно тебя протащили сквозь живую изгородь задом наперед.

– О! – Я рассеянно пригладила волосы, которые, похоже, немного растрепались. – Эм, все нормально. Ты голоден?

– Конечно, голоден. Ты сама что-нибудь ела?

Я зажмурилась и потеряла лицо, пытаясь вернуть себе способность мыслить.

– Нет, – решила я наконец. – Я ждала тебя и, похоже, уснула. Есть рагу. Миссис Баг оставила.

Джейми поднялся и заглянул в небольшой котелок, потом подвинул крюк к огню и повесил рагу греться.

– Чем ты занималась, саксоночка? – спросил он, возвращаясь к ней. – И как девчушка?

– Девчушкой я и занималась, – ответила я, подавляя зевок. – В основном. – Я медленно поднялась, ощущая, как протестуют затекшие суставы, и подошла к шкафу, чтобы нарезать хлеба.

– Она не смогла удержать его внутри. Настой из желчных ягод. Едва ли можно ее за это винить, конечно, – сказала я, осторожно облизывая верхнюю губу.

После того как Лиззи вырвало первый раз, я сама попробовала настой. Мои вкусовые рецепторы по-прежнему были сильно раздражены: я никогда не встречала более точно названного растения, даже уваренный до состояния сиропа, настой из ягод не потерял своей горечи.

Джейми втянул воздух, когда я повернулась.

– Ее вырвало на тебя?

– Нет, это был Бобби Хиггинс, у него нематоды, – ответила я.

Джейми поднял брови.

– Хочу ли я узнать об этом побольше, пока ем?

– Точно нет, – уверенно сказала я, садясь за стол с ломтем хлеба, ножом и маслом. Я оторвала кусок, щедро намазала маслом и подала Джейми. Затем сделала такой же себе.

Мой желудок на секунду как будто замялся, но затем решил все же простить мне сироп из желчных ягод.

– Чем ты занимался? – спросила я, потихоньку стряхивая с себя сон и начиная замечать детали. Он казался усталым, но более воодушевленным, чем когда уходил из дома.

– Говорил с Роджером Маком об индейцах и протестантах. – Он вдруг нахмурился, глядя на наполовину съеденный бутерброд. – С хлебом все нормально, саксоночка? У него странный вкус.

Я виновато махнула рукой.

– Извини, это все я. Я помылась несколько раз, то так и не смогла от него отделаться полностью. Наверное, лучше тебе самому намазывать хлеб маслом. – Я локтем пододвинула к нему булку.

– Отделаться от чего?

– Ну, я раз за разом пыталась напоить Лиззи сиропом, но без толку. Она просто не могла удержать его внутри, бедное создание. Тогда я вспомнила, что хинин усваивается и через кожу. Поэтому я смешала сироп с гусиным жиром и втерла его, как крем. О, спасибо. – Я наклонилась вперед и откусила небольшой кусок от бутерброда с маслом, который он протянул в мою сторону. Вкусовые рецепторы окончательно сдались, и я вдруг поняла, что весь день ничего не ела.

– Это сработало? – Он кинул взгляд на потолок. Мистер Уэмисс и Лиззи делили маленькую комнату наверху, но там все было тихо.

– Думаю, да, – ответила я, проглотив хлеб. – Лихорадка наконец утихла, и теперь она спит. Это уже успех. Мы продолжим использовать это средство. Если в течение двух дней лихорадка не вернется, значит, оно работает.

– Ну и хорошо.

– Да, а потом случился Бобби и его нематоды. К счастью, у меня есть немного ипекакуаны и скипидара.

– К счастью для Бобби или для червей?

– По правде говоря, ни для кого из них, – сказала я и зевнула. – Однако это скорее всего поможет.

Он слегка улыбнулся, открыл бутылку пива и по привычке понюхал открытое горлышко. Найдя запах приемлемым, он налил мне немного.

– Хорошо. Мне спокойно, что я оставляю все в твоих надежных руках, саксоночка. Дурно пахнущих руках, но надежных, – добавил он, морща длинный нос.

– Вот спасибо.

Пиво было не просто хорошим, а превосходным. Должно быть, из партии, которую варила миссис Баг. Какое-то время мы просто потягивали его в тишине, слишком измотанные, чтобы встать и наложить гуляш. Я наблюдала за Джейми из-под ресниц – я всегда делала так перед его отлучками, сохраняя воспоминания о нем, чтобы их хватило до его возвращения.

Он выглядел уставшим, между тяжелыми бровями залегли две одинаковых морщинки, выдавая легкую тревогу. Пламя свечи озаряло широкое лицо, на оштукатуренную стенку падала тень от его фигуры – крупная и сильная. Я смотрела, как тень поднимает призрачный бокал и свет заставляет призрачное стекло сиять янтарем.

– Саксоночка, – неожиданно заговорил он, – сколько раз, как ты думаешь, я был близок к смерти?

Мгновение я просто смотрела на него, а затем пожала плечами и начала вспоминать, принуждая синапсы решать неприятную задачку.

– Ну... Я не знаю всего, что случилось с тобой до нашей встречи, но после... Ты был опасно болен в аббатстве. – Я искоса глянула на него, но, кажется, его не потревожило воспоминание о Вентвортской тюрьме и том, что с ним там сделали и что вызвало болезнь. – Хмм. И после Каллодена – ты говорил, от полученных ранений у тебя началась жуткая лихорадка и ты думал, что можешь умереть, и только Дженни заставила тебя – то есть выходила тебя.

– Потом в меня стреляла Лаогера, – сказал он с насмешкой. – И на этот раз ты заставила меня жить. Так же, как когда меня укусила змея. Когда я был совсем маленький, я болел оспой, но не думаю, что тогда моей жизни что-то угрожало. Говорили, это был легкий случай. Значит, выходит, четыре раза.

– Как насчет того дня, когда мы впервые встретились? – возразила я. – Ты едва не истек кровью.

– Ну, неправда, – запротестовал он. – Это была лишь небольшая царапина.

Я приподняла бровь, глядя на него, затем наклонилась к очагу, зачерпнула половником ароматного рагу и положила в миску. Рагу было сочным, с кроликом и олениной, которые плавали в жирной подливке, приправленной розмарином, чесноком и луком. Судя по обильной слюне, я была прощена за ягоды.

– Как скажешь. Но погоди-ка... Как насчет твоей головы? Когда Дугал пытался убить тебя топором. Это точно можно считать за пятый раз.

Он нахмурился, забирая миску у меня из рук.

– Думаю, ты права, – отозвался он не слишком довольный. – Значит, пять.

Я посмотрела на него поверх моей собственной тарелки с рагу. Он был большим, крепким, прекрасно сложенным. И даже если жизнь его немного потрепала, это только добавляло очарования.

– Думаю, тебя очень непросто убить. И это очень меня утешает, – сказала я.

Он неохотно улыбнулся, но затем торжественно приподнял бокал и коснулся им сперва своих губ, а следом моих.

– Выпьем за это, саксоночка?

Глава 14

Люди снежной птицы³³

– Ружья, – сказал Птица Поющая По Утрам. – Скажите своему королю, мы хотим ружья.

Джейми на секунду сдержал желание ответить: «А кто не хочет?», но затем сдался, чем удивил вождя, который на мгновение даже прекратил моргать, а потом широко улыбнулся.

– И правда, кто? – Птица был низеньким, круглым, как бочонок, человеком, к тому же очень молодым для своего положения, однако проницательным. И его любезности не могли скрыть ума. – Они все говорят тебе это, все местные вожди, да? Конечно, говорят. А что им говоришь ты?

³³ Снежная птица (англ. snowbird) – народное название серого юнко, певчей птицы из семейства овсянковых.

– Что могу. – Джейми приподнял одно плечо и тут же уронил его. – Торговля – без сомнения, ножи – возможно, ружья – вероятно, но я пока не могу обещать.

Они говорили на немного непривычном диалекте чероки, и он надеялся, что использовал верные слова для выражения вероятности. Он достаточно неплохо владел их языком в том, что касалось торговли и охоты, но вещи, которые ему придется здесь обсуждать, были далеки от этих простых тем. Джейми бросил быстрый взгляд на Йена, который внимательно слушал разговор, и, по всей видимости, он все сказал верно. Йен часто навещал деревни недалеко от Риджа и даже охотился вместе с молодыми индейцами. Он переходил на язык чероки так же легко, как на гэльский.

– Что ж, неплохо. – Птица устроился поудобнее. Оловянный значок, который подарил Джейми, сверкал на груди, пламя костра кидало отблески на широкое доброе лицо. – Скажи своему королю про ружья и скажи, зачем они нам нужны.

– Ты правда хочешь, чтобы я ему это сказал? Думаешь, ему захочется прислать вам оружие, из которого вы будете убивать его собственных людей? – сухо спросил Джейми. Вторжение белых поселенцев на земли чероки вдоль всей линии соглашения было щекотливой темой. Он брал на себя риск, прямо говоря об этом, вместо того чтобы обсудить другие причины, по которым Птица требовал оружие: чтобы защитить деревню от набегов или совершать набеги самому.

Птица в ответ пожал плечами.

– Мы можем убивать их и без ружей, если захотим. – Он приподнял одну бровь и сжал губы, ожидая реакции Джейми на свое заявление.

Он подумал, что Птица хочет его шокировать, и едва заметно кивнул.

– Конечно, можете. Но ты достаточно умен, чтобы этого не делать.

– Пока что нет. – Губы Птицы растянулись в довольной улыбке. – Скажи королю – пока нет.

– Его Величество будет счастлив услышать, как высоко ты ценишь его дружбу.

Птица на это разразился хохотом, качаясь взад и вперед, а его брат, Тихая Вода, который сидел рядом, широко улыбнулся.

– Ты мне нравишься, Убийца Медведей, – сказал он, приходя в себя. – Ты забавный человек.

– Я могу им быть, – сказал Джейми на английском. – Дайте только время.

Йен издал короткий смешок, и Птица бросил на него напряженный взгляд, но быстро отвел глаза и прокашлялся. Джейми приподнял одну бровь, и племянник ответил слабой улыбкой.

Тихая Вода пристально наблюдал за Йеном. Чероки встретили их обоих как полагается, но Джейми сразу заметил некоторую резкость по отношению к Йену с их стороны. Они воспринимали его как могава, он заставлял их быть настороженными. Если честно, то он и сам иногда думал, что какая-то часть Йена так и не вернулась из Снэйктауна и, должно быть, уже никогда не вернется.

Однако таким образом Птица дал ему повод для кое-каких расспросов.

– Люди, которые осели на твоей земле, создали много проблем, – сказал он, сочувственно кивая. – Конечно, ты не стал убивать их, потому что ты мудр. Но не все так мудры, верно?

Птица мгновенно сузил глаза.

– О чем это ты, Убийца Медведей?

– Я слышал о поджогах, Чисква³⁴. – Он посмотрел вождю прямо в глаза, но был осторожен, чтобы не дать ему повода думать, будто это обвинение. – Король слышал о сгоревших домах, убитых мужчинах и похищенных женщинах. И это ему не нравится.

³⁴ Птица (черок.).

– Хмм, – промычал Птица и сжал губы. Он, однако, не сказал, что не слышал об этих вещах, и это было любопытно.

– Если таких историй станет больше, то король может прислать солдат, чтобы защитить своих людей. И если ему придется так поступить, он едва ли захочет, чтобы они столкнулись с ружьями, которые он сам и отдал, – рассудительно заметил Джейми.

– И что же нам тогда делать? – горячо вмешался Тихая Вода. – Они пересекают линию соглашения, строят дома, возделывают землю и ловят нашу дичь. Если ваш король не может держать своих людей в том месте, где они должны жить, как он может возражать? Мы должны как-то защищать свою землю.

Птица совершил еле заметный успокаивающий жест, не глядя на брата, и Тихая Вода подчинился, не слишком, впрочем, охотно.

– Что ж, Убийца Медведей, ты передашь все это королю, так?

Джейми учтиво наклонил голову.

– Это моя работа. Я говорю от имени короля с тобой и передаю твои слова королю.

Птица задумчиво кивнул, затем махнул рукой, чтобы принесли еду и пиво, и разговор перешел на более нейтральные темы. Больше никаких переговоров на сегодня.

* * *

Было поздно, когда они покинули дом Чисквы и пошли в маленькую хижину для гостей. Он думал, что луна уже давно взошла, но ее нигде не было видно. Небо заполняли тяжелые облака, и запах дождя отчетливо чувствовался в беспокойном воздухе.

– Боже, – сказал Йен, зевая и спотыкаясь. – Моя задница уже уснула.

Джейми тоже зевнул, заразившись от племянника, но потом моргнул и засмеялся.

– Что ж, не трудись ее будить. Все остальное может к ней присоединиться.

Йен насмешливо фыркнул на это.

– Я не стал бы верить Птице, дядя Джейми, лишь потому что он назвал тебя забавным. Он просто пытается быть учтивым, понимаешь?

Джейми проигнорировал его реплику, бормоча благодарности на чероки девушке, которая привела их к месту, где они должны были ночевать. Она отдала ему маленькую корзину – наполненную, судя по запаху, сушеными яблоками и кукурузными лепешками, – затем ласково прошептала: «Доброй ночи, приятного сна», и растворилась во влажной беспокойной темноте.

Маленькая хижина казалась душноватой после прохладной ночной свежести, и он на мгновение остановился у порога, наслаждаясь шумом ветра в кронах, наблюдая, как он перебирает сосновые лапы, будто гигантская невидимая змея. Капли влаги упали на лицо, и он испытал глубокое удовлетворение от мысли, что сейчас будет дождь, но ему не придется проводить ночь на голой земле.

– Когда будешь сплетничать утром, порасспрашивай людей, Йен, – попросил Джейми, заглядывая внутрь. – Дай им понять, только ненавязчиво, что король будет рад узнать, что за ублюдки сжигают дома – так рад, что может даже расщедриться на парочку ружей в качестве награды. Они не скажут тебе, если это их проделки, – но если это другая банда, то могут и выдать.

Йен кивнул и снова начал зевать. Небольшой костер горел внутри каменного круга, дым от него утекдал вверх через специальное отверстие в крыше. В свете костра в одной части хижины был виден небольшой настил, укрытый шкурами, еще одна куча одеял и меха лежала на полу.

– Бросим монетку, дядя Джейми? – предложил Йен, порывшись в поясной сумке и выудив оттуда потертый шиллинг. – Кто выиграет, тот и спит в постели. Выбирай.

– Решка, – сказал Джейми. Он опустил корзину и принялся расстегивать ремень на плече. Теплый ворох ткани упал вокруг его ног, и он стряхнул с себя рубашку. Ткань измялась, запачкалась и сильно пахла его телом; слава богу, это была последняя из деревень. Еще одна ночь, самое большее две – и они могут ехать домой.

Йен выругался, поднимая монету.

– Как ты это делаешь? Каждую ночь ты говоришь «решка», и каждую ночь она выпадает!

– Ну, это твой шиллинг, Йен. Меня тут не в чем обвинить. – Он уселся на настил и с удовольствием потянулся. – Погляди-ка на нос Джорди.

Йен повертел шиллинг в пальцах, поднес его к костру, прищурился и выругался снова. Крохотное пятнышко пчелиного воска, такое тонкое, что и не заметишь, если не искать, украшало выдающийся аристократический нос Георга Третьего, короля Великобритании.

– Как оно туда попало? – Йен сузил глаза и посмотрел на дядю с подозрением, но Джейми только рассмеялся и лег.

– Помнишь, ты показывал малышу Джему, как крутить монетку? Он перевернул подсвечник и все перепачкал воском.

– О. – Йен сел, разглядывая монетку в своей руке, затем покачал головой, сковырнул воск ногтем и спрятал шиллинг.

– Спокойной ночи, дядя Джейми, – сказал он, со вздохом ныряя в меха на полу.

– Спокойной ночи, Йен.

До сих пор Джейми не обращал внимания на усталость, держа ее в узде, как Гидеона. Теперь же он отпустил поводья и дал ей унести себя прочь, позволив себе роскошь отдохнуть на удобной постели.

Макдональд, подумал он с некоторым цинизмом, был бы доволен. Джейми планировал наведаться только в две деревни чероки, ближайшие к линии соглашения. Там он хотел рассказать о своей новой должности, раздать скромные подарки – виски и табак – последний второпях был одолжен у Тома Кристи, которого тот, по счастью, приобрел целую бочку, когда ездил за семенами в Кросс-Крик, – и сообщить чероки, что новых даров они могут ожидать осенью, когда он предпримет поездку по более отдаленным деревням.

В обоих селениях его приняли очень радушно. Однако во втором, Пигтауне, оказалось несколько чужаков – молодых людей, пришедших с намерением найти себе жен. Они принадлежали к народу Снежной Птицы, отдельному племени чероки, чья деревня лежала выше в горах.

Один из молодых людей оказался племянником Птицы Поющей по Утрам – вождя Снежных Птиц. Он настойчиво убеждал Джейми отправиться вместе с ним и его спутниками в их родную деревню. Проведя срочную ревизию запасов виски и табака, Джейми согласился.

Их с Йеном как агентов Его Величества ожидал поистине королевский прием. До этого к Снежным Птицам не приходил ни один индейский агент. Они отнеслись к ним с величайшим почтением и быстрее других поняли, что за выгоды такое сотрудничество сулит им в будущем. Джейми к тому же увидел в Птице человека, с которыми можно вести дела.

Эта мысль заставила его вспомнить о Роджере Маке и новых арендаторах. Последние несколько дней у него просто не было времени, чтобы подумать об этом, однако он сомневался, что ему вообще стоит о чем-то тревожиться. На Роджера Мака можно было рассчитывать, хотя надтреснутый голос и делал его менее уверенным, чем он должен быть. Однако с ним были Кристи и Арч Баг...

Он закрыл глаза, и его накрыло блаженство забытья, мысли стали бессвязными.

Если провести здесь еще день, то, быть может, он успеет домой как раз к покосу. Сварит партию-другую пива до холодов. Заготовит мяса... Может, наконец, пришло время забить эту чертову белую свинью? Нет... это дьявольское отродье невероятно плодовито. У каких кабанов

достаёт смелости спариваться с ней, сонно подумал он, и сжирает ли она их после? Дикие кабаны... копченые окорока, кровавая колбаса...

Он уже успел провалиться в сон, когда почувствовал чью-то руку у себя в паху. Вырванный из дремы, как лосось из стремнины, он схватил руку незнакомца и крепко сжал, чем вызвал у него тихое хихиканье.

Женские пальцы легонько заерзали у него в ладони, и другая рука без стеснения принялась за покинутые ими части тела. Первой связной мыслью оказалось то, что из девчушки вышел бы отличный пекарь, если она так же замешивает тесто. За этой мыслью последовали другие, примерно настолько же абсурдные, и он попытался поймать и вторую руку. Но она игриво ускользнула от него, начав вдруг легонько щипаться. Он попытался вежливо запротестовать на чероки, но вместо этого начал говорить какие-то случайные фразы на английском и гэльском, причем ни одна из них не была уместной в сложившейся ситуации. Первая рука продолжала высвобождаться из его хватки, как угорь. Не желая сломать пальцы, он на секунду выпустил их и успешно перехватил запястье.

– Йен, – прошипел Джейми в отчаянии. – Йен, ты тут? – Он не мог ни разглядеть племянника в кромешной темноте хижины, ни понять, спит ли он. Окон здесь не было, а от остывающих углей шло лишь слабое свечение.

– Йен!

Послышалось шуршание на полу, движение тел, потом он услышал, как чихнул Ролло.

– Что случилось, дядя? – Джейми говорил на гэльском, и Йен ответил на том же языке. Голос парня звучал спокойно, не было похоже, что он только что проснулся.

– Йен, у меня в постели женщина, – продолжил он на гэльском, пытаясь говорить так же спокойно.

– Их там две, дядя Джейми. – Очевидно, Йена забавляло происходящее, черт его побери. – Другая лежит у твоих ног, ждет своей очереди.

Эта информация заставила его потерять самообладание, и он почти выпустил пойманную руку.

– Две! За кого они меня принимают?

Девушка снова захихикала, наклонилась вперед и легонько укусила его за грудь.

– Господь!

– Нет, дядя Джейми, они точно не принимают тебя за него, – сказал Йен, явно сдерживая смех. – Они думают, что ты король. В определенном смысле. Ты его агент, и они оказывают почести Его Величеству, присылая тебе женщин, ай?

Вторая женщина откинула одеяло с его ноги и медленно гладила пальцем его стопы. Он боялся щекотки, и в обычном состоянии это бы его раздражало, но сейчас он был слишком занят первой женщиной, которая вынудила его играть в нелепую игру под условным названием «спрячь сосиску».

– Поговори с ними, Йен, – процедил он сквозь сжатые зубы, воюя одновременно по всем фронтам: яростно отбивая атаки свободной рукой, отрывая пальцы плененной руки от эротических ласк своего уха и брыкаясь в отчаянной попытке остановить вторую девушку в ее все более смелых притязаниях.

– Эм... что ты хочешь, чтобы я им сказал? – спросил Йен, переходя на английский. Его голос слегка дрожал.

– Скажи им, я польщен оказанной мне честью, но... – Дальнейшие дипломатические пассажи были прерваны внезапным вторжением чьего-то языка в его рот, пахнувший луком и пивом.

В самом разгаре последующей борьбы он краем глаза заметил, что Йен-таки потерял контроль и лежит на полу, сотрясаясь от безудержного смеха. Если прикончить сына, то это

называется детоубийством, мрачно подумал он, а есть ли специальное слово для убийства племянника?

– Мадам! – сказал он наконец, не без усилия отрывая девушку от себя. Он взял ее за плечи и довольно резко откатил в сторону, так что она вскрикнула от удивления, а ее обнаженные ноги подлетели вверх. Боже, она что, голая?

Такой она и была. Они обе. Его глаза привыкли к слабому свечению от углей, и Джейми разглядел силуэт ее плеч, груди, круглых бедер. Он резко сел и начал стягивать к себе все меха и одеяла, сооружая нечто вроде редута.

– Уймитесь, вы обе! – строго сказал он на чероки. – Вы очень красивы, но я не могу разделить с вами ложе.

– Нет? – спросила одна озадаченно.

– Почему нет? – спросила другая.

– Ах... Потому что я дал обет, – ответил он, придумывая на ходу. – Я поклялся... поклялся... – Он искал подходящее слово, но ничего не шло на ум. К счастью, в этот момент вклинился Йен, тараторя на чероки так быстро, что Джейми не улавливал и половины.

– Ооо, – выдохнула одна из них, явно впечатленная. Джейми почувствовал ощутимое облегчение.

– Что, во имя Господа, ты им сказал?

– Я сказал, что во сне тебе явился Великий Дух, дядя, и сказал тебе, что ты не должен ложиться с женщиной, пока не принесешь ружья всем чероки.

– Пока я что?

– Ну, ничего лучше впопыхах я не придумал, дядя, – сказал Йен, защищаясь.

И хотя у него дыбом вставали волосы от подобного «обета», надо признать, что идея оказалась действенной. Женщины прижались друг к другу и благоговейно перешептывались, оставив идею соблазнить его.

– Что ж. Наверное, могло быть и хуже, – проворчал он. В конце концов, даже если Корона решит снабдить их оружием, индейцев чероки чертовски много.

– Не за что, дядя Джейми. – Йен старался говорить ровно, но, судя по всему, смех так и рвался наружу, в конце концов появившись в виде сдавленного фырканья.

– Что еще? – сказал Джейми раздраженно.

– Одна леди говорит, что разочарована, потому что ты очень неплохо... оснащен, дядя. А вторая настроена более философски. Она говорит, что они могли понести от тебя детей и младенцы были бы рыжими. – Голос племянника дрожал от смеха.

– И что не так с рыжими, бога ради?

– Точно не знаю, но, кажется, иметь таких младенцев не к добру, и они стараются этого избегать.

– Что ж, замечательно, – бросил Джейми, – угроза предотвращена. Теперь они могут пойти домой?

– Там дождь, дядя Джейми, – резонно заметил Йен.

Это была правда, ветер доносил до них шум дождя. Теперь же начался настоящий ливень, вода стучала по крыше и падала с шипением на угли через дымовое отверстие.

– Ты же не выгонишь их на улицу в такую погоду, правда? К тому же ты сказал, что не можешь с ними спать, – про то, что им нужно уйти, ничего не было.

Он прервался, чтобы узнать что-то у девушек, которые ответили ему с непоколебимой уверенностью. Джейми показалось, они с чем-то согласились. Поднявшись с грацией молодых журавлей, они забрались на его ложе в чем мать родила, поглаживая и касаясь его с нежным восторженным шепотом, – при этом, как и велено, избегая опасных частей, – вдавили его в меха и уютно устроились по обе стороны от него, прижавшись к его телу нагой теплой плотью.

Он открыл рот, потом закрыл его, не найдя, что сказать ни на одном известном ему языке. Он лежал на спине, напряженный, и тяжело дышал. Его пенис начал предательски пульсировать, явно намереваясь встать и терзать его всю ночь в отместку за такое пренебрежение его нуждами. Короткие захлебывающиеся звуки раздавались из кучи одеял на полу, перемежаясь истерическим иканьем. Джейми подумал, что с тех пор, как Йен вернулся, это первый раз, когда он слышит его искренний смех.

Моля Господа даровать ему стойкость духа, он сделал долгий медленный вдох и закрыл глаза, плотно прижав локти к бокам.

Глава 15

Та, которой суждено утонуть

Роджер вышел на террасу Ривер Ран, ощущая приятную усталость. После трех недель неустанной работы он сумел собрать всех новых поселенцев с больших и малых дорог Кросс-Крика и Кэмпбелтауна, наладил общение с главами семейств и сумел снарядить людей в дорогу, снабдив самым необходимым: пищей, одеялами и обувью. Теперь они все были в одном месте, а их склонность разбредаться и впадать в панику пресекалась на корню. Завтра утром без всяких отлагательств они отправятся к Риджу Фрэзеров.

Он с чувством удовлетворения посмотрел с террасы на луг, раскинувшийся за конюшнями Иокасты Кэмерон-Иннес. Там был разбит временный лагерь для новых жильцов: двадцать две семьи, семьдесят шесть душ, четыре мула, два пони, четырнадцать собак, три свиньи и одному богу известно, сколько кур, котов и домашних птиц, запертых в плетеные клетки, чтобы было удобно перевозить. В кармане у него лежал потрепанный и помятый список с именами, не считая животных, конечно. Там же лежало еще несколько списков, исчерканных и доведенных правками до такого состояния, что прочесть их было невозможно. Роджер чувствовал себя ходячим Второзаконием. А еще ему очень хотелось выпить.

И это его желание готово было исполниться: Дункан Иннес, муж Иокасты, вернулся домой, закончив свои дела, и теперь сидел на террасе в компании стеклянного резного графина, пронизанного лучами заходящего солнца, отчего тот искрился мягким янтарным сиянием.

– Ну, как дела, а *charaid*? – тепло поприветствовал его Дункан, указывая на соседнее плетеное кресло. – Может, выпьешь рюмочку?

– Да, спасибо.

Роджер благодарно уселся в кресло, которое приятно скрипнуло, приняв его вес. Дункан подал ему бокал, и он опустошил его с коротким «*Slàinte*³⁵!».

Виски обожгло травмированные связки, заставив закашляться, но вместе с тем, кажется, неожиданно расслабило их, так что постоянное чувство легкого удушья начало покидать его. Довольный, он сделал еще глоток.

– Значит, они готовы отправиться в путь? – Дункан кивнул в сторону луга, где дым от костров висел в закатном воздухе как низко опустившееся золотое облако.

– Готовы как никогда. Бедолаги, – добавил Роджер сочувственно.

Дункан приподнял мохнатую бровь.

– Они не в своей тарелке, – пояснил Роджер, приподнимая бокал, чтобы принять предложенную добавку. – Женщины в ужасе, да и мужчины тоже, просто лучше это скрывают. Можно подумать, что я угоняю их в рабство на сахарную плантацию.

Дункан кивнул.

– Или собираешься продать их в Рим, чтобы они чистили папские туфли, – усмехнулся он. – Думается мне, они католиков в глаза не видели, пока не оказались на корабле. Но судя по

³⁵ На здоровье! (*гэльск.*).

сморщенным носам, они не желают водить с ними близкого знакомства. Они хоть выпивают иногда?

– Думаю, только в медицинских целях и только если есть угроза жизни. – Роджер сделал медленный глоток, наслаждаясь напитком, и закрыл глаза, чувствуя, как виски разогревает горло и сворачивается где-то в груди, как урчащая кошка. – Ты ведь знаешь Хирама? Хирама Кромби? Он у них за главного.

– Того занудного малого с кислой рожей? Ну, я встречал его. – Дункан разбитно улыбнулся, и его опавшие усы чуть приподнялись. – Он придет к нам на ужин. Так что выпей-ка еще.

– Так и сделаю, спасибо, – отозвался Роджер и протянул стакан. – Хотя вообще-то никого из них нельзя упрекнуть в любви к земным наслаждениям, насколько я успел заметить. Как будто они все ковенантеры³⁶ до мозга костей. Замороженные избранные³⁷, да?

Дункан от души рассмеялся.

– Что ж, не такие, как во времена моего деда, по крайней мере, – сказал он, успокаиваясь, и протянул руку к графину. – Слава тебе, господи, – добавил мужчина и закатил глаза, гримасничая.

– Значит, твой дед был ковенантер?

– О да. – Качая головой, Дункан изрядно плеснул виски сначала Роджеру, а потом себе. – Злющий старый ублюдок он был. Хотя и неспроста. Видишь ли, его сестра утонула, привязанная к столбу.

– Привязанная... Боже. – Он прикусил язык, но любопытство взяло свое. – Ты хочешь сказать... она была казнена через утопление?

Дункан кивнул, не отрывая глаз от стакана, потом отпил виски и подержал жидкость немного во рту, перед тем как глотнуть.

– Маргарет. Ее звали Маргарет. В то время ей было восемнадцать. Ее отец и брат – мой дед – пустились в бега после битвы при Данбаре, укрылись в горах. Скоро за ними явились солдаты, но она не выдала им, куда ушли мужчины, – при ней была Библия. Они попытались заставить ее отречься от веры, но и это с ней не прошло – скорее камень разговоришь, чем женщин из этой ветви, – сказал он, качая головой. – Нельзя их ни к чему принудить. Тогда они потащили к берегу ее и еще одну старую женщину, тоже из ковенантеров, раздели их догола и привязали к столбам на линии прилива. И стали ждать всей толпой, пока вода поднимется.

Он сделал еще один глоток, на этот раз торопливый.

– Старуха ушла под воду первой – они привязали ее ближе к воде: думаю, они рассчитывали, что Маргарет сдастся, когда увидит ее мучения. – Он крикнул, неопределенно потряхнув головой. – Но нет, и в помине того не случилось. Вода прибывала, волны плескались вокруг нее. Она кашляла, захлебывалась, волосы растрепались. Когда волна откатывалась назад, они облепляли ее лицо, словно водоросли. Моя матушка все это видела, – добавил Дункан, приподнимая бокал. – Ей тогда было семь, но она это запомнила на всю жизнь. Она рассказывала, что после первой волны можно было сделать три вдоха, а потом вода снова накрыла Маргарет. Потом отхлынула... три вдоха... и еще одна, последняя волна. После этого можно было разглядеть только ее волосы, колышущиеся на водной глади.

Он поднял бокал чуть выше, и Роджер поднял свой в безмолвном тосте.

– Господи, – сказал он, и это было не богохульство.

³⁶ *Ковенантеры* – движение XVII века в Шотландии, чьей целью было установление пресвитерианства как единственной государственной религии, а также уничтожение церковной иерархии и изгнание католиков; в данном контексте слово используется как синоним религиозному фанатизму.

³⁷ *Frozen Chosen* – насмешливое прозвище, данное реформистам из-за их уверенности в собственной избранности по сравнению со всеми другими вероисповеданиями.

Виски вновь обожгло горло, и он глубоко вдохнул, благодаря Бога за радость дышать. Три вдоха. Это был односолодовый виски с острова Айлей – легкие Роджера наполнил крепкий йодистый запах моря, водорослей и дыма.

– Упокой Господь ее душу, – сказал он хрипло.

Дункан кивнул и снова потянулся к графину.

– Я бы сказал, она заслужила покой, – отозвался он. – Хотя вот они, – он приподнял подбородок, указывая на луг, – они сказали бы, что она тут совсем ни при чем и ее заслуги в этом нет. Это Господь решил даровать ей райские кущи, а англичан обрек на вечные муки. Что тут скажешь...

Свет постепенно угасал, и костры засветились ярче на сумеречном лугу за конюшнями. Дым от них достиг носа Роджера, запах был приятный и домашний, но несмотря на это в горле от него запершило сильнее.

– Сам я обнаружил не так уж много вещей, ради которых стоило бы умереть, – сказал Дункан задумчиво и улыбнулся одной из своих быстрых и редких улыбок. – Мой дед сказал бы, это значит только, что мне с начала времен были уготованы вечные муки. «По установлению Божию, для явления славы Его, одни люди и ангелы предопределены к вечной жизни, другие предназначены к вечной смерти»³⁸. Он говорил это каждый раз, когда кто-нибудь вспоминал о Маргарет.

Роджер кивнул, узнав цитату из «Вестминстерского исповедания веры». Когда это было? 1646-й? 1647-й? Одно или два поколения до дедушки Дункана.

– Я полагаю, ему было легче думать, что смерть сестры – это божья воля, и никак с ним не связана, – сказал Роджер не без сочувствия. – Значит, сам ты в это не веришь? В предопределенность, я имею в виду?

Ему было искренне любопытно. Пресвитериане из его собственного времени по-прежнему верили в идею о предопределенности, но были гораздо гибче: они по большей части обходили стороной неизбежность вечных мук и не рассматривали каждую деталь своей жизни как нечто, что было им суждено. А он сам? Бог знает.

Дункан приподнял плечи, причем правое поднялось чуть выше, из-за чего он стал казаться перекошенным.

– Бог знает, – сказал он и засмеялся. Потом покачал головой и вновь опустошил бокал. – Нет, думаю, что нет. Но не стал бы открывать все карты перед Хирамом Кромби или даже молодым Кристи. – Дункан указал подбородком в сторону луга, где можно было разглядеть две темных фигуры, бредущих бок о бок в сторону дома. Их было легко узнать отсюда: высокого и сутулого Арчи Бага и низенького, крепко сложенного Тома Кристи. Роджер подумал, что последний даже издали излучал сварливость, резко и быстро жестикулируя по пути, – очевидно, он о чем-то спорил с Арчем.

– В Ардсмуире из-за этого случались страшные драки, – сказал Дункан, наблюдая за приближением двух фигур. – Католикам не нравилось слышать, что они прокляты. А Кристи и его маленькой банде доставляло величайшее удовольствие сообщать им об этом. – Его плечи задрожали от сдерживаемого смеха, и Роджер вдруг задался вопросом, сколько виски Дункан успел выпить до его прихода. Он никогда не видел старика таким веселым.

– Мас Dubh положил этому конец, когда заставил нас всех сделаться масонами, – добавил он, наклоняясь вперед, чтобы наполнить бокал. – Но пару человек до этого едва не убили. – Мужчина вопросительно приподнял графин в сторону Роджера.

Осознавая близость ужина в компании Тома Кристи и Хирама Кромби, Роджер кивнул.

³⁸ Цитата из «Вестминстерского исповедания веры» – краткого свода кальвинистской религиозной доктрины, разработанного Вестминстерской ассамблеей в период Английской революции XVII века и утвержденного в качестве официальной доктрины пресвитерианских церквей Шотландии и Англии.

Когда Дункан, все еще улыбаясь, наклонился в его сторону, чтобы налить виски, последние отблески солнца упали на его обветренное лицо. Роджер в этот момент заметил тонкую белую линию, пересекающую верхнюю губу Дункана и наполовину скрытую густой растительностью, и внезапно осознал, почему Дункан носит длинные усы – довольно необычное решение во времена, когда все мужчины ходят гладко выбритыми.

Он не заговорил бы, если бы не виски и не ощущение странного сообщничества между ними – двумя протестантами, причудливо затесавшимися среди католиков и с удивлением глядящих на то, куда их занесла судьба. Они двое всегда были сами по себе, потому что так распорядилась жизнь, и теперь как-то вдруг обнаружили себя во главе больших семейств, и, более того, в их руках были судьбы чужих людей.

– Твоя губа, Дункан. – Он легонько коснулся собственного рта. – Что с ней случилось?

– О, это? – Дункан удивленно коснулся рта. – Да нет, я просто родился с заячьей губой, так мне сказали, по крайней мере. Сам-то я не помню ничего, меня подлатали, когда мне было не больше недели.

Теперь пришла очередь Роджера удивляться.

– Кто подлатал?

Дункан пожал плечами.

– Странствующий целитель, мама говорила. Она почти смирилась с тем, что долго я не проживу, – потому что я, как ты понимаешь, не мог сосать. Она и мои тетушки по очереди пытались выжимать молоко мне в рот из платка, но все без толку: она говорила, я напоминал маленький скелет, когда в деревню явился этот чародей.

Мужчина рассеянно потер губу костяшками пальцев, разглаживая густые жесткие усы.

– Мой отец дал ему шесть селенок и немного нюхательного табака. Он меня заштопал и дал матери какую-то мазь для раны. Ну и вот... – Он криво улыбнулся и снова пожал плечами. – Наверное, мне было суждено жить. Дед ведь говорил, что Господь избрал меня. И только он один знает для чего...

Роджер ощутил смутное волнение, чуть притупленное виски. Целитель-горец, который смог зашить заячью губу? Он отхлебнул из бокала, стараясь не пялиться, но осторожно изучая лицо Дункана. Теоретически это возможно. Шрам был едва виден под усами – если знать, где искать, – но не доходил до ноздри. Должно быть, это была самая заурядная заячья губа, а не один из тех жутких случаев, о которых он читал в медицинском журнале Клэр. От ужаса он не мог оторвать глаз от страницы, где доктор Роулингс описывал младенца, рожденного не просто с заячьей губой: у него недоставало неба и всей центральной части лица. Слава тебе Господи, там не было рисунков, но даже кратких описаний Роулингса было достаточно. Роджер закрыл глаза и глубоко вдохнул запах виски, впитывая его всеми порами.

Было ли это возможно? Наверно. Люди и сейчас делали операции – кровавые, грубые и мучительные. Он видел, как Мюррей Маклауд, аптекарь из Кэмпбелтауна, ловко зашил щеку человеку, которого покалечила овца. Насколько сложнее зашить губу ребенку? Роджер подумал о губах Джемми, нежных, как лепестки, которые прокалывает игла с грубой черной ниткой, и поежился.

– Ты замерз, а charaid? Пойдем внутрь? – Дункан подтянул ноги, готовый встать, но Роджер замахал руками на старика.

– Да нет. Просто мурашки по спине пробежали. – Он улыбнулся и сделал глоток, чтобы отогнать несуществующий холод. Однако волосы на руках поднялись дыбом. Неужели может быть другой человек, другие люди, как они?

Он знал, что такое случалось прежде. Взять хоть его собственную прабабку в бог знает каком колене, Гейлис. Еще был мужчина, чей череп с серебряными пломбами на зубах нашла Клэр. Мог ли Дункан встретить еще одного в глухой шотландской деревне полвека назад? Роджер ощутил новый приступ тревоги. Как часто это происходит? И что происходит с ними?

Когда они почти уже достигли дна графина, он услышал позади шаги и шуршание шелка.
– Миссис Кэмерон. – Роджер тут же подскочил, заставив мир вокруг слегка накрениться, и склонился, чтобы поцеловать руку хозяйке.

Она коснулась его лица своей длинной ладонью, подушечки пальцев пробежали по коже, подтверждая его личность, – такова была ее привычка.

– Ох, вот и ты, Джо. Хорошо провели время с мальцом? – Дункан попытался встать, но виски вкупе с нехваткой одной руки сделали свое дело. В этот момент Улисс, дворецкий Иокасты, беззвучно возник из темноты позади своей хозяйки и подставил ей плетеное кресло. Она опустилась в него без промедления, даже не проверив рукой, есть ли оно там, заметил Роджер. Она просто знала, что иначе быть не может.

Роджер разглядывал дворецкого с интересом, раздумывая, кого подкупила Иокаста, чтобы вернуть слугу. Его обвинили – и, вероятно, справедливо – в смерти британского морского офицера, случившейся во владениях Иокасты. Улисс был вынужден бежать из колонии. Однако лейтенант Вулф был небольшой потерей для флота, в то время как Улисс мог стать невосполнимой утратой для Иокасты Кэмерон. Может, и не все можно купить за деньги, но Роджер был готов биться об заклад, что для Иокасты Кэмерон не существовало ситуации, которую она не могла бы поправить при помощи золота, связей или женской хитрости.

– О, да! – ответила она мужу, протягивая к нему руку. – Я была так рада показать его всем, муженек! Мы замечательно пообедали со старой миссис Форбс и ее дочерью, малыш спел песню и всех совершенно очаровал. Там были девушки Монтгомери и мисс Огилви, мы ели крошечные ягнячьи отбивные в малиновом соусе с печеными яблоками и... О, это вы, мистер Кристи? Проходите и присоединяйтесь! – Она немного повысила голос, глядя в темноту у Роджера за плечом.

– Миссис Кэмерон. Ваш покорный слуга, мадам. – Кристи вышел на террасу и отвесил очень церемонный поклон, невзирая на то, что женщина, которой он предназначался, была слепа.

За ним последовал Арч Баг, который, в свою очередь, тоже склонился над рукой Иокасты, но вместо приветствия издал только доброжелательное мычание.

На террасу вынесли еще стульев и виски, как по волшебству появилась тарелка с закусками, зажгли свечи – вечер незаметно стал праздничным, вторя немного нервной атмосфере гуляний на лугу. Вдалеке звучала музыка – звуки вистла³⁹, играющего джигу.

Роджер позволил себе раствориться во всем этом, на какое-то время можно было расслабиться и снять с плеч груз ответственности. Сегодня ни о чем не нужно было волноваться: все были собраны в одном месте, в безопасности, накормлены и готовы к завтрашнему путешествию. Ему даже не нужно было поддерживать разговор, Том Кристи и Иокаста обсуждали литературную сцену Эдинбурга и книгу, о которой он никогда не слышал. Дункан вставлял редкие комментарии в беседу, но выглядел таким размякшим, что, казалось, вот-вот соскользнет с кресла. А старый Арч... Где был Арч? Ах, вот он, отправился назад на луг, наверняка вспомнив, что должен отдать какие-то последние распоряжения.

Он благословил Джейми Фрэзера за его дальновидную идею отправить вместе с ним Арча и Тома. Эти двое помогли ему избежать множества ошибок, взяли на себя тысячу мелких, но важных деталей и успокоили новых арендаторов перед финальным прыжком в неизвестность.

Роджер глубоко и с удовольствием вдохнул воздух, наполненный домашними запахами далеких костров и готовящегося ужина, и все это напомнило ему об одной маленькой детали, чье благосостояние по-прежнему целиком зависело от него. Извинившись, он прошел в дом и нашел Джема внизу на главной кухне. Мальчик уютно устроился в уголке большой скамьи и ел хлебный пудинг с топленым сливочным маслом и кленовым сиропом.

³⁹ Вистл – ирландский духовой свистковый инструмент с шестью отверстиями.

– Это ведь не твой ужин, правда? – спросил он, усаживаясь рядом с сыном.

– Угу. Хочешь немножко, папа? – Джем протянул ему ложку, с которой тянулись капли сиропа, и Роджер торопливо склонился, чтобы съесть предложенное лакомство до того, как оно окажется на полу. Пудинг таял во рту, он был очень сладким и оставлял сливочное послевкусие на языке.

– Ммм, – промычал он, глотая. – Тогда давай не будем рассказывать маме и бабуле, ладно? У них есть какое-то странное предубеждение насчет мяса и овощей.

Джем согласно кивнул и протянул вторую ложку. Они разделались с остатками пудинга вместе в дружеском молчании, после чего сын забрался к нему на колени и, прижав липкую рожицу к его груди, уснул мертвым сном.

Слуги бегали взад и вперед вокруг них, то и дело дружелюбно улыбаясь. Он лениво подумал, что надо бы встать. Ужин вот-вот начнется: мимо него уже пронесли изящно сервированные тарелки с томленной уткой и бараниной, чаши, нагруженные пушистым дымящимся рисом с подливкой и огромную салатницу с зеленью, запавленной уксусом.

Довольный жизнью и наполненный виски и пудингом, он медлил, откладывая необходимость расставания с Джемом и с ощущением благодного покоя, который дарил ему спящий на руках сын.

– Мистер Роджер? Давайте я заберу его? – сказал мягкий голос. Он отвлекся от изучения волос Джима, в которых застряли кусочки пудинга, и, посмотрев вверх, увидел над собой Федру, горничную Иокасты, которая стояла перед ним с протянутыми руками, чтобы взять мальчика.

– Я помою его и уложу в постель, сэр, – сказала она, и ее овальное лицо стало таким же мягким, как и голос, когда она посмотрела на Джима.

– О. Да, конечно. Спасибо. – Роджер выпрямился, держа Джима на руках, и осторожно встал, ощутив немалый вес ребенка. – Я донесу его, он тяжелый.

Он поднялся за рабыней по узкой лестнице, ведущей из кухни, по пути восхищаясь – отвлеченно, в исключительно эстетическом смысле – изяществом ее фигуры. Сколько ей лет? Двадцать? Двадцать два? Иокаста позволит ей выйти замуж? У нее наверняка есть поклонники. Но он знал, что она, как и Улисс, очень дорога Иокасте, почти всегда рядом с хозяйкой. Непросто будет совместить это с собственным домом и семьей.

Наверху лестницы она обернулась, чтобы забрать у него Джима. Роджер неохотно, но в то же время с некоторым облегчением передал ей свой безвольный груз. Внизу стояла ужасная духота, и его рубашка промокла там, где к ней прижимался Джем.

– Мистер Роджер?

Голос Федры остановил его, когда он уже собирался уйти. Она смотрела на него поверх плеча Джима, и ее взгляд казался смятленным под белым узлом головного платка.

– Да?

На лестнице послышались шаги, и ему пришлось подвинуться, чтобы разойтись с Оскаром, идущим вверх с пустой тарелкой под мышкой – очевидно, он направлялся к летней кухне, где жарили рыбу. Оскар широко улыбнулся Роджеру, проходя мимо, и послал воздушный поцелуй Федре, которая строго сжала губы в ответ.

Девушка едва заметно мотнула головой, и Роджер пошел за ней в холл, подальше от кухонной суеты. Она остановилась возле двери, ведущей в конюшни, оглядываясь вокруг, чтобы убедиться, что их никто не слышит.

– Может, мне не стоит ничего говорить, сэр. Может, ничего такого и нет. Но я подумала нужно все равно вам сказать.

Он кивнул, убирая назад влажные волосы с виска. Дверь была открыта, и оттуда доносился легкий ветерок – спасибо господу.

– Мы были в городе сегодня утром, сэр, на складе мистера Бенджамина, вы ведь его знаете? Вниз по реке.

Он снова кивнул, и она облизнула губы.

– Мастер Джем все не мог успокоиться и бегал вокруг, пока хозяйка разговаривала с мистером Бенджамином. Я ходила следом, глядела, чтобы он ничего не наделал, так что была прямо там, когда вошел мужчина.

– Что за мужчина?

Федра покачала головой, темные глаза стали серьезными.

– Не знаю, сэр. Большой мужчины, высокий, как вы. Со светлыми волосами, без парика. Но джентльмен.

Вероятно, она хочет сказать, что он был хорошо одет, подумал Роджер.

– И?

– Он поглядел вокруг, увидел мистера Бенджамина и мисс Джо и шагнул в сторону, как будто не хотел, чтобы его кто заметил. Но потом он увидел мистера Джема, и такой у него стал недобрый взгляд. – Она прижала Джема поближе, вспоминая встречу. – И, скажу я вам, сэр, мне этот взгляд нисколько не понравился. Я увидела, как он пошел в сторону мальчика, и тогда я быстро подбежала и взяла мастера Джема на руки, как я держу его сейчас. Сначала он удивился, а потом, будто что-то ему показалось смешным, улыбнулся ему и спросил, кто его папа. – Она коротко улыбнулась, легонько потрепав Джейми по спине. – Люди в городе все время его про это спрашивают, сэр. Ну он ему сразу и ответил, что его папа Роджер Маккензи. И этот мужчина, он засмеялся и погладил Джема по волосам – все так делают, сэр, у него ведь такие красивые волосы. Ну он и говорит тогда: «Правда, мой маленький дружок, и в самом деле он?»

У Федры был талант к подражанию. Она очень точно изобразила ирландский акцент, и Роджер весь похолодел, ему больше не было жарко.

– Что случилось потом? – напряженно спросил он. – Что он сделал? – Полубессознательно он заглянул девушке через плечо в открытую дверь, проверяя, не притаилась ли опасность в ночной темноте.

Федра передернула плечами, слегка дрожа.

– Ничегошеньки он больше не сделал, сэр. Только посмотрел на Джема так настойчиво, а потом на меня, и улыбнулся. И мне совсем не понравилась его улыбка, сэр, нисколько. – Она покачала головой. – А потом я услышала, как мистер Бенджамин позади меня громко спрашивает, его ли ищет этот джентльмен. И мужчина этот быстренько развернулся и просто вышел через дверь. Вот так, – сказала она и, покрепче перехватив Джема одной рукой, шелкнула пальцами свободной.

– Понятно. – Пудинг отяжелел в желудке, и Роджеру начало казаться, что он проглотил камень. – Ты что-нибудь сказала своей хозяйке про этого мужчину?

Она решительно покачала головой.

– Нет, сэр. Он ведь ничего такого не сделал, как я и сказала. Но он меня растревожил, сэр, так что я поразмыслила над этим, пока шла домой, и решила, что все же лучше бы вам рассказать, сэр, если получится.

– Ты все правильно сделала, – сказал он. – Спасибо, Федра. – Он поборол желание забрать у нее Джема и покрепче прижать к себе. – Не могла бы ты... Можешь остаться с ним после того, как уложишь его в постель? Пока я не вернусь? Я скажу твоей хозяйке, что я тебя попросил.

В ее темных глазах светилось абсолютное понимание, и она кивнула.

– Да, сэр. Я за ним пригляжу. – Она присела в подобии реверанса и пошла вверх по лестнице в сторону комнаты, которую он делил с Джемом, напевая мальчику что-то ритмичное и убаюкивающее.

Роджер медленно выдохнул, стараясь совладать с непреодолимым желанием сейчас же взять лошадь из конюшни, доскакать до Кросс-Крика и обыскать в ночи весь город, каждый дом, пока он не найдет Стивена Боннета.

– Ну да, – сказал он вслух. – И что дальше? – Он невольно сжал кулаки, прекрасно зная, что именно нужно делать дальше, хотя его разум признавал тщетность этого предприятия.

Роджер с трудом подавил в себе гнев и чувство беспомощности, остатки виски все еще согревали кровь и пульсировали в висках. Теперь уже совсем стемнело, и он резко шагнул в ночь через открытую дверь. С этой стороны дома луга не было видно, но он по-прежнему ощущал запах костров и слышал отголоски музыки вдалеке.

Он знал, что Боннет однажды вернется. Внизу, у ровно подстриженной лужайки, бледным пятном в ночи высилась громада мавзолея Гектора Кэмерона. Там, надежно спрятанное в гробу, который дожидался жены Гектора, Иокасты, лежало золото якобитов, главная тайна Ривер Рана. Боннет знал о существовании сокровища и подозревал, что его хранят на плантации. Он уже пытался добраться до него и в тот раз потерпел поражение. Нет, предусмотрительным Боннет не был, но он был упорным.

Роджер почувствовал, как все тело напрягается и подтягивается, подталкивая его немедленно выследить и убить человека, который изнасиловал его жену и угрожал его семье. Но от него сейчас зависели семьдесят шесть человек – нет, даже семьдесят семь. Жажда мести боролась в нем с чувством долга, и в конце концов очень нехотя отступила.

Он дышал глубоко и медленно, ощущая, как шрам от петли сжимает горло. Нет. Ему нужно было идти, довести новых жильцов на Ридж в целости. Идея отправить их с Арчем и Томом, а самому остаться здесь, чтобы найти Боннета, была соблазнительной. Однако Джейми поручил это дело ему, и Роджер не мог все бросить ради сведения личных счетов – предприятия, вероятнее всего, тщетного и требующего времени. К тому же он не мог оставить Джейми без защиты. Как бы то ни было, стоит рассказать об этом Дункану. Ему можно доверять, он примет необходимые меры по защите Ривер Рана, напишет властям в Кросс-Крик и наведет справки.

А Роджер сделает все, чтобы Джем оставался в безопасности. Утром он посадит его в седло перед собой и будет держать сына в поле зрения каждый дюйм дороги, пока они не доберутся до своего убежища в горах.

– Кто твой папа? – пробормотал он, и новая волна гнева побежала по его венам. – Черт тебя побери, это я, проклятый ублюдок!

Часть третья Всему свое время⁴⁰

Глава 16 Le Mot Juste⁴¹

Август 1773 года

– Ты сама себе улыбаешься, – прошептал Джейми мне на ухо. – Тебе было хорошо?

Я повернула голову и открыла глаза, обнаружив его губы прямо перед собой, – он тоже улыбался.

– Хорошо, – повторила я задумчиво, проводя кончиком пальца по краю его полной нижней губы. – Ты изображаешь скромность или используешь классическую уловку и пытаешься вытянуть из меня комплименты, преуменьшая свои достоинства?

Улыбка стала шире, а его зубы на секунду игриво сомкнулись на моем любопытствующем пальце.

– О, ну конечно, скромность, – сказал он. – Если бы я вытягивал из тебя комплименты, то не стал бы сейчас делать это при помощи слов, так ведь?

Одна его рука нежно скользнула по моей спине в подтверждение сказанного.

– Ну, слова помогают, – отозвалась я.

– Правда?

– Да. Я только что пыталась определить, какое из твоих признаний считать более искренним: «я люблю тебя», «ты мне нравишься», «я тебя боготворю», «я хочу тебя».

– Я все это сказал? – спросил он немного ошарашенно.

– Да. А ты не слышал?

– Нет, – признал он. – Но я все это имел в виду. – Он накрыл рукой мою ягодицу, и оценивающе взвесил ее. – И все еще имею, раз уж мы об этом заговорили.

– Что, даже последнее? – Я засмеялась и нежно потерлась лбом о грудь Джейми, ощущая его подбородок у себя на макушке.

– О, ох, – ответил он со вздохом, крепко прижимая меня к себе. – Скажу тебе так: плоть требует скромного обеда и немного отдыха перед тем, как я снова подумаю об этом, но дух мой всегда готов. Боже, у тебя самый привлекательный пухленький зад на свете. Одного взгляда на него достаточно, чтобы взять тебя снова без всяких любезностей. Тебе повезло, что ты замужем за дряхлым стариком, саксоночка, иначе сейчас ты бы уже стояла на коленях задницей кверху.

От него сладко пахло дорожной пылью, засохшим потом и крепким мускусом мужчины, который только что получил удовольствие.

– Приятно, когда по тебе скучают, – удовлетворенно сказала я в просвет под его рукой. – Я тоже скучала.

От моего дыхания ему стало щекотно, и кожа в этом месте задрожала, как у лошади, которую донимают мошки. Он поменял положение, подвинув меня, так что моя голова оказалась у него на плече, и довольно вздохнул.

– Что ж, я вижу, дом еще стоит.

⁴⁰ Екклесиаст 3:1. «Всему свое время, и есть время всякому делу под небом...»

⁴¹ Подходящее слово (*фр.*).

И он стоял. День тянулся к закату, окна были открыты, и солнце, опускающееся за деревья, рисовало подвижные узоры на стенах и льняных простынях, мы будто плыли в облаке перешептывающихся призрачных листьев.

– Дом стоит, урожай ячменя почти целиком собран, и ничего не умерло, – сказала я, устраиваясь поудобнее, чтобы выдать отчет. Теперь, когда самое важное позади, Джейми захочет узнать, как жил Ридж в его отсутствие.

– Почти целиком? – спросил он, мгновенно выхватывая сомнительную формулировку. – Что случилось? Были дожди, да, но ячмень поспел за неделю до этого.

– Не дожди. Саранча. – Я поежилась от воспоминаний. Стрекочущее облако мерзких пучеглазых тварей явилось как раз в последнюю неделю жатвы. Я пошла в огород нарвать зелени и обнаружила, что вышеупомянутую зелень густо облепили их клиновидные тела с ловкими когтистыми лапками. Мои салаты и капуста были обглоданы до состояния кочерыжек, а ипомея лохмотьями висела на заборе.

– Я побежала за Лиззи и миссис Баг, и мы стали сгонять их метлами. Тогда они поднялись одним огромным облаком и направились через лес к полю за Грин Спринг. Они обосновались в ячмене, на милях вокруг было слышно, как они жуют. Звук такой, как будто великан ходит по рисовому полю. – От отвращения плечи у меня покрылись мурашками, и Джейми рассеянно потер мою кожу своей большой теплой ладонью.

– Мхм. Значит, они ограничились одним полем, да?

– О да. – Я глубоко вдохнула, все еще чувствуя дым. – Мы подпалили его и сожгли их живьем.

Он слегка дернулся от удивления и посмотрел на меня сверху вниз.

– Что? Кто это придумал?

– Я, – ответила я не без гордости.

Глядя на это в ретроспективе, уже успокоившись, я поняла, что решение было разумным: под угрозой были другие поля – не только ячмень, но и поспевающая кукуруза, пшеница, картофель, сено, не говоря уже об огородах, от которых зависело большинство семей. Но в тот момент идея была продиктована слепой яростью, я мстила за свой разоренный сад. Я с удовольствием лично оторвала бы крылья каждой твари и станцевала бы на бранных останках, хотя жечь их было почти так же приятно.

Поле принадлежало Мурдо Линдсею, медлительному как на словах, так и на деле. Он даже не успел толком отреагировать на мое заявление о том, что я собираюсь поджечь ячмень, и все еще стоял на пороге своего дома, открыв рот от удивления, пока Брианна, Лиззи, Марсали, миссис Баг и я бегали вокруг поля с охалками хвороста, поджигали их от факелов и забрасывали горящие палки как можно дальше в море сухого спелого зерна.

Сухая трава занялась с треском, который быстро перерос в рев, когда огонь разгорелся. Испуганные жаром и дымом от дюжины костров, насекомые взлетели вверх подобно искрам, вспыхивая, когда огонь достигал их крыльев, и постепенно исчезли в поднимающейся стене из дыма и пепла.

– И конечно, именно этот момент выбрал Роджер, чтобы вернуться вместе с новыми арендаторами, – сказала я, сдерживая неуместный смех от воспоминания. – Бедняги. Уже темно, они стояли там с детьми, со своими тюками и наблюдали все это: поле в огне и мы рядом с ним танцуем, босые, с задранными юбками, и вопим, как какие-нибудь гиббоны, все перемазанные сажей.

Джейми прикрыл глаза рукой, очевидно, представляя себе эту сцену. Его грудь мелко задрожала, и из-под ладони показалась широкая улыбка.

– О боже. Они, должно быть, подумали, что Роджер Мак привел их прямиком в ад. Или, самое меньшее, на ведьмин шабаш.

Виноватый смех пузырился у меня под ребрами и рвался наружу.

– Так они и решили. Ох, Джейми, ты бы видел их лица! – Я не смогла больше сдерживаться и зарылась лицом в его грудь. Некоторое время мы вместе тряслись от почти беззвучного смеха.

– Я попыталась продемонстрировать гостеприимство, – сказала я, слегка всхлипывая. – Мы накормили их ужином и всем нашли место для сна: разместили столько, сколько вошло, в большом доме, остальные распределились между хижиной Брианны, амбаром и конюшней. Ночью, уже довольно поздно, я спустилась вниз – не могла уснуть из-за перевозбуждения – и обнаружила дюжину человек в кухне за молитвой.

Они стояли в кругу возле очага, держась за руки и смиренно склонив головы. При моем появлении все как один подняли худые изможденные лица. Они таращились на меня в полной тишине, и одна женщина, отпустив руку стоявшего рядом мужчины, спрятала ладонь под передником. В другое время и в другом месте я бы подумала, что она хочет вытащить оттуда оружие, – быть может, она и хотела, но я была почти уверена, что под изношенной тканью она сложила из пальцев рога.

Я уже знала, что лишь немногие из них говорят по-английски. Я спросила на ломаном гэльском, нужно ли им что-нибудь. Они уставились на меня, будто у меня было две головы, и через мгновение один мужчина, сморщенное создание с тонкими губами, едва заметно качнул головой.

– Они вернулись к молитве, предоставив мне красться обратно в постель.

– Ты спустилась в одной сорочке?

– Ну... Да. Я не предполагала, что кто-то будет бодрствовать в такой час.

– Хм. – Он коснулся пальцами моей груди, и я сразу догадалась, о чем он думает. Моя летняя ночнушка представляла собой тонкую, выношенную льняную рубашку. И да... наверное, черт побери, через нее можно было кое-что разглядеть при свете, но кухня освещалась только красноватым свечением от затухающих углей в очаге.

– И надо полагать, на тебе не было причитающегося ночного чепца, саксоночка? – спросил Джейми, задумчиво пропуская мои волосы сквозь пальцы. Я распустила их, перед тем как мы оказались в постели, и они радостно змеились во все стороны а-ля Медуза.

– Конечно, нет. Но я их заплела, – попыталась я оправдаться. – Вполне прилично!

– О, вполне, – согласился Джейми, улыбнувшись, и запустил пальцы глубже в буйные кудри, чтобы приподнять мою голову и поцеловать. Его губы потрескались от солнца и ветра, но оставались мягкими. Он не брился с того самого дня, как мы расстались, и у него отросла короткая кудрявая борода, приятная на ощупь.

– Ну что ж. Теперь, я полагаю, они уже освоились? Новые поселенцы? – Он коснулся губами моей щеки и нежно прикусил мочку уха. Я резко вдохнула.

– Ах. Хмм. Да. Арч Баг забрал их утром и разместил по всему Риджу с другими семьями, они уже начали... – На секунду я потеряла нить собственных рассуждений, и мои пальцы рефлексивно сжались на его груди.

– Ты, конечно, сказала Мурдо, что я с ним все улажу насчет ячменя?

– Да, конечно. – Я быстро вернула себе контроль, вспомнив о Мурдо, и засмеялась. – Он просто таращился на меня, а потом растерянно кивнул и сказал: «О, конечно, как будет угодно Самому». Я не уверена, что он вообще тогда понимал, зачем я подожгла поле. Возможно, он подумал, что мне внезапно пришла в голову блажь спалить его ячмень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.